

В ДЕМБО

**БЕССАРАБСКИЙ
ВОПРОС**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

**МОСКВА
1924**

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. ДЕМБО

БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС

Бессарабия.
Румыния.
Дунай.
Как захвачена Бессарабия.
Удержится - ли Румыния в
Бессарабии?

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№ 1059.

Ленинградский Гублит № 12559
Отп. 7000 экз. 116/а л. и 1 прил.

Что такое Бессарабский вопрос.

О Бессарабии и Румынии много говорят и много пишут, и у нас, и за границей. Последнее время особенно часто приходится слышать о „бессарабском вопросе“. Он является предметом спора между СССР и Румынией. Этот спор имеет большое международное значение, о нем велись переговоры между СССР и Румынией, и этим же спором интересуются и Англия, и Франция, и Италия, и Болгария, Юго-Славия, Чехо-Словакия, даже Япония. То и дело по разным случаям и поводам то тут, то там начинаются разговоры и споры о „бессарабском вопросе“.

В чем же заключается этот вопрос?

Бессарабия, которая является частью свободной России, насильственно захвачена румынскими войсками в 1918 году и присоединена ими к Румынии,—стране, где до сих пор властствуют помещики. Румынские захватчики уже в течение почти семи лет не выпускают из своих рук Бессарабию, подвергая ее население все время тяжелым мучениям, издевательствам, насилиям. Они добиваются, чтобы Бессарабия подчинилась их власти и перестала стремиться к своему освобождению. Румынские помещики, министры и генералы, при поддержке грабителей и капиталистов всех стран, утверждают, что Бессарабия будто бы добровольно присоединилась к Румынии, и потому является частью этого государства. Между тем, на самом деле, Бессарабия никогда не выражала желания принадлежать

Румынии. Крестьяне и рабочие этого края никогда не хотели быть рабами румынских помещиков. Когда румыны вооруженной рукой захватывали Бессарабию, все население долго и упорно им сопротивлялось. За все время оккупации Бессарабии румынскими войсками, крестьяне и рабочие Бессарабии, безоружные и обессиленные, все таки всеми возможными средствами боролись и до сих пор борются против насилия румын и против их временной власти. Трудящиеся Бессарабии не перестают стремиться к освобождению от румынского ига, и знают, что единственное настоящее освобождение для них—это соединение с республиками советского союза.

Румынское правительство все время упорно добивается, чтобы правительство СССР признало права Румынии на Бессарабию. Они хотят, чтобы наше правительство утвердило своим признанием все те ужасы, какие испытывало за прошедшие годы и испытывает до сих пор трудовое население Бессарабии, им нужно, чтобы Советская Россия перестала считать Бессарабию частью нашей Федерации, имеющую право на такую же свободную жизнь; какою пользуются все остальные части нашего союза. Такое признание со стороны СССР развязало бы руки румынским жандармам. Чтобы добиться этого, румынское правительство не жалело сил и не брезгает никакими средствами. Румынские помещики старались в первые годы использовать тяжелое положение советских республик, страдавших от разрухи, голода, блокады. Они поддерживали белогвардейские банды и пытались схватить нас за горло, вынуждая „признание“. Этого признания они у нас не вырвали. С другой стороны, они принимали все меры для того, чтобы нигде не знали настоящей правды о Бессарабии и о творящихся там ужасах. Они обманывали весь мир при помощи продажной буржуазной печати. Буржуазные газеты Франции и других стран то лгали, то молчали о Бессарабии, — как когда было нужно

румынским министрам. Они старались, чтобы во всем мире думали, что Бессарабия действительно добровольно присоединилась к Румынии.

Венская конференция и ее значение.

В самое последнее время румынские правители попробовали уже не силой вырвать у советских республик „признание“ прав румынских помещиков на Бессарабию, а купить у нас это признание рядом мнимых денежных и дипломатических уступок. Именно для этого они согласились на переговоры с нашими представителями на конференции в Вене, которая состоялась в конце марта 1924 года. Однако, и здесь наша делегация во главе с тов. Крестинским решительно отказалась признать права румынских помещиков на Бессарабию. Наша делегация снова заявила, что захват Бессарабии является беспримерным разбойничим и насильственным, и что СССР по прежнему считает Бессарабию неотъемлемой частью советского союза, временно занятой чужеземными войсками (оккупированной).

Однако, СССР сам по себе не предъявляет прав на Бессарабию. Он считает, что только Бессарабия сама имеет на себя права и сама имеет право определить свою судьбу. Пусть само население Бессарабии без принуждения заявит куда направлены его взоры: к красной Москве, столице советского союза и маяку освобождения трудящихся всего мира, или к черному Бухаресту, столице помещичьей Румынии. Но волю свою население Бессарабии должно заявить не под угрозой румынского штыка и насилий румынских жандармов, охранников и чиновников, а свободно и добровольно.

Лучше всего выразил бы настоящую волю трудовой Бессарабии с'езд советов рабочих и крестьянских депутатов. Но наша делегация в Вене не стала требовать созыва такого с'езда, по нашему

единственно правомочного решать судьбы Бессарабии. Это было бы возможно только после революции. Она потребовала только, чтобы в Бессарабии был устроен плебисцит, то есть опрос всего населения (в том числе и богатых) о том, какому государству оно желает принадлежать. — Такой плебисцит — не советский принцип, плебисцит — это принцип чисто „демократический“, и широко применялся победителями после мировой войны. „Цивилизованные европейцы“ (какими считают себя румыны в противоположность „дикарям большевикам“), не должны были бы отказываться от такого опроса населения. Само собою разумеется, что для обеспечения свободного выражения населением Бессарабии своей воли, нужно было бы предварительно убрать из Бессарабии румынские войска и румынских чиновников. Наша делегация на венской конференции, разумеется, имела в виду, чтобы плебисцит был обставлен такими гарантиями, то есть чтобы население подавало свои голоса в отсутствие румынских войск и чиновников, — скажем, при какойнибудь временной нейтральной власти.

Это скромное, неоспоримо справедливое и демократическое предложение. Но оно встретило самый резкий отпор со стороны представителей Румынии. Они отказались от каких бы то ни было разговоров об опросе населения, о плебисците. Они заявляли, что для них вопрос давно решен, что у них нет никаких сомнений и т. д. В действительности они не хотят думать о плебисците потому, что даже сами нисколько не сомневаются в истинных желаниях населения. Они знают, что семь лет терзаний под игом румынских помещиков не вытравили из населения Бессарабии единодушной и всеобщей жажды свободы. Они знают, что при мало-мальски свободном изъявлении воли бессарабцами, они неудержимо и единодушно заявят о своей ненависти к румынским угнетателям, о своем нежелании принадлежать Румынии, о своем стремлении стать свободными и войти равноправным

членом в состав союза советских республик. Если бы у румынского правительства не было уверенности в таком именно исходе спроса населения, оно бы разумеется согласилось на предложенный нашей делегацией плебисцит. Но румынские помешники отлично знают, что у них нет ни малейшего основания рассчитывать на благоприятное для них голосование бессарабцев. Они знают, что бессарабцы никогда не простят им гнета и насилия. Поэтому румынская делегация в Вене отказалась от плебисцита и сорвала на этом конференцию.

Таким образом, венская конференция еще не разрешила бессарабского вопроса. Вопрос этот все еще стоит перед всем миром. Но не смотря на срыв конференции, эта Венская конференция является большим успехом советских дипломатов и советской международной политики. Она—большой шаг вперед в деле освобождения Бессарабии от румынского ига. Она является большим успехом потому, что остро поставила перед всем миром вопрос о Бессарабии. Румынское правительство при помощи французских и иных капиталистов и их подкупной печати больше шести лет старательно замазывало бессарабский вопрос. Венская конференция раскрыла всем этот обман. Она напомнила всему миру о кошмарных терзаниях злосчастной Бессарабии, о муках двух с половиной миллионов человек, населяющих ее. Она заставила румынских насилиников разоблачить самих себя и показать перед лицом всех стран, что за их „правами“ на Бессарабию не кроется ровно ничего, кроме голого насилия. Словом, конференция в Вене вскрыла настоящую суть бессарабского вопроса, заставила весь мир, рабочих и крестьян всех стран, задуматься над этим вопросом и над судьбою двух с половиной миллионов крестьян и рабочих Бессарабии.

Конференция снова выдвинула перед угнетателями и угнетенными всего мира и более общий

вопрос, — злонамечательный вопрос о самоопределении народов. Она напомнила, что в отношении этого самоопределения дело обстоит очень плохо не только в Бессарабии, но и во многих других местах земного шара, и капиталистической Европы прежде всего. Она вскрыла старые раны, и в то же время она показала, что наряду с пустой болтовней буржуазии и демократов разных мастей о демократических правах народов и о праве на самоопределение, единственным настоящим, не на словах а на деле, защитником этого принципа является советский союз. Вот почему к СССР с надеждой прикованы взоры угнетенных всех стран. Все угнетенные на земном шаре видят в советском союзе не только своего защитника, но и пример того, какими путями и чего именно нужно добиваться в борьбе с угнетателями. На этих путях найдут свою свободу все угнетенные и эксплуатируемые, найдут ее и истерзанные крестьяне и рабочие Бессарабии и самой Румынии. Ведь рабочие и крестьяне Румынии находятся под тем же бесчеловечным гнетом помещиков и капиталистов, от которого стонет и истекает кровью Бессарабия.

Так вот в чем заключается бессарабский вопрос, о котором мы начали речь. Это вопрос о насильственном захвате Бессарабии румынскими помещиками, вопрос о насилиях, которые творятся в этом краю уже почти семь лет и вопрос о путях освобождения Бессарабии и о надеждах на это освобождение.

В этом вопросе каждый трудящийся, каждый рабочий, каждый крестьянин и каждый красноармеец СССР должен обстоятельно разобраться. Нужно изучить все факты, относящиеся к этому вопросу. Через рабочих и крестьян советских республик об этом вопросе должны узнать рабочие и крестьяне всех стран. Избавление Бессарабии от кошмаров румынского гнета — близкое

и кровное дело для трудящихся всего мира. Весь мир трудящихся должен поставить разрешение бессарабского вопроса одною из своих ближайших практических задач. В этом отношении первое место среди трудящихся всего мира принадлежит бесспорно трудящимся Советских Социалистических Республик.

Сила Румынии и судьбы Бессарабии.

Задачей нашей книжки и является — более обстоятельно об'яснить читателю все, относящееся к бессарабскому вопросу. Мы хотим показать, почему именно он имеет серьезнейшее значение не только для самой Бессарабии прежде всего, не только для Румынии и для Союза Советских Социалистических республик, но и для всех других стран. В бессарабском вопросе скрестилось и перепуталось множество интересов капиталистического мира, много самых корыстных и низменных грабительских побуждений.

За кулисами бессарабского вопроса стоят и Франция, и Англия, и Италия, и Польша, и Северная Америка, и даже Япония. Для них Бессарабия и ее судьбы, для них то или иное решение бессарабского вопроса связано с капиталами, процентами, акциями, с политическим и экономическим влиянием на различные страны, с военными и торговыми интересами. И именно поэтому так запутан до сих пор бессарабский узел. Сплетение интересов капиталистов разных стран создает для Бессарабии положение, которое нужно было бы считать безвыходным, если бы мы верили в незыблемую прочность капиталистического мира. Но мир капитала обречен на потрясения. Капитализму предстоят очень горькие испытания, которые неразрывно связаны с растущей мощью революционных сил во всех концах капиталистического мира.

И в этих неизбежных потрясениях — надежда Бессарабии на освобождение от гнета, грабежа и насилия.

Совершенно ясно, что в бессарабском вопросе дело не в одной только Румынии. Сама по себе Румыния слишком ничтожная и бессильная страна, — хотя ее помещики и министры и называют ее „Великой Румынией“. Она не может собственными силами удерживать награбленные земли. Дело тут, к тому же, не в одной Бессарабии. Черной Румынии удалось прихватить за последние годы не мало и других лакомых кусков. Сила Румынии только в том, что она является слугою и наемником так называемых „великих держав“, до сих пор решающих в своих интересах судьбы всего мира. Раньше за нею была Германия, а после того, как Германия разгромлена, румынские правители сумели во время продать себя капиталистической Франции и стать исполнителями воли Пуанкаре, а в известной мере и Англии. Именно эти силы, находящиеся за спиной Румынии, обеспечивают до сих пор ее власть над Бессарабией. Именно они дали ей возможность округлить свои границы. А затем „великие державы“ позаботились и об усилении защиты непрочных границ награбленных земель военным союзом Румынии с Польшой. А теперь они стараются заставить и Болгарию, Юго-Славию, Чехо-Словакию помочь все тем же румынам. Это не всегда удается.

Несмыкаемы преступления румынских захватчиков по отношению к миллионам бессарабцев. Но нельзя забывать о том, что румынские бояре творят не только свою собственную злую волю, но и служат интересам разбойников еще более крупных и жадных. В этом истинном положении вещей необходимо отдать себе отчет для того, чтобы понять настоящие движущие пружины и силы, которые создали бессарабский вопрос. Чтобы распуш-

тать этот вопрос, нужно распутать и хитросплетения этих сил. Бессарабский вопрос в конце концов меньше всего решается в столице Румынии, Бухаресте. Нити его решения тянутся в Лондон, в Париж, и эти нити придется распутывать рабочим и крестьянам всех стран. Эти нити — часть той сети капиталистических тенет, которыми опутан весь мир.

С влиянием Парижа и Лондона на бессарабский вопрос мы ознакомимся впоследствии. Узнаем мы на дальнейших страницах и о том, что достаточно грешен тут и Берлин, что не чужда этому делу панская Варшава, и что руку к нему приложила и Италия до Муссолини и при Муссолини, и „благородная Америка“ при „демократическом“ и „гуманном“ президенте Вильсоне и после Вильсона, и еще всякие другие.

Но прежде всего нужно в кратких чертах ознакомиться с тем, что представляют собою Бессарабия и тот маленький, но злой и свирепый хицник,—Румыния. После этого мы расскажем о том, как произошло, что Бессарабия оказалась на столько лет в румынской оккупации. И все это откроет нам путь к выяснению вопроса, каковы грядущие судьбы Бессарабии, какие возможности открываются перед нею.

Бессарабия.

Прошлое Бессарабии.

Бессарабия — лакомый кусок для всех хищников. Она занимает пространство свыше 40.000 квадратных вёрст плодородной земли и представляет собою большой клин, выходящий к побережью Чёрного моря и ограниченный с восточной стороны рекою Днестр, впадающей в Чёрное море, а с западной стороны рекою Прут, — притоком Дуная. С юга ее отделяет от Румынии нижнее течение Дуная. Нижнее течение Дуная и его устье и затем Чёрное море образуют южную и юго-восточную границу Бессарабии. На севере же восточная и западная границы Бессарабии сходятся острым углом, где сближаются долины Днестра и Прута. Бессарабия по своим размерам больше Швейцарии, больше Дании, больше Бельгии.

Уже одни границы Бессарабии указывают на серьезное международное значение этого края не только в настоящее время, но и в далекие минувшие века. Дунай и Днестр издавна были торговыми путями, — еще для народов древности.

Еще древние римляне две тысячи лет назад торговали, воевали и селились в этих местах, по Дунаю и его притокам. Еще раньше выходцы из Греции создали ряд богатых колоний по Днестру (у греков эта река называлась Тирас). При владычестве римлян Бессарабия составляла часть области, называвшейся Дакией. Римское владыче-

ство и до сих пор оставило исторический след, — в виде остатков сооружений громадного Траянова вала. Эта укрепленная линия были создана в эпоху римского императора Траяна для обороны от кочевых народов. Другой, более живой след римлян — это значительная часть населения нынешних Бессарабии и Румынии. Дакия, область Дуная и Днестра и побережья Черного моря, была для римской империи не только источником обильных богатств и выгодным для колонизации краем. Это было и место ссылки, сюда отправлялись уголовные элементы, и элементы политически нежелательные владыкам Рима. Сюда, например, был сослан одним из римских императоров знаменитый поэт-сатирик Овидий Назон. В этих краях были и сильные римские гарнизоны. Молдаване и румыны являются отчасти потомками римских поселенцев. Римские колонисты, ссыльные и солдаты, а затем их потомки в течение веков смешивались с туземным большинством, с различными другими народностями и племенами, жившими в этих местах. В результате — язык нынешних румын и молдаван — язык романский, родственный по корням и происхождению языку римлян и развившимся позже французскому и итальянскому языкам.

Можно смело сказать, что Бессарабия на протяжении известной нам истории человечества находилась на большой дороге народов. Множество народов прошло по ней. Каждый из них здесь оседал на более или менее долгие периоды времени и оставлял свои следы в населении и в бытовом и хозяйственном укладе края. В разное время разные великие государства мира влияли на жизнь Бессарабии. И конечно совсем невозможно точно установить и взвесить, влияние каких народов и каких государств на протяжении веков было сильнее, неизгладимее в судьбах Бессарабии. Влияли все.

Древний киевский монах-летописец Нестор описывал историю и жизнь древних славянских полу-

кочевых и оседлых племен. И в его летописях находятся указания на то, что некоторые славянские племена жили по Днестру и „приседяху к Дунаю“, т. е. селились и по Дунаю. Город Аккерман теперь при оккупации румыны назвали по своему „Четате-Альба“. Это в переводе значит „Белый город“ или „Белая крепость“. Аккерман существовал уже 1.200 лет тому назад, — именно в VIII — IX веке. Он тогда был населен славянами и назывался Белгородом. Город этот находится на берегу Черного моря, у устья Днестра. Позже он стал, повидимому, исходным пунктом распространения вглубь Днестра, на север, вверх по его течению, торгового и культурного влияния генуэзцев. Эти предприимчивые итальянские купцы из области нынешней Генуи имели свои торговые и укрепленные пункты по всему побережью Черного моря и всем почти южным нашим нынешним областям. В XIII веке генуэзцы распространяются до верхнего течения Днестра. В их руках Аккерман, в их руках ряд пунктов, кончая нынешним городом Сороки, который они называли Ольхиония.

К XV столетию генуэзцев вытесняют уже турки. Турки получают вообще сильное влияние на жизнь значительной части южной Европы. Вдоль по Днестру уже ряд турецких крепостей. Некоторые из них по тому времени очень сильны и естественными, и искусственными укреплениями. Это крепости в Аккермане, Бендерах, Хотине. В Сороках в это же время строится крепость, которую владеет подвластный Турции молдавский воевода. В Хотине — центр турецкой власти над хотинской „райей“ (так называли турки области, населенные преимущественно христианами). Отсюда турецкий паша управляет и нынешней северной Бессарабией, и Подолией.

В период войн между Польшей и Турцией (лет 300—400 назад), когда много десятилетий шла упорная борьба за обладание крепостью и городом Каменец - Подольским и всей Подолией, поляки

временами овладевали и отдельными турецкими крепостями, например Сороками. В это время здесь появлялись и польские поселенцы, поляки владели некоторыми землями.

Турецкие города и крепости были и по течению Дуная. Здесь особенно сильною крепостью был Измаил.

На протяжении ряда веков Бессарабия таким образом переходила из рук в руки, она подвергалась разнообразным культурным и экономическим влияниям. В ней перебывало много народностей (выше далеко не все они перечислены), каждая со своим языком, культурой, бытовым укладом, со своими способами хозяйства. Но именно поэтому часто и подолгу, — десятилетиями и веками, — край бывал как бы ничьим. Над ним не было давящей власти. И при таком неопределенном бывластном положении здесь создавались часто гораздо более свободные отношения между группами и классами населения, чем в соседних странах. Как в свое время подневольные, крепостные и преследуемые люди бегали из помещичьей России на Украину и там создавали казацкие поселения; так дальше убегали и в Бессарабию с Украины, убегали из царской помещичьей России, убегали из Польши и здесь поселялись. Отсюда шел новый поток славянского населения в Бессарабию.

С другой стороны, в подвластных Турции, но более устойчивых политически и экономически княжествах и воеводствах Молдавии и Валахии все резче выделялся господствующий помещичий класс. В Бессарабию пошел поток беглецов и оттуда. В Молдавии и Валахии население было более сплошное, румынского происхождения. Через эти области не проходило столько народностей, стремившихся с севера и северо-востока к сказочным Балканам или продвигавшихся с Балкан для завоевания севера. Здесь выделился класс помещиков-румын и помещиков и откупщиков иноземцев, а основная масса крестьянского населения подвергалась

жестокой эксплуатации. Вот от этого гнета и эксплуатации румынских бояр и румынские крестьяне бежали в Бессарабию.

Начиная с 18-го столетия, в Бессарабии, кроме русских и украинских поселенцев и беженцев, все чаще появляются также русские войска. Начинается долгий период упорной борьбы между царско-помещичьей Россией и Турцией за политическую и хозяйственную власть над побережьем Черного моря, за влияние на Балканах и в Южной Европе. Одна за другую вспыхивают кровавые войны между султанской Турцией и царской Россией. Русские войска стремятся наносить туркам удары как можно ближе к Балканам, и все чаще проходят они для этого через Бессарабию. И в результате войн, то Россия отнимает Бессарабию от Турции, то Турция отнимает ее от России.

По Константинопольскому миру, заключенному 13 июня 1700 года, Бессарабия отходит к победившей России. Но через 92 года, в 1792 году, после другой, неудачной для России войны, по мирному договору, заключенному в Яссах, Россия уступает Турции всю территорию по правому берегу Днестра. Турция на этот раз владеет Бессарабией 20 лет. Опять война, и по Бухарестскому миру 28 мая 1812 года Бессарабия снова присоединена к России.

С этого времени Бессарабия входила в состав России. Только южная часть Бессарабии, прилегающая к Дунаю и Прту (Измаильский уезд) была некоторое время присоединена к княжеству Молдавии. Это было после неудачной для России Крымской войны, — тогда по Парижскому мирному договору 1856 года победители, — Франция и Англия, — порядком общипали царскую Россию. Княжество Молдавия вошло через несколько лет, в 1859—1861 г., в образовавшуюся тогда впервые Румынию. Румыния была соединением княжеств Молдавии и Валахии, которые провозгласили свою независимость от Турции. Таким образом, эта часть Бесса-

рабии стала принадлежать Румынии. Но довольно скоро, после новой русско-турецкой войны, Россия, уступив Румынии права на северную Добруджу, получила обратно южную Бессарабию (в 1878 г.).

Мы здесь только очень беглыми чертами обрисовали историю Бессарабии. Но и этот беглый очерк показывает, что Бессарабия является краем с сильно смешанным населением, в состав которого входят разнообразные национальности. Но население это было редкое, оно часто страдало и уничтожалось при международных столкновениях и войнах, опустошивших край.

В каком виде получила Россия Бессарабию в 1812 году?

Русский писатель и сенатор П. И. Сумароков, посетивший Бессарабию лет за 13 до ее присоединения к России, писал о ней в 1799 году: „Вся сия земля может называться обетованной, климат в той стране весьма хороший, положения мест бесподобные. Плодов, птиц и рыб всяких великое множество. Одним словом она всем, исключая жителей, изобилует.“

Военные действия, прошедшие уже после того, как писал это Сумароков, снова опустошили и обескровили край, и этому опустошению помогла еще эпидемия чумы в 1812—14 годах.

Не сладко пришлось Бессарабии и ее жителям и от владычества русских царей и русских чиновников. Несмотря на весь гнет царского режима, несмотря на всю тупость и хищничество русских чиновников, Бессарабия на протяжении 105 лет непрерывной (кроме 20-летнего для ее южной части перерыва) власти России от 1813 года до революции 1917 г. благодаря своим естественным богатствам стала обильным и населенным краем. Достаточно отметить, что население ее за это время увеличилось почти в восемь раз. Вместо 300—350 тысяч жителей в 1813 году, теперь там уже почти два с половиною миллиона жителей, — более точно 2.350.000 человек.

Кое что об „исторических правах“.

Мы останавливались до сих пор и будем останавливаться в дальнейшем на ряде исторических фактов, касающихся прошлого и настоящего Румынии и Бессарабии. Но было бы громадной ошибкой полагать, что эти исторические справки мы приводим для того, чтобы обосновывать свою позицию в бессарабском вопросе так называемыми „историческими правами“. „Историческое право“ для нас вообще вещь весьма мало убедительная. Советская Россия отнюдь не имеет в виду предъявлять свои „права“ на Бессарабию на том, например, основании, что этот край ряд десятилетий угнетался русскими царями и чиновниками. Мы не станем требовать и „прав“ над Румынией на том основании, что когда то Дунайские княжества были фактически в руках русского царя Николая I, укрепившего там власть тех самых помещиков, которые потом ограбили Россию. Не станем мы предъявлять никаких претензий Румынии и из за того, что несколько столетий назад ряд нынешних румынских городов был основан славянами и южно-русскими князьями.

Нет, все такого рода доводы—сущая буржуазно-империалистическая труха, и буржуазные дипломаты пользуются этой трухой только, как благородным предлогом для самых неблаговидных действий. Нелепые доказательства из области „исторических прав“ мы предоставляем целиком румынским политикам. А наши исторические справки мы привели здесь как для ознакомления читателей с прошлым Румынии и Бессарабии, так и для того, чтобы показать, что ссылки румынских министров на „исторические права“ нелепы даже с точки зрения этого самого исторического права, лживы, выдуманы, не соответствуют действительно бывшим фактам.

Любопытно отметить, до каких смехотворных ве-щей доводит злоупотребление доказательствами из области „исторических прав“. На основании раскопок из древней истории, на Бессарабию могли бы еще больше, чем румыны, претендовать и греки, и потомки римлян, и генуэзцев, то есть итальянцы, не говоря уже о турках. Но теперь, — по сообщениям румынских газет, — оказывается еще один претендент на Бессарабию: Болгария. В Болгарии даже основался союз, который требует присоединения Южной Бессарабии и Добруджи к Болгарии, потому что Южная Бессарабия, как и Добруджа, населена преимущественно болгарами, и у Болгарии есть какие то „исторические права“. „Преимущественно“, — это, разумеется, преувеличено. Как увидим дальше, там некоторая часть населения действительно болгарского происхождения, — это гагаузы, отуреченные болгары и просто болгары. Но их не так то уж много, — они составляют в Измаильском уезде 30% населения, — и суть не в этом, а в том, до чего доводит увлечение „историческими правами“.

Для нас эти так называемые „исторические права“ не имеют никакого существенного значения. Мы на них не ссылаемся хотя бы уже по одному тому, что ни в отношении Бессарабии, ни в отношении каких бы то ни было других областей бывшей Российской империи Советская Россия не предъявляет никому никаких своих великодержавных прав. Пусть такими правами занимаются империалисты. Советская Россия говорит не о какихнибудь своих правах на Бессарабию, а о правах самой Бессарабии и никого больше. Она говорит о правах и интересах двух с половиною миллионов крестьян и рабочих Бессарабии, и требует внимания всего мира к этим правам и интересам. Не уважения к прошлому, к его ушедшим теням, к историческому гнезду и насилию, не преклонения перед архивной пылью и пожелтевшими бумагами, — а уважения к жизненным, севодняшним и завтрашним интересам.

сам миллионов трудящихся, сейчас, сегодня имеющих право на свободу, имеющих право самим определять свое политическое и хозяйственное положение.

Доказательства из области „исторического права“ нужны для того, чтобы свидетельством теней мертвых угнетателей укрепить право угнетателей, еще не сброшенных в пропасть, на угнетение и эксплуатацию томящихся под их игом людей. Этим архивно-крепостническим доказательствам мы противопоставляем настоящие и будущие интересы миллионов. Эти интересы сильнее архивных справок, и мы отвергли бы ссылки на исторические права в бессарабском вопросе даже в том случае, если бы румынские доводы были целиком истинны. Но нам не приходится даже прибегать к такому решительному отрицанию, потому что румынские притязания построены даже не на истории, а на перевирании истории. Так называемые румынские права, которыми они еще пускают пыль в глаза наивным мещанам Европы и Америки, не имеют ни малейшего оправдания ни в настоящем, ни в историческом прошлом, ни тем более, в будущих интересах населения Бессарабии и даже самой Румынии.

Перейдем теперь к современному состоянию Бессарабии.

Современная Бессарабия.

Население.

Мы уже сказали, что в настоящее время населения в Бессарабии числится 2.350.000 человек. По отдельным национальностям они распределяются следующим образом (цифры в этой табличке взяты округленно по данным переписи 1897 годах ¹⁾:

¹⁾ Поэтому цифры не совпадают с нынешним итогом, но % % верны.

Молдаван	921.000	чел.	или 47—48% ⁰	всего населения.
Украинцев	382.000	"	20%	"
Русских	156.000	"	8%	"
Евреев .	228.000	"	12%	"
Болгар .	104.000	"	5,3%	"
Немцев .	60.000	"	3,1%	"
Гагаузов ¹⁾ .	57.000	"	2,8%	"
Цыган .	8.700	"	0,45%	"
Поляков	11.700	"	0,60%	"
Армян .	2.100	"	0,11%	"
Греков .	2.700	"	0,14%	"
Других .	3.000	"	0,15%	"

{ Следует отметить, что в общей массе населения Бессарабии место, занимаемое молдаванами, за последние десятилетия сокращалось. По переписи населения в 1862 году молдаване составляли 55 с половиною %⁰ населения, а в 1897 году по новой переписи их было уже только 47,5%. Объясняется это тем, что население Бессарабии возрастало не только за счет естественного прироста, но и за счет притока жителей из других областей Украины и России поэтому и за следующие 20 лет, со времени переписи до захвата Бессарабии %⁰ молдован не увеличился.

Города и границы Бессарабии.

Бессарабская губерния до революции состояла из 8 уездов.

Северная часть Бессарабии — три уезда: Хотинский, Сорокский, Белещкий. В этой части края много гор, холмов, лесов, оврагов. Это отроги Карпатских гор, постепенно, по направлению к югу, снижающиеся. Затем начинаются Бессарабские горы и их отроги. Они занимают и пространство части центральных уездов Бессарабии. Часть Карпатских отрогов образует в Хотинском уезде плоскую возвышенность, которая служит водоразделом между долинами рек Днестра и Прута. Горы северной и южной бессарабской группы местное население называет именем Кодра, или Кодряны, что на молдавском языке означает „древучий лес“. Вообще,

¹⁾ Гагаузы — отуреченные болгары. Они живут в Измаильском уезде.

северная часть Бессарабии лесиста. Далее к северу и западу эта часть Бессарабии граничит с лесистой прикарпатской Буковиной, раньше принадлежавшей Австрии, а теперь также захваченной румынскими помещиками.

Значительную часть населения Буковины составляют украинцы, а румыны там в меньшинстве. То же самое и в уездах северной Бессарабии, где особенно много украинцев, и где молдаване также составляют резко определенное меньшинство.

Оргеевский, Кишиневский, Бендерский уезды составляют центральную часть Бессарабии. Главным городом, административным и промышленным центром Бессарабии является Кишинев. Количества жителей Кишинева превышает 100.000 чл.

Южная часть Бессарабии образуется из приморского Аккерманского уезда и прилегающего к Дунаю, — Измаильского.

Гористая поверхность северной и от части центральной Бессарабии переходит южнее линии Леово-Бендера в открытую равнину, степь, все еще постепенно снижающуюся, отлогую по направлению к морю и к Дунаю. На этой равнине, которая называется „Буджак“, или Буджакская степь, много маленьких речек, текущих в глубоких балках на юг.

Судоходных рек и озер в Бессарабии имеется протяжением в 1.626 верст.

Самым значительным городом на Дунае является Измаил. Кроме того, на берегу Дуная находятся города Рени и Килия. На реке Прут, впадающей в Дунай, — города Кагул, Леово и Унгени — узловой пограничный пункт, здесь проходит железная дорога и имеется железнодорожный мост через Прут. По бессарабской территории железная дорога ведет от Унгени к Кишиневу, а по ту сторону границы, по румынской территории — к Яссам. Протяжение железных дорог широкой колеи в Бессарабии — 993 версты.

С востока Бессарабия граничит с Украиной: в северной части — с Подольей, а в южной — с Херсонщиной.

Восточная речная граница — река Днестр. Возле города Бендэр на бессарабском берегу и Тирасполя на Херсонском — громадный Бендэрский железнодорожный мост, которым соединялась железнодорожная линия по обе стороны реки. Румыны этот мост частью разрушили, чтобы отрезать Бессарабию от России.

По Днестру судоходство может поддерживаться до города Могилева-подольского, находящегося на подольском берегу Днестра. До Могилева в мирное время ходили пароходы. С того времени, как Бессарабия захвачена Румынией и румыны оградили также часть судов, которые они успели захватить на бессарабском берегу реки, — судоходство по Днестру прекратилось. Вскоре румыны почувствовали, насколько это хозяйственно невыгодно, и стали вести с нами переговоры относительно возобновления судоходства по Днестру. Но благодаря неуступчивости румын из этих переговоров до сих пор ничего не вышло, — румыны все еще думают, что можно хватать нас за глотку, но каждый раз им приходится убеждаться, что таким путем ничего от нас не получишь.

Чувствуя, насколько разоряет Бессарабию отсутствие судоходства по Днестру, румыны каждый раз становятся все таки несколько уступчивее, потому что понимают, что чем дольше будет проявляться их неумение наладить хозяйственную жизнь в Бессарабии, тем больше будет там уходить почва из-под их ног.

Поэже мы увидим, что румынская власть, власть помещиков, банкиров и генералов, действительно не в состоянии наладить хозяйственную жизнь не только Бессарабии, но и всех других захваченных ею областей. Она не в силах не только хозяйственно возродить их, но даже не может удержать от растущего разорения. А это в конечном счете значит, что помещичья Румыния и политически будет не в силах удержать в своих жадных руках чужое добро, набранное в мутной кровавой воде мировой войны.

Хозяйство.

По своему хозяйству Бессарабия — край главным образом земледельческий. Промышленность здесь пока развита слабо. Подавляющее большинство населения составляют крестьяне. Промышленных рабочих сравнительно мало. Однако, естественные богатства, природные почвенные и климатические условия создают очень много возможностей для широкого развития в будущем разнообразных отраслей не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности. Нужно только суметь разбудить дремлющие хозяйствственные возможности этого богато-одаренного края.

Климатические условия и плодородие почвы в Бессарабии дают возможность уже и сейчас вести здесь не только обычное земледельческое хозяйство, но и развивать повышенные, интенсивные и особо выгодные его формы. Достаточно сказать, что на юге Бессарабии может расти хлопчатник, кунжутное семя, земляной орех. По всей Бессарабии — виноградники и сады, много табачных плантаций. Широко развито скотоводство и молочное хозяйство.

Хозяйственный строй края, по преимуществу земледельческого, определяется прежде всего тем, как здесь распределена земля между помещиками и крестьянами. Земли в Бессарабии считаются около 3.900.000 десятин (точнее: 3.814.324 десятины). Сюда входит и 195.000 десятин лесов. По подсчетам, на которые ссылаются бессарабские помещики, из этой земли крестьянам принадлежало 2.182.000 десятин, а помещикам — 1.338.100 десятин, в том числе у помещиков было и 140.000 десятин леса. Городам, земству, церквям, монастырям, учреждениям принадлежало 314.700 десятин.

Таким образом, в руках помещиков было 35% всей земли, казенных земель было 8% и у крестьян — 57% земли. Как убедимся дальше, это распределение земли гораздо более выгодно для кре-

стьян, чем то, что мы увидим в Румынии относительно тамошнего крестьянства. Однако, и в Бессарабии положение крестьянства до революции было чрезвычайно плачевным по сравнению с положением помещиков. Бессарабия производила ежегодно зерновых хлебов до 160 миллионов пудов, не считая семян. Но из этого урожая больше половины, именно 53%, приходилось на земли помещиков, несмотря на то, что они располагали только 35% земельной площади. Если учесть еще леса, находящиеся в руках помещиков, виноградники, сады, табачные плантации, то окажется, что у помещиков, по их счету, только 30% посевной площади. А крестьянские земли, занимавшие 57% посевной площади, давали только 47% урожая зерновых хлебов.

Такое положение об'ясняется чрезвычайно просто. Помещичье землевладение в Бессарабии крупное. Если считать все земли частных владельцев, то и то средний размер частного владения в Бессарабии до революции — 301 десятина. Но тут в счет входят и довольно многочисленные владения городских мещан, из которых каждый обычно имел не больше крестьянского надела. Если эти пригородные владения скинуть со счета, то получим средний размер помещичьего землевладения уже значительно выше 300 десятин. А в значительной части в Бессарабии существовало чрезвычайно крупное помещичье землевладение. И рядом — средний крестьянский надел 6 с половиной десятин. Ясно, что помещик на своих обширных землях мог вести и вел культурное, широкое и доходное хозяйство, и получал большие урожаи, не говоря уже о высоких культурах и о скотоводстве. А крестьянин, ковыряясь на своих клочках земли вел хозяйство простое, незамысловатое, бедное, неумелое и потому гораздо менее урожайное.

Главное богатство Бессарабии — хлеб. Много сеется здесь кукурузы, — до миллиона десятин. Из 160 миллионов пудов урожая зна-

чительная часть вывозилась в Россию и за границу. Из одной только южной Бессарабии в урожайные годы вывозилось за границу до 30 миллионов пудов зерна.

Но кроме хлеба, вывозилось из Бессарабии и много других продуктов сельского хозяйства.

Так, садоводство давало много фруктов (абрикосы, персики, сливы, орехи и т. д.), имевших широкий сбыт и за пределами Бессарабии. Их много вывозилось и в сыром виде, и в сушеном. Несмотря на то, что заготовка фрукт производилась самыми несовершенными способами и много их портилось и пропадало зря при самой заготовке — ежегодно вывозилось сушеных фрукт и орехов полтора миллиона пудов.

Виноградники также занимают в Бессарабии значительную площадь. Выделяется много вина. Прежде производилось ежегодно до 10 миллионов ведер вина. Из них около 7 миллионов вывозилось из Бессарабии. Но в последние годы до мировой войны виноградарство и виноделие значительно сократилось вследствие того, что значительная часть виноградников благодаря недостаточному уходу была повреждена филлоксерой (виноградный вредитель). Производство вина сократилось до 5 миллионов ведер в год. Потом, после войны, оно еще более упало.

Табачные плантации в Бессарабии занимают до 10.000 десятин и дают ежегодно 500.000 пудов табаку, но могут дать и больше.

Скотоводство развито широко, особенно овцеводство. Овцеводство дает много шерсти, значительная часть которой вывозилась. Также вывозились конский волос, щетина, сырье кожи, мясо и сало. Вместе с тем развито молочное хозяйство и сыроварение. Вывозилось много масла и сыру, особенно сыру овечьего (брынза, качковал).

Рыбный промысел на Днестре и главным образом на Дунае и при дунайских озерах давал для вывоза ежегодно 500.000 пудов прекрасной рыбы.

Все эти богатые хозяйствственные возможности Бессарабии использовывались далеко не полностью. Ряд же других возможностей не сельскохозяйственного характера не использован до сих пор совершенно. Слабо развито лесное хозяйство, хотя здесь много дуба, бук, граба. Из ископаемых богатств, скрытых в недрах земли, разрабатывались только залежи фосфорита, минерального удобрения. Его до войны вывозилось в Англию до 2 миллионов пудов в год. Да еще соляные озера южной Бессарабии, при самой незатейливой разработке, давали ежегодно Бессарабии и ближайшим губерниям миллион пудов соли. Но гораздо более ценная глауберова соль, которую можно добывать на тех же озерах, не добывалась совсем. Не разрабатывались и залежи бурого угля в Измаильском уезде, — хотя здесь они удобно расположены и в них скрыты миллиарды пудов. Вдоль Дуная есть мрамор, гранит, ценные глины. В Приднестровье есть хороший гипс, который очень мало разрабатывается. Все это — более или менее известные ископаемые богатства. Но в сущности, Бессарабия в этом отношении совсем не исследована, и вероятно таит в своих недрах гораздо больше промышленных богатств.

«Все это дремлет, всего этого не смогла разбудить, двинуть в хозяйственный оборот царская Россия. Не смогла этого до сих пор сделать и помещичья Румыния, не сможет она сделать этого и в дальнейшем. Следующие главы нашей книги обяснят читателю причины хозяйственного бессилия Румынии и полной ее неспособности создать в Бессарабии промышленность.

Пока же нам нужно остановиться еще на одном чрезвычайно важном вопросе, — на вопросе о том, куда тяготело, с кем было теснее всего связано хозяйство Бессарабии в том виде, в каком оно было до сих пор?

На почве вывоза хлеба, основного экспортного продукта Бессарабии, издавна шла конкуренция между Россией и Румынией.

Собственно, самой Румынии бессарабский хлеб не был нужен. Вообще Румыния почти нечем было обмениваться с Бессарабией. И тут, и там — преобладание сельского хозяйства в экономике страны, и тут и там — более или менее однородные климатические и почвенные условия, и значит производство одних и тех же продуктов. Ничтожная промышленность Румынии не имела сбыта на бессарабском рынке. Во всяком случае, из Бессарабии в Румынию вывозилось значительно больше, чем ввозилось оттуда в Бессарабию. И хлеб, за которым гонялась Румыния, конкурируя с Россией, был нужен ей не для самой себя, а для других государств, которые закупали у нее и румынский хлеб. Румыния была заинтересована в том, чтобы как можно больше хлеба из Бессарабии шло по Пруту и Дунаю за границу на румынских судах или даже на иностранных через румынский порт Галац на Дунае или через Констанцу на Черном море. Это давало Румынии возможность развивать свое судоходство и свои порты. Со своей стороны, Россия была заинтересована в том, чтобы бессарабский хлеб не только по железнодорожным путям шел в Россию и оттуда вывозился за границу через Одессу (главным образом), но чтобы он шел в Одессу и по Пруту и Дунаю. Румыны всячески поддерживали свои пароходства. С румынской конкуренцией успешно боролось Русско-Дунайское пароходство, которое имело на Дунае и Пруте буксиры и десятки барж.

В обмен на хлеб, вино, фрукты, табак, мясо, шерсть, кожи, сыр и пр. Бессарабия получала из России и Украины мануфактуру, металлические изделия, сельско-хозяйственные орудия, керосин и пр. Был ввоз также из Австрии через северные границы Бессарабии. Но ввоз из Румынии был ничтожным.

Бессарабия естественно и упорно тяготела к России и Украине и к выходу к морю через Одессу, а никак не через румынские порты. Россия и Украина давали ей все, в чем она нуждалась, и именно с Россией и Украиной связывали ее жизненные экономические интересы.

Это остро сказалось после того, как Бессарабия была насильственно оторвана от России. Прекращение обмена с Россией и Украиной сырьем и товарами, чрезвычайно болезненно отзвалось на Бессарабии, усилило там хозяйственную разруху и разорение, остановило экономическое развитие края. От этого хозяйственного удара Бессарабия до сих пор не оправилась, и нет просвета, который дал бы ей надежду на экономическое развитие, пока порабощенный край в руках румынских помещиков. Как и можно было предвидеть, Румыния в хозяйственном отношении не смогла заменить Бессарабии Россию и Украину.

Румыния.

Румынские крестьяне под гнетом бояр.

Румыния — страна, от природы богато одаренная. Плодородные поля, обильные нефтяные источники, хороший скот,— все это есть в Румынии. Но на самом деле страна эта нищая, страшно нищая. Нищая она потому, что вся она во власти хищных и жадных бездельников — помещиков, бояр, капиталистов — ростовщиков, иностранных банков и предпринимателей, и нанятых ими чиновников и генералов.

Румынские помещики имеют громадные поместья. Самый богатый помещик в Румынии — это сам румынский король. Он задолго до войны владел имениями, в которых земли было более 130.000 квадратных вёрст, а во время войны земли у него еще прибавилось. Другие румынские помещики помельче, но и у них земли великое множество. А у румынского крестьянина, темного, забитого — жалкие клочки земли, и должен он работать на помещика барщину. Румынские помещики умеют хорошо устраивать свои дела с забитым и запуганным крестьянином. Они заставляют его сначала работать на помещика, а потом уж на себя. Первые зашашки и первые посевы крестьянину приходится делать на помещичьей земле,— он у помещика в тяжкой кабале. Он сеет ему пшеницу, рожь, ячмень. Для работы на свое хозяйство остаются ему только поздние дни весны

и начало лета. В это время он уже не может успеть засеять ни пшеницы, ни ржи, ни ячменя. Только кукуруза допускает поздний сев. И потому только кукуруза и растет на жалких полях румынского крестьянина.

Румынский помещик вывозит заграницу пшеницу и рожь и потом веселится и кутит, а крестьянин всю свою жизнь не видит ничего, кроме кукурузы своей, своего „папушоя“, — так называется по румынски кукуруза. Он питается кукурузными лепешками, кукурузной кашей - похлебкой („мамалыгой“), это его основное и постоянное питание.

Но жизнь на кукурузе — это не только непроплодная нищета. Это еще и другой бич для несчастного румынского крестьянина. Постоянное питание кукурузой вызывает тяжелые заболевания человека. Когда в пищу часто попадает либо недозрелая, либо перезрелая или отсыревшая кукуруза — человек заболевает страшной болезнью, которая называется пеллагра. Эта болезнь распространена в северной Италии, где крестьянство низменной сырой равнины также постоянно питается недоброкачественной кукурузой. Эта болезнь появилась и у нас в городах юга, на Украине, в голодные годы, в подарок от щедрых американцев. Через много прославленную Арапамериканцы присыпали для кормления голодающих кукурузу, испортившуюся на их переполненных складах, в амбарам или в трюмах пароходов. А в Румынии кукурузой питается три четверти населения. И в одной только Старой Румынии, т. е. в Румынии до войны, без награбленных потом земель, в 1888 году было менее 18.000 больных пеллагрой а в 1905 году их было уже 100.000, и дальше шло все хуже.

А пеллагра — это болезнь, которая сначала выражается в поражениях кожи, — на коже появляются темные пятна, узлы, язвы. Потом болезнь захватывает нервные центры и мозг. Она вызывает тупость, тяжесть мысли, придавленное меланхоли-

ческое настроение, склонность к самоубийству, а иногда страшное нездоровое нервное возбуждение, которое потом сменяется общей подавленностью. Подверженное поллагре население сел и деревень—прекрасный материал для боярской помещичьей власти. Оно забито и покорно, и только редко, но со страшной силой все-таки прорывается его возмущение.

Такие возмущения и восстания румынских крестьян бывали не раз в истории Румынии, но каждый раз до сих пор помещикам удавалось снова покорить крестьян либо хитростью, либо жестокостью. Одно такое восстание было еще выше ста лет назад, когда и самой Румынии не было, а было только два княжества, которые потом, соединившись, образовали Румынию (княжества Валахия и Молдавия). Это восстание произошло в Молдавии в 1821 году. Во главе восставших крестьян стал Федор Владимиреско, прежде служивший некоторое время в русской армии, во время войны России с Турцией. Крестьяне восстали потому, что не стало больше силы терпеть изнурительное господство, эксплоатацию, обман и издевательства помещиков и купцов.

Часть помещиков были бояре, по национальности такие же румыны, как и крестьяне. Другая часть помещиков и купцов были греческого происхождения, понаехавшие в Молдавию из Константинополя, — ведь Молдавия и Валахия много столетий были под властью Турции. Турция была мусульманская, но богатые христиане, греки и из других народностей, совсем не плохо устраивались и при турках. Они становились близки к власти в качестве откупщиков всяких монополий и налогов, а то просто купцов и чиновников. Таким образом, христианские богачи разделяли с мусульманами господство над нищими „братьями-христианами“, изнывающими всю свою подневольную жизнь под нагайкой, в кровавом пути на полях бояр. Так попало и в Молдавию множество вы-

ходцев из квартала греческих богачей в Константино-поле. Этот квартал назывался „Фанар“, от его имени и чужеземные богачи - властители назывались „фанариотами“.

Восставшие крестьяне под предводительством Федора Владимиреско победоносно овладели всем княжеством Молдавии, но тогда боярам румынам удалось обмануть крестьян. У крестьян, восставших от того, что стало жить немоготу, было стремление к свободе, но никакой программы у них не было, не было и политического руководства. Они и сами толком не знали, чего хотеть и чего ■ как добиваться. Помещикам-румынам удалось убедить их, что они, мол, заодно с восставшими крестьянами, а вся беда, все мучения и вся эксплоатация не от них, „братьев“, а от помещиков и купцов иноземцев, фанариотов. Крестьяне прогнали фанариотов. Но фанариотов было не так то много, а бояре-румыны остались в своих теплых гнездышках и скоро окончательно опутали хитрыми сетями победивших крестьян. Немного дней прошло, и все пошло по старому. Крестьяне от восстания не выиграли ничего, а выиграли и на этот раз на крестьянской крови румынские помещики - бояре.

Были потом еще отдельные восстания, напр. в 1878 году. Самое - же круиное восстание, в течение нескольких дней потрясшее всю помещичью Румынию, разразилось только через 86 лет, в 1907 году. Громадная часть Румынии была тогда охвачена крестьянским восстанием. Крестьяне вооружились чем попало и громили помещичьи усадьбы, убивал помещиков. Генерал Авереску, вождь партии либералов, взявшийся за усмирение мужичьего восстания, в несколько дней залил всю страну кровью и завалил поля и реки трупами. Вся военная сила боярской Румынии была брошена против крестьян, вооруженных большею частью косами и дубинами. Их расстреливали сотнями и тысячами в деревнях и в тюрьмах, — связанных и истерзанных, их топили в реках. По самому

приблизительному подсчету, 15.000 жизней было загублено под руководством либерального генерала Авереску в отместку за попытку крестьян сбросить с себя помещичье иго. Бояре снова благополучно вышли из потока крови и спасли свою власть.

То жестокая расправа, то наглый обман, вот какими средствами властвуют помещики над румынским крестьянином. Когда нет сил у них для прямой расправы, они обманом направляют по ложному руслу вековой гнев крестьянства против помещика. Как и в царской России, в Румынии громоотводом для помещичьей власти служит злополучный полунищий еврей.

Забитого, темного, но легко взвинчивающегося румынского крестьянина не трудно натравить на еврея. И не раз в опасные для себя минуты румынский помещик спасался от крестьянской расправы тем, что втравливал крестьян в еврейские погромы. „Еврей виноват!“ — кричит помещик и чиновник. Темный мужик бьет еврея, в погроме его возбуждение и гнев находят исход, и он, успокоенный и обманутый, снова покорный раб помещика.

Румыния — издавна страна крестьянского бесправия и еврейского бесправия, и страна еврейских погромов, которые помещики устраивают руками крестьян. Вот и в нынешнем году¹⁾, когда в мае во многих округах Румынии крестьяне с лозунгом „даешь землю“ стали сами проводить „аграрную реформу“, — помещики взялись за старый громоотвод. Восставшие деревни усмиряются жандармами, а чтобы отвлечь от земельного вопроса внимание всего румынского крестьянства, по всей стране организованы еврейские погромы. Обмануты ли и на этот раз темного крестьянина?

Кровь и пот крестьянства, — вот основа благополучия бездельничающих и прожигающих по румынским и заграничным кабакам свою жизнь ру-

¹⁾ 1924 г.

мынских помещиков. А вокруг них — десятки и сотни тысяч таких же дармоедов — чиновников, живущих взяткой. При таких хозяевах нечего, конечно, и думать о развитии естественных богатств страны. Богатая от природы и нищая благодаря своим господам страна нищала все дальше. Такие промышленные богатства, как нефтяные источники, захватили, разумеется, иностранные капиталисты и банки. Румынские бояре, чиновники и генералы безнадежно-бессильны наладить разумное хозяйство в своей стране. Им оставалось только подумывать о том, как бы поправить свои дела грабежом богатых соседних стран.

Захват чужих земель.

В 1913 году на Балканах происходила жестокая война. В нее были втянуты болгары, сербы, турки, греки, усердно резавшие друг друга. Румыния „держала нейтралитет“. Но когда обессиленная войной Болгария была уже неспособна к какому бы то ни было сопротивлению, румынские генералы двинули свои войска через болгарскую границу, и заняли болгарский „квадрилатер“ (четырехугольник) Добруджи. Без единого выстрела они окружили владения Румынии и увеличили площадь земли, на которой могли грабить злополучного мужика и питаться его кровью и потом¹). Правда, и им пришлось расплатиться. Добруджа отомстила за себя холерой, которую

¹) Как теперь выясняется, в этом захвате значительную косвенную помощь Румынии оказала царская Россия. Именно, в начале 1913 года русское правительство известило Румынию, что расторгнут тайный договор, заключенный в 1903 году между Россией и Болгарией, согласно которому Россия гарантировала военную защиту северной болгарской границы. Это дружеское сообщение русского царя развязывало руки румынским захватчикам. Они могли смело хватать Болгарию за горло, не опасаясь ни с какой стороны сопротивления. Конечно, помошь царской России отнюдь не связала румынских дипломатов какими-нибудь чувствами благодарности. И в начале мировой войны румынское правительство, ведя переговоры с Антантою о выступлении против немцев на стороне Франции, Англии и России, в то же самое время разрабатывало военный план нападения на Россию совместно с австрийцами.

румынские солдаты заразились в оставленных болгарскими солдатами городах. Виновники холеры — румынские генералы. Они не позаботились ни о каких предупредительных мерах, отлично зная, что в Добрудже, как и во всей Болгарии, жестокая холера. Эта холера распространилась по всей Румынии. Но румынским генералам и боярам горя мало, — от холеры мерли, главным образом, солдаты, крестьяне, пушечное мясо ..

Разумеется, румынские бояре и политики чувствовали, что при их аппетитах, одной Добруджей не удастся заштопать растущих дыр. Да и аппетит, как говорят французы, приходит во время еды. Румынские политики стали подумывать и о других „приобретениях“.

По соседству с Румынией, — стоит только перекинуть через реку Прут — богатая Бессарабия. С другой стороны — австрийские и венгерские земли, — Трансильвания, Банат. Есть на что зубы точить. Правда, надежд больших не было до поры до времени, но на всякий случай румынская охранка и разведка вели во всех этих странах, как и в Болгарии, подготовительную предательскую шпионскую работу. Велась она и в Венгрии, и в Австрийской Буковине, велась и в Бессарабии. Правда, кажется на Бессарабию было меньше всего надежд, власть русского царя-помощника казалась крепкой и нерушимой, но на всякий случай, еще задолго даже до мировой войны, кое-какие сети были закинуты и здесь. Впрочем на Бессарабию румынские помещики не рисковали тратить много денег. И тамошним их агентам-шпионам приходилось пробиваться с хлеба на квас, впроголодь.

Румыния до войны и после войны.

До начала мировой войны в 1914 году Румыния состояла из трех областей: Валахии, занимавшей площадь в 76.583 квадратных километра, Молда-

вии, пространством в 38.058 квадратных километров, и Добруджи вместе с прихваченной от Болгарии во время Балканской войны 1912 года частью, занимавшей 23.262 кв. километра. Всего, таким образом, Румыния занимала 137.903 кв. километра. Население всей Румынии составляло приблизительно 7.900.000 человек. Это была, следовательно, небольшая страна, одно из маленьких балканских государств, не имевших существенного самостоятельного значения в мировой политике и целиком подчиненных влиянию той или другой группы так называемых великих держав.

В мировую войну Румыния ввязалась только через два года после ее начала. Два года она держала нейтралитет, и торговалась с обеими воюющими сторонами, добиваясь от каждой возможно более выгодных обещаний за вступление в войну. А фактически она помогала и той, и другой стороне доставляя хлеб и продовольствие Антанте и Центральному союзу (Германия, Австрия, Турция), и пропуская через свою территорию и свои дороги оружие и снаряжение также для обеих воюющих сторон.

До войны Румыния была под сильным экономическим и политическим влиянием Германии. Но в разгар мировой войны она убедилась, что положение Германии тяжелое и ей грозит разгром. С другой стороны Франция и Англия обещали более высокую цену за участие Румынии в войне на их стороне. Тогда Румыния продала себя Антанте и в августе 1916 года об'явила войну Германии ¹⁾.

¹⁾ Предательская роль Румынии в мировой войне разоблачается очень ярко документами, которые опубликованы в мае нынешнего года находящимся в Лондоне тов. Раковским и воспроизведены в ряде английских и французских газет. В Лондоне между т. Раковским и румынским посланником Титулеску завязалась любопытная полемика в печати по бессарабскому вопросу. Официозные румынские газеты выразили сомнение в том, что Раковский сможет подтвердить документами свои заявления о двойственной политике Румынии. Они имели наглость лгать, будто Румыния никогда не собиралась высту-

Очень скоро румынская армия была смята войсками немецкого генерала Макензена, и ее бегство было лишь с громадными усилиями и жертвами остановлено русской армией. Брошенные на румынский фронт русские полки положили предел наступлению немцев, удержали часть румынской территории и спасли от окончательного разгрома остатки румынской армии. Во всю оставшую войну Румыния была тяжелым балластом для воюющих, и в сущности вступление ее в войну на стороне Антанты принесло больше пользы Германии, чем кому бы то ни было.

Антанту это, впрочем, мало беспокоило, потому что из затруднительного положения, в какое поставила их „союзница“ Румыния, она выкручивалась ценою крови русских солдат, услужливо предоставленных в ее распоряжение царем и его генералами. Пожалуй, Антанта была даже в душе довольна тем, что выступление „союзницы“ Румынии поставило в чрезвычайно тяжелое положение Россию. Это давало возможность надеяться на то, что

пить на стороне Германии и что она не собиралась заключить с Германией мир через два месяца после своего вступления в войну. Тов. Раковский публикует полный текст речи румынского короля на большом коронном совете в королевском дворце Синайя 21 июля (3 августа) 1914 года, когда война только что началась. Король заявил, что нельзя становиться на сторону России, и что необходимо соединиться с тройственным союзом (Германия, Австрия, Турция), хотя и трудно будет убедить в этом „общественное мнение“.

Но это еще не все. Положение позже изменилось, и несмотря на заявление короля в Синайе, что румынская политика уже 30 лет ориентируется на своих союзников Германию и Австрию, тот же самый король стал льнуть к Антанте, и генеральному штабу было приказано разработать план военных действий против этих „дорогих союзников“. Но в то же самое время тайно разрабатывался и противоположный план военных действий против России, и не только разрабатывался теоретически, но и подготавлялся практически соответствующими предварительными передвижениями войск. Румыния готовилась ко всем комбинациям, какие только были возможны и выгодны для продажных правителей этой страны. Советское правительство располагает многочисленными доказательствами румынского предательства в отношении ее же собственных союзников и покровителей. В случае надобности, будут опубликованы и фотографические снимки с совершенно неоспоримых документов.

Эти разоблачения производят в Европе сильное впечатление, и создают для Румынии положение далеко не удобное.

впоследствии, при дележе добычи после войны, удастся обделить обессиленную Россию, а самим себе отхватить как можно больше. Ведь и с союзниками нечего церемониться, когда можно их обегорить, — такова мораль буржуазных дипломатов. А после того, как в России вспыхнула революция и был сброшен в тартарары царский престол, Антанта получала новое оправдание своему затаенному желанию не только обойти Россию при дележе добычи, но и еще больше: заключить мир за ее счет. Для нее было при этом важно, отстаивая судьбы капитализма и своей хваленой „демократии“, поставить революционную страну в самые гибельные условия.

Вот почему она так щедро отблагодарила Румынию за ее сомнительные (и скорее опасные для Антанты) услуги во время мировой войны. В результате, — в значительной степени именно ради борьбы с революцией, — Румыния получила возможность с благословения Антанты округлить свои владения и за счет побежденной Австрии, и за счет революционной России. Был выдуман лицемерный предлог обединения „румынских земель“, и соединения всех областей, где имеется хотя бы часть населения, родственного населению Румынии по происхождению и по языку. Под этим прикрытием Румыния самым насильственным и грабительским образом присоединила к себе:

Прежде всего Бессарабию, занимающую 44.422 кв. километра и имеющую 2.350.000 жителей.

Затем при разделе Австрии и в награду за участие в подавлении революции в Венгрии и помочь монархистам в разгроме венгерской советской республики Румыния разновременно получила в свое владение:

Трансильванию, пространством 57.819 квадратных километров, с 2.686.000 жителей.

Буковину, — 10.424 кв. килом. и 812.000 жителей.

РУМЫНИЯ

РАЗБУХАЯ РУМЫНИЯ.

Территория и население.

Румыния до 1912 года.

Румыния в 1914 году.

Румыния с захватами после войны.

Румыния до 1912 года.		Румыния в 1914 году.		Румыния с захватами после войны.	
Молдавия	.	Площадь в квадратных километр.	Население.	Площадь в квадратных километр.	Население.
Валахия	~	38.058	—	38.058	7.000.000
Добруджа	.	76.583	—	76.583	2.350.000
ВСЕГО	.	130.378	7.240.000	137.903	9.000.000
Молдавия	.	Площадь в квадратных километр.	Население.	Площадь в квадратных километр.	Население.
Валахия	.	38.058	7.600.000	38.058	7.000.000
Добруджа	.	15.737	—	15.737	—
Добруджа, отнятая у Болгарии в 1912 г.		7.525	300.000	Бессарабия	44.422
ВСЕГО	.	137.903	7.900.000	Трансильвания	57.819
Из них захвачено	.	7.525	300.000	Буковина	10.424
ВСЕГО	.	294.244	17.000.000	Банат	17.980
Из них захвачено	.	163.866	9.000.000	Кришана	20.086
Марамараш				Марамараш	5.592

Банат, — 17.980 кв. килом. 910.000 жителей.

Кришану, — 20.086 кв. килом., 1.145.000 жителей.

Марамарош, — 5.592 кв. кил., 467.000 жителей.

Таким образом, в настоящее время Румыния фактически имеет под своим кулаком (о „правах“ говорить тут нечего, тут голый окровавленный кулак), — площадь земли в 294.244 квадратных километра, то есть в два с четвертью раза больше, чем до войны. Населения в „новой Румынии“ — 16—17 миллионов человек, т. е. опять таки в два с половиной раза больше, чем до войны. Среди вновь образовавшихся после войны государств Европы Румыния по величине уступает только Польше.

Есть от чего вскружиться голове при таких приобретениях, есть отчего возомнить себя „Великой Румынией“, как любят теперь называть свою страну румынские помещики-политиканы. Чтобы более четко представить, насколько разбухла Румыния путем захватов, сведем в одну таблицу данные о ее размерах в разное время. (См. страницу 40).

У румынских политиков есть много оснований топорщиться, подобно горделивой лягушке из басни Крылова. Уж одно то чего стоит, что тетушка Антанта ей все время старательно ворожит и закрывает глаза на все ее грехи. Когда советская Россия вышла из войны, она принуждена была германскими генералами заключить в Бресте сепаратный (отдельный) мир с Германией. Россия не имела другого выхода потому, что остальные государства, бывшие прежде в союзе с царской Россией, не хотели последовать примеру революционной России и прекратить войну. После этого буржуазия Франции и Англии всячески клеймила Россию якобы за измену. Тамошняя буржуазия и до сих пор вопит об убытках и потерях, которые ей будто бы причинила Россия этой „изменой“. Но воинственная буржуазия, верховодящая в Антанте,

не ставит такой же сепаратный договор в вину своему клеврету, Румынии. Такой договор, однако, был заключен Румынией с Германией в Бухаресте еще до окончательного разгрома Германии на фронтах. По этому договору Румыния, между прочим выговарила и со стороны Германии признание своих „прав“ на Бессарабию. Германия признала „право“ Румынии на протекторат (покровительство) над Бессарабией. Румынии недостаточно было признания „прав“ со стороны Антанты, она хотела получить еще заручку и от Германии (кто-ж его, в конце концов, знает, на чьей стороне будет окончательная победа. Нужно себя застраховать со всех концов. .). А ведь и Германия, конечно, не стала давать своего признания задаром, — и ей, видно, Румыния оказала немалую услугу. Однако, на эту услугу своему врагу Франция и Англия смотрят сквозь пальцы, а революционной России ставят „всякое лыко в строку“. Не мешает кстати вспомнить, что Брестским договором Россия не только не помогла императорской Германии, но наоборот приблизила час ее гибели.

За что награждают Румынию.

В чем же секрет благоволения Антанты к Румынии? Прежде всего в классовых интересах Антанты. Румыния в международной политике и в международной хозяйственной жизни, в мировой экономике не имеет никакого самостоятельного значения. Самостоятельное государственное существование Румынии, — это не больше, чем театральная декорация. На самом деле Румыния до войны была провинцией Германии, которая держала в своих руках ее промышленность, ее капиталы и ее политику вместе с королем, — а теперь Румыния в еще большей степени стала безголосой и безвольной провинцией Антанты, и именно — Франции. Румынией правит не румынский король Фердинанд и не румынский парламент, — ею пра-

вит парижская биржа и ее французский „президент“.

Румынии дали округлить свой владении бессознательными насильственными захватами чужих земель только для того, чтобы образовать в лице этой неестественно - раздутой „Великой Румынии“ звено восточного барьера против большевизма. Создав эту „Романия Маре“, Антанта связала ее военным союзом с другим звеном барьера и другим лакеем Антанты. Польшей. Такой постройкой Антанта и прежде всего Франция думает отгородить себя от опасностей социалистической революции в Европе, от опасности свержения капитализма. Это не спасет... Румыно-польский барьер отгораживает, действительно, Советские Геспублики России от Европы, но цена этому барьеру не велика после того, как прежняя всеобщая и всеобъемлющая блокада уже сломлена усилиями Советской России. А к тому же, настоящая революционная опасность и неминуемая гибель капитализма растет и зреет в недрах самой Европы от ее пролетариата. Сколько бы ни пыжились там, но ни Пуанкаре, ни президенту Мильерану и ни кому из их сподвижников или наследников не удастся уничтожить зреющую революцию. Даже Макдональду не удастся ее отвратить.

Но пока что, в надежде спасти себя, капиталисты всего мира покровительствуют Румынии и помогают ей душить новоприсоединенные на грабленных землях миллионы трудящихся, которые не желают румынской власти и румынского гнета.

Именно это покровительство обагренной кровью трудящихся капиталистической Европы дало возможность румынскому парламенту торжественно обявить 29 декабря 1919 года указ о присоединении к Румынии Бессарабии, Буковины и Трансильвании. Именно из капиталистически-классовых и контрреволюционных побуждений Верховный совет Лиги Наций подтвердил в 1920 году права Румынии на Бессарабию, а потом протокол о признании был

утвержден английским правительством Керзона. И наконец,— последняя провокация этого рода, учиненная Пуанкаре: как раз накануне открытия Венской русско-румынской конференции Пуанкаре созвал экстренную сессию французского парламента, которая поспешила тоже „утвердить“ права Румынии на Бессарабию. Долго манил Франция это „признание“, добиваясь от Румынии как можно более высокой платы, и перед самой конференцией в Вене „признала“. Она дала таким образом румынским дипломатам лозунг не уступать советской делегации и не соглашаться на ее справедливые требования.

Италия до сих пор еще изводит Румынию тем, что не торопится присоединиться к „признанию“, о котором Румыния ее усиленно просит. Но и это обясняется просто. Муссолини пользуется случаем затруднительного положения Румынии для того, чтобы заставить ее к выгоде для Италии ликвидировать банковские счеты и споры, которые между ними существуют. Заодно Муссолини хочет использовать положение для усиления влияния Италии на Черном море и „ограждения“ ее „интересов“ на Дунае.

Румыния пользуется широким покровительством больших капиталистических держав. Только это покровительство и дало возможность Румынии стать „великой“. В состоянии ли она, однако, удержаться на высоте этого величия? Читатель, который прочтет до конца нашу книгу и ознакомится с многочисленными фактами экономического и политического порядка, на которых мы останавливались до сих пор и о которых будем говорить дальше,— будет иметь достаточно оснований сомневаться в том, чтобы Румыния долго была в состоянии на этой высоте удерживаться. Для того, чтобы выяснить, насколько правильно такое заключение, нужно уделить внимание: с одной стороны экономическому положению и экономическим силам Румынии, и с другой — тем способам,

при помощи которых Румыния захватывала, с дозволения антантовского начальства, новые области, и тем способам, при помощи которых она этими областями управляет и поддерживает свою власть.

Дунай.

Географическое положение Дуная.

Читатель имеет уже некоторое представление о том, что такое Бессарабия и что такое Румыния. Теперь необходимо более подробно остановиться еще на значении русско-румынской границы по рекам Дунаю и Пруту, отделяющим Бессарабию от Румынии.

В Бессарабском вопросе нельзя как следует разобраться, если не уяснить себе значение этих рек и, главным образом, Дуная. Здесь кроется разрешение одной из „загадок“, обясняющих суть бессарабского вопроса.

Как мы уже указывали раньше, Прут до своего впадения в Дунай образует западную границу Бессарабии (Прут течет в направлении с севера на юг). Южную границу Бессарабии образует Дунай в его нижнем течении, от впадения в него Прута до моря (Дунай в этой своей части течет, в общем, в направлении с запада на восток). При впадении в Черное море Дунай образует несколько отдельных рукавов, которые расходятся веером от главного русла этой громадной реки. Таким образом, устье Дуная имеет вид, напоминающий русскую букву „Д“, и еще более греческую букву „Δ“ (дельту). Со времени греков, устья рек такого вида и называются „дельтами“. Самые крупные рукава дунайской дельты (устья) — по которым проходят вверх и вниз большие корабли, — это Су-

линский канал, целиком румынский, и рукав Килийский, один берег которого русский (бессарабский), а другой — румынский.

Значит, поскольку Бессарабия была частью царской России, последняя занимала сильную позицию у самого выхода из Дуная в море, и потому могла иметь громадное влияние на все, что делается на Дунае.

А Дунай имеет громадное международное значение, и экономическое, и политическое. Дунай — вторая по величине река в Европе (первая — это наша Волга). Длина Дуная — 2860 километров. Несколько изгибами он проходит через всю среднюю и южную Европу, и в большей части своего течения он судоходен. С Дунаем и с судоходством по нем святы политические, экономические и военные интересы всех государств Европы, — для некоторых непосредственно, для других посредственно.

Истоки Дуная в его верхнее течение — в Германии, охватывая Баварию и Баварию. Затем он проходит через нынешнюю Чехо-Словакию, Австрию (столица Австрии Вена расположена на Дунае), Венгрию, Юго-Славию (прежнюю Сербию, столица которой Белград тоже находится на Дунае). Это — среднее течение Дуная, до так называемых „Железных Ворот“. „Железные Ворота“ — это узкое каменистое горное ущелье, через которое прорывается многоводный Дунай, крайне стесненный здесь в берегах. Выше ширина реки доходит местами до 1.900 метров, то есть около двух верст, а здесь она не превышает 100 метров. После „Железных Ворот“ начинается нижнее течение Дуная, и река снова расширяется. В нижнем течении Дунай омывает берега Болгарии, Румынии, а затем в устье своем — Бессарабии.

Дунай, торговля и войны в XIX веке.

Дунай — главный торговый путь сообщения средней Европы с Востоком.

Это — выход для средней Европы в Черное море, к Турции, к Малой Азии. И в обладании этим путем и в распоряжении им сильно заинтересованы не только те государства, чьи земли непосредственно прорезает Дунай, но и все другие государства Европы. Дунай — река международная, и о ней и об управлении судоходством по Дунаю идет речь во многих международных договорах.

В 1815 году, когда государства Европы на конгрессе в Вене договаривались о своих дальнейших взаимоотношениях после, так называемых, „наполеоновских войн“, положение Дуная, как международной реки, еще не было закреплено. Россия тогда только что снова овладела Бессарабией и, значит, частью Дунайского устья, но фактически выход из Дуная в море находился еще в руках Турции. С Турцией Европа не договаривалась как равная сторона с равной, и до поры до времени предпочитала довольствоваться своим выходом на Восток через страны Средиземного побережья и Средиземное море.

Но несколько десятилетий спустя Европа стала больше интересоваться Дунаем. Новая война с Турцией и Адрианопольский мир 1829 года усилили власть царской России Николая I над устьями Дуная, а затем, еще через несколько лет, европейский жандарм Николай I занял своими войсками Дунайские княжества. Он сделал это под предлогом революции в княжествах. Либерально-буржуазная революционная вспышка в Румынии была отголоском революционной волны, захлестнувшей все страны Европы в 1848 году. Затем в союзе с австрийским императором Николай I подавил своими войсками и революцию в Венгрии в 1848 г., и кровью русских солдат и венгерских революционеров спас Венгрию для австрийской короны. Благодарность благодарностью, но Австрия не могла мириться с тем, что, под шумок борьбы с революцией, николаевская Россия упрочилась на Дунае. Как повторяется история... И тогда, и теперь,

только с разных сторон, одни и те же разговоры, те же предлоги „борьбы с революцией“ и те же стремления к Дунаю. Французские министры и их румынские приказчики только копируют русского царя-жандарма Николая.

Для Австрии вопрос о Дунае был жизненным. В этот период росла связь Австрии через Дунай с рынками Леванта (ближнего Востока). Развивало свои операции пароходство по Дунаю и „Австрийский Ллойд“ (пароходная компания). Правительство в Вене, между тем, считало, что русское правительство препятствует его торговле и даже мешает расчистке дунайских гирл только для того, чтобы создать австрийцам лишние трудности. (Гирла — это заросшие камышами и недостаточно глубокие, а потому мало судоходные рукава Дуная при выходе к морю).

Поэтому Австрия стала добиваться, чтобы взять Дунай под свой контроль. Но она бессильна была добиться этого, пока Дунайские княжества были заняты войсками русского царя Николая I, который в отношении княжеств делал приблизительно то же самое, что теперь делает Румыния в Бессарабии. (Николай, в частности, помогал помещикам в княжествах держать в ежовых руках крестьян). Силами одной Австрии справиться с Россией было невозможно. Но в Дунае были заинтересованы все капиталистические государства, и они соединили свои силы для войны с Россией. Спровоцировать на войну зарвавшегося Николая и его военщину было нетрудно.

Эта, неудачная для царской России, война продолжалась два года (1854—56) и вошла в историю под именем Крымской войны. Главным моментом этой войны была оборона Севастополя. Война кончилась разгромом отсталой крепостной России. Союз европейских держав добился своего и отбросил Россию от Дуная. Это было закреплено Парижским договором 1856 года. Зато этот договор запретил России держать и строить

военные корабли на Чёрном море. Только в 1871 г., воспользовавшись новыми осложнениями в Европе, Россия добилась отмены этого запрещения.

Но мало было оттеснить Россию от Дуная, — нужно было обеспечить себе и на будущее время возможность хозяйничать на Дунае. У побежденной России отняли южную часть Бессарабии (с городом Измаилом), прилегающую к Дунаю, но нужно еще было найти, кому отдать эти земли. Их присоединили к княжеству Молдавии.

На Парижской мирной конференции 1856 года произошло, если можно так выразиться, и политическое зачатие Румынии, как государства. Французский представитель на конференции внес предложение образовать самостоятельное государство из подвластных Турции Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, во внимание якобы к их „национальным интересам“. На самом деле речь шла о том, чтобы создать безвольного и покорного приказчика на Дунае. Румыния, возникшая по французскому рецепту в 1859 году, была, таким образом, с самого начала обречена на то, чтобы быть игрушкой в руках крупных держав и театральной декорацией, ширмой для их махинаций.

Дунай был по Парижскому трактату 1856 г. об'явлен международной рекой. Для управления им и контроля над плаванием (также и по Пруту) были образованы „Европейско-Дунайская комиссия“ и такая же комиссия на Пруте. В состав комиссии входили представители различных государств. Разрабатывались ею правила плавания по Дунаю, и за выполнением их наблюдала подчиненная комиссии международная речная полиция.

Царская Россия не мирилась, конечно, с потерей Дуная и части Бессарабии. И когда русский царь снова затевал в 1877 году войну с Турцией, он имел в виду добиться выхода к Дунаю. Благодаря ошибкам русских генералов, война 1877—78 года стоила русским крестьянам и рабочим множества

жизнью, но все-таки Турция была побеждена. Однако, державы Европы были против России, и ей не удалось извлечь из войны результатов, которые отвечали бы понесенным жертвам. Все же, по миру 1878 г., России удалось добиться возвращения Южной Бессарабии. Румыния была в этой войне союзницей царской России. Союз с Россией укрепил положение Румынии, как независимого государства, ей только тогда удалось окончательно избавиться от последних следов зависимости от Турции. Но за это она заплатила южной Бессарабией. В обмен Румыния получила от России часть Добруджи.

Международное управление Дунаем было все-таки сохранено, но в Дунайскую и Прутскую комиссии были допущены представители России.

Дунай, мировая война и Бессарабский вопрос.

Ко времени мировой войны, начавшейся в 1914 г., значение Дуная еще более усилилось.

Дунай за последние десятилетия стал предметом особого внимания со стороны Германии. Германия, как известно, стремилась распространить свое экономическое и политическое влияние на Восток. Ей нужна была торговля с Востоком, ей нужен был рынок для сбыта изделий своей промышленности. На восточных рынках началась ожесточенная экономическая и политическая конкуренция между Германией, Англией, Францией. Эта конкуренция, как известно, является одной из основных причин международной войны. Англия имела в своем распоряжении водные пути на Восток, — к своим Индийским колониям, — через океаны и через Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Персидский залив. Этими путями она подбиралась и к Персии. Германия же стремилась взять в свои руки путь на Восток через Дунай.

Через Дунай пролегал намеченный Германией великий торговый, военный и политический путь

Гамбург-Багдад. Система искусственных каналов должна была дать возможность большим германским кораблям проходить из Гамбургского порта в Дунай, и через Дунай выходить в Черное море и прямо к берегам Турции, оттуда через турецкую Малую Азию германские товары могли бы идти к заветной Багдадской железной дороге и к персидским рынкам. Планы германских империалистов шли и еще дальше, — после Персии они прицеливались и к азиатской твердыне британского могущества, — к Индии с ее сказочными богатствами и природными возможностями.

Германия сумела добиться сильного влияния в Турции, сделала ее своей союзницей. Но ключом к успехам был для нее Дунай, и чтобы фактически владеть Дунаем, — она завоевывала экономически Румынию. Несколько позже, как мы уже знаем, за власть над Румынией стала бороться и Франция. Это была финансовая война за то, чьим приказчиком будет Румыния на берегу Дуная, — приказчиком Германии или приказчиком Франции. Во время мировой войны купить Румынию удалось, в конце концов, Антанте. Таким образом, путь к Востоку через Дунай был перерезан Францией и потеряян для Германии.

Но Франции этого было недостаточно. Ей нужна полная власть над Дунаем. Полная власть — это власть над обоими его берегами. Но берег Килийского рукава Дунайской Дельты был в руках России. Россия была союзницей Франции. Но Франция отлично понимала, что пока часть Дунайского устья в руках такого сильного государства, ее хозяйственное на Дунае ненадежно. Капиталистическая Франция надеялась еще держать в руках опутанную долгами царскую Россию. С крушением же этой России, надежды сошли на нет. Капиталистическая Франция поняла, что купить Советскую Россию ей не удастся. Она не сможет заставить Советскую Россию помогать ей в устьях Дуная вести империалистическую политику и ду-

шить кого бы то ни было. Поэтому было выгоднее для Франции: отнять Дунайское побережье от Советской России. Она этого и добилась румынскими руками, отдав румынским помещикам Бессарабию. Были достигнуты две цели. Франция и вся Антанта отблагодарили Румынию за счет России, и вместе с тем получили возможность стать действительными хозяевами, — через румынского приказчика, — на обоих берегах Дунайского устья.

Вот в чем секрет Бессарабского вопроса. Ключем к его разгадке является Дунай, его мировое значение в политике хищнических капиталистических государств.

В этом вопросе сошлись интересы империалистов всех группировок. Франция и Англия с одной стороны, Германия с другой, вели друг с другом ожесточенную войну за обладание Дунаем. Но между ними трогательное единодушие в том, что не следует пускать к Дунаю революционную Советскую Россию.

Когда Франция благословила Румынию на захват Бессарабии, германский империализм еще не был окончательно сломлен. Румыния еще была страшна Германия. На всякий случай, она заручилась и одобрением вильгельмовской Германии на захват Бессарабии. Германия согласилась признать право продажной изменнической Румынии на „протекторат (покровительство) над Бессарабией. Она тоже понимала, что в случае общей победы Германии над Антантою, Румыния поспешила стать на сторону победительницы, и через нее Германия будет снова хозяином Дуная. На на хохляничанье в устьях Дуная через Советскую Россию, Германия рассчитывала так же мало, как и Франция.

Таким образом Румыния получила на поток и разграбление Бессарабию из рук обоих враждующих империалистических соединений: Англо-французского и Германского.

Для Советской России обладание устьем Дуная не является таким же заманчивым, как для капиталистических держав. У Советской России нет тех мотивов, которые движут политикой Франции, Англии, Германии. Нам никого не нужно душить, и ни на кого нам не нужно накидывать дунайской петли. Для капиталистических политиков Бессарабия — обеспечение власти над Дунаем. Для нас — Бессарабия не путь к Дунаю, и не ради того, чтобы пробиться к Дунаю добиваемся мы освобождения Бессарабии от ига румынских помещиков и румынской военщины. Два с половиною миллиона трудящихся Бессарабии, крестьян и рабочих, добиваются свободы. И в том, чтобы Бессарабия была свободна, рабочие и крестьяне Советской России заинтересованы не меньше, чем помещики Румынии заинтересованы в ее порабощении. Для них свободная Бессарабия — угроза помещичьей власти в Румынии. Для нас порабощенная Бессарабия — угроза нашей свободе и безопасности наших границ. Им нужно порабощение Бессарабии для того, чтобы поддерживать рабство во всей Румынии, нам нужна свободная Бессарабия для того, чтобы была обеспечена свобода и независимость СССР.

Освобождение Бессарабии — одна из задач нашей международной политики, и это, вместе с тем, одна из задач международного революционного движения. Для капиталистического мира сущность вопроса в гирлах Дуная. Но для нас она — в свободе миллионов крестьян и рабочих.

Как захвачена Бессарабия.

Румынская агентура.

Во главе румынских агентов, подпольно работавших в Бессарабии по помощичьей указке из-за Прута, была группа „сознательных молдаван“, главным образом из числа питомцев Кипиневской духовной семинарии. Уже одно это свидетельствует о том, каковы были эти румынские агенты из будущих попов или из недоучившихся попов. Но в хитрости этим молодым людям отказать было нельзя. Они умело использовывали до поры до времени даже революционные настроения в Бессарабии. Начать с того, что они изобразили себя борцами за национальную культуру молдаван, за забитых молдавских крестьян Бессарабии. Они в 1912 году стали издавать еженедельную газетку на молдавском языке. Правительство царской России преследовало всякую культуру, и культуру угнетенных национальностей в особенности. В газете оно увидело опасность культуры и стало преследовать жалкую газетку румынских шпионов. А это дало возможность румынским агентам изобразить себя чуть ли не мучениками революции, и в такой овчьеей шкуре готовить свое волчье дело, скрывая свое настояще лицо и от царских чиновников, и от революционеров.

С началом мировой войны в 1914 году румынские аппетиты стали как будто ближе к действительности. Два года румынские министры и генералы торговали своим нейтралитетом и вели пере-

говоры одновременно и с государствами Антанты (Франция, Англия, Италия, Россия, Америка), и с государствами „Центрального блока“ (Германия, Австрия, Турция, Болгария). Два года шла торговля о цене выступления Румынии. Ясное дело, Германия соблазняла Румынию самыми лакомыми кусками за ее участие на ее стороне, в случае победы — и Бессарабией в том числе. Антанта с ведома России обещала Румынии за союз не менее лакомые куски Австрии. А по секрету от России были повидимому и тогда уже даны кое какие обещания рассчитаться за русский счет все тою же аппетитной Бессарабией. Доблестные союзники, которые потом так яростно упрекали Россию в „измене“ им после революции, — уже тогда обошли „дорогую союзницу“. Румынские министры, ввязавшись наконец в 1916 г. в войну, имели про запас обещания насчет Бессарабии и от Германии, и от Франции. И потому, разумеется, они продолжали свою подпольную шпионскую работу и в Бессарабии, и в столице России с большим, чем прежде, усердием.

К тому моменту, когда произошла в России в 1917 году февральская революция, сбросившая с престола Николая, у Румынии была уже очевидно не плохая агентура и в Питере. И вот, вскоре после февральской революции из Питера отправляется в Бессарабию теплая компания румынских агитаторов. Во главе их — преподаватель учебных заведений Иван Инкулец. Под его руководством — человек сорок-пятьдесят. Самая лучшая маска в это время — это маска революционера. Инкулец приезжает в Кишинев из Питера, как член партии социалистов-революционеров, и с мандатами от комитета Государственной Думы и от правительства Керенского. Такие же бумажки у его сподручных. Инкулец вскоре становится помощником губернского комиссара Бессарабии. Его компания шпионов и провокаторов получает возможность волю работать над своим прямым заданием, — агитацией

в пользу Румынии. Они пробуют прощупать „румынские симпатии“ бессарабских крестьян. Но для верности эти ребята прикрываются в то же время ширмой революционной агитации. Называя себя революционерами, они старательно выполняют поручение, полученное ими очевидно от румынского посланника в Питере, Диаманди.

Румынское начальство усиленно подогревает энергию своих агентов. Чтобы лучше руководить их работой, оно присыпает в Кишинев давно покинувшего Бессарабию бессарабско-румынского крупного помещика Херца. Румыны спешат. Их подгоняет уже не только волчий аппетит, но и опасность. Пока рядом с боярской Румынией была царская Россия,—у румын был только аппетит, и захватить Бессарабию они мечтали только из жадности. Когда Россия стала революционной—дело уже стало не только в аппетите к чужой земле, но и в стремлении к сохранению своей помещичьей-боярской власти на „своей“ земле у себя в Румынии. Рядом с помещичьей Румынией оказывалась революционная Россия и свободная Бессарабия. Рядом с забитым, разоренным безземельным румынским крестьянином оказывался свободный бессарабский крестьянин, говорящий на таком же приблизительно молдавском языке, на каком говорят крестьяне по ту сторону Прута. Этот свободный крестьянин сбрасывает иго помещиков, а революция обещает закрепить за ним землю. Какой опасный соблазн для запрутских крестьян „цивилизованной“ Румынии!.. Румынский помещик вспоминает восстание румынских крестьян в 1907 году. С громадным трудом удалось тогда подавить революцию, уничтожив 15.000 крестьян. Румынский помещик считает, что восстание против его власти и привилегий было тогда отголоском русской революции 1905 года. Даже побежденная русская революция встряхнула Румынию. Тем больше боится румынский помещик влияния, которое может оказать на его крестьян новая, победоносная революция в России. В особен-

ности — соблазнительное соседство „родственных“ бессарабских крестьян-молдаван, сбросивших царя и помещиков и получивших землю. Это соседство может стоит короны румынскому королю и земли— помещикам. Нужно найти спасительный выход.

Освобождение Раковского и паника в Яссах.

Революционная опасность воочию выростает перед румынским правительством.

Еще в самом начале войны румынское правительство, как и все буржуазные правительства, повело оккесточенную борьбу с румынскими рабочими, которые мешали ему начать воевать. Ряд вождей рабочих был арестован. Вскоре немецкие войска выгнали румынских вояк из их столицы Бухареста и заняли большую часть Румынии. Румынские власти, отступая, часть своих пленников-социал-демократов оставили в бухарестской тюрьме, а часть увезли с собою и держали под замком в городе Яссах, который стал временной столицей воюющей Румынии. В числе ясских узников был вождь румынской революционной социал-демократии тогдашнего времени, вождь румынских рабочих доктор Раковский. Доктор Раковский уже тогда был не только румынским революционером. Ученик Плеханова, он был участником рабочего движения и в Болгарии, и в России. Он был членом первых социал-демократических русских групп за-границей еще до 1905 года. Он приезжал и в Россию по делам революции. В 1905 году он помогал нашим матросам — потемкинцам, когда им пришлось искать спасения на румынском берегу. Раковский оказал немало услуг и русской революционной литературе. Словом, для русской революции Раковский издавна был свой человек.

1 мая 1917 года солдаты русского гарнизона в Яссах и в предместьи Сокалях впервые свободно праздновали международный праздник proletарской солидарности. Во время этого праздника

группа солдат узнала о том, что тов. Раковский томится под румынским замком. Понятно, через несколько минут Раковский был свободен. На автомобиле привезли освобожденного борца на площадь, где собирались с первомайскими знаменами 10.000 русских солдат. Восторженно встреченный всей этой массой, Раковский произнес приветственную речь, а выступивший затем русский унтер-офицер выразил общее пожелание, чтобы румынского короля постигла участь русского императора. Затем под охраной революционных солдат Раковский был увезен в Одессу, и с головой окунулся в революционную работу в России.

Румынские министры и румынские помещики были в панике. Несколько часов они в своей собственной столице не имели никакой власти. Несколько часов власть в Яссах была фактически в руках русских революционных солдат.

Конечно, ясскую историю румынские министры поняли по своему. Когда прошли первые часы паники, они стали заявлять временному правительству России протесты против нарушения „международного права“ и на всех перекрестках вопили о „варварстве“. При этом они добавляли, что готовы „простить“ русским солдатам их „преступление“, если только Раковский, — тот самый, которого они за неделю до того ни за что не хотели отпускать, — если только Раковский немедленно уедет из пределов Румынии. Раковский уже давным давно был в Одессе и выступал перед одесскими рабочими с речами о международном положении, а румынским министрам все мерещилось, что он возле Ясс и что русская армия собирается свергнуть помещиков-румын и посадить на их место другое правительство с Раковским во главе. Прошло несколько дней раньше, чем румынские помещики оправились от этого страха. А российский военный министр Гучков поспешил угодить перетрусившим румынам и послал на фронт телеграфный выговор русским солдатам за „самоуправное“ освобождение Раков-

ского. Исполнительный комитет солдатских депутатов Яссы—Сокальского района сумел решительно отшатить Гучкову. Он заявил, что хотя освобождение произошло без ведома исполнительного комитета в целом, по почину инициативной группы, но комитет приветствует возвращение Раковского в ряды русской революции. Разумеется, это не утешило ни Гучкова, ни румынских министров.

Помещики спасают свою власть.

Румынские министры по своему и учили урок первомайского праздника в Яссах. Они поняли его так, что в их интересах необходимо как можно скорее избавиться от революционных русских солдат на фронте. Это, во-первых. А, во-вторых, нужно как можно скорее зацепать Бессарабию, чтобы меньше опасных примеров было перед глазами румынского крестьянина. Власть румынских помещиков нужно было спасать, и для этого лучшее средство—взять в румынское ярмо только что освободившегося от русского царя бессарабского крестьянина.

Чтобы освободиться от революционных русских солдат, румынские помещики перетянули на службу к румынскому королю главнокомандующего румынского фронта, царского генерала Щербачева. Много позорных поступков числится за русскими царскими генералами,— но измена Щербачева на румынском фронте—вероятно самая подлая из всех измен. Изменив своим солдатам и изменив своей родине, Щербачев однако не изменил белогвардейскому знамени. В декабре 1917 года и в январе 1918 г., он уже явно состоял на румынской службе, окружал румынскими бандами русских солдат, разоружал их и расстреливал, морил голодом людей и лошадей, отдавал в румынские руки богатейшие русские склады снаряжения, продовольствия и оружия.

И в то же самое время Щербачев посыпал на помощь царским генералам Краснову и Каледину на Дон отряды ударников, — будущих дроздовцев и других разбойников, — и целые вагоны и поезда амуниции, оружия и снарядов для борьбы с большевиками.

Но Щербачева было мало для предательской работы на фронте, и румынские помещики вошли в стачку с украинскими „желто-блакитниками“. Так называли петлюровских гайдамаков за их желто-голубое знамя украинских националистов. Гайдамаки-петлюровцы наносили предательские удары в спину и из-за угла революционным русским полкам каждый раз, когда это было нужно румынским генералам. Они работали в самом тесном союзе с белогвардейцами-ударниками и юнкерами.

Нужно было немало времени, чтобы подготовить все это предательство на фронте. В течение полугода румынские провокаторы с этой задачей справились неплохо.

В то же самое время шла подготовка предательства внутри Бессарабии. Ее захват подготавливали не только с фронта, но и с тыла. При помощи белогвардейцев фронт очищался от революционных войск. В самой Бессарабии готовилось внутреннее предательство.

Сначала агенты Румынии попробовали „демократически“ действовать. Они попытались опереться на якобы „национальные симпатии“ к Румынии со стороны бессарабских крестьян-молдаван. Они задумали спекулировать на том, что крестьяне-молдаване говорят на таком же приблизительно языке, как и румынские крестьяне. Тёплая компания, вышедшая из недр кишиневской духовной семинарии, вскормленная деньгами — проще, подачками, — румынских министров-помещиков и разрабатывавшая план великой провокации, попробовала поймать Бессарабию на удочку созданной ими „Молдавской национальной партии“. Но программу

этой партии они долго не рисковали опубликовать во всеобщее сведение и держали ее в большом секрете. С этой программой было опасно показаться на людях. Нанятых румынами „националистов“ и их „партию“, однако, вскоре приперли к стенке и заставили открыто сказать, чего они хотят. Тогда они онять свою программу слизнули и стали публично открепещиваться от какой бы то ни было мысли о симпатиях к Румынии. Мы мол верны российской революции, свобод не отдадим,—и так далее.

Почему говорились такие речи этими господами?— И не только летом 1917 г. они говорились, но и до самого последнего момента, до тех пор, пока преданная ими Бессарабия не была вся наводнена румынскими войсками. Да очень просто. Румынские агенты очень быстро убедились в том, что на румынскую удочку ни Бессарабию всю, ни даже темного крестьянина - молдаванина не поймаешь. Они не встретили никакого сочувствия. При первых же попытках заговорить с крестьянами о том, как хорошо за Прутом и как приятно обединиться с „братьями-румынами“ — четверо таких агитаторов были в разных местах убиты крестьянами (адвокат Мурафа, землемер Годоража, священник в селе Костешты и арендатор в селе Русешты), а многие сильно избиты. Если так „сочувствовали“ крестьянам-молдаване, то что уж говорить о других национальностях.

Да и могло ли быть иначе? При всей своей темноте, молдаване - крестьяне отлично понимали, что сулит им укрепление революции в России с одной стороны, и чего, с другой стороны, можно ждать от власти румынских помещиков,—или от „запрутской ориентации“, как тогда мудрено выражались. Они отлично знали и о небоазимых землях румынского короля и румынских помещиков, и о нищете и унижениях румынского крестьянина за Прутом. Они знали о его голодной жизни, и о барщине, и о том, почему он не может ни сеять, ни есть ничего, кроме кукурузы. Знали они,

почему за десять лет до Февральской революции восстало румынское крестьянство и стало убивать своих угнетателей - помещиков, и сколькими тысячами страшных жертв оно заплатило за эту неудавшуюся попытку освобождения. Каждый самый темный крестьянин - молдаванин понимал, что всякая речь о Румынии сведется для него к тому же ярму, под которым станет крестьянин Румынии. И тогда, конечно, прощай надежда на избавление от помещика, власть которого и в Бессарабии до революции тяжело давила крестьян. Прощай тогда и мечта о земле, которой бессарабский крестьянин ждал от победившей российской революции.

Он не только ждал этой земли. Он изверился очень скоро, — как и все крестьяне России, — в демократической болтовне правительства Керенского. Он стал сам брать землю. Это называлось „агарными беспорядками“ и „анархией“. И вот тогда то стал глядеть за Прут и искать у румынского короля спасения от российской революции — матерой „квасной“ русский „патриот“, помещик. Помещик стал мечтать о „сильной власти“ иноземцев, которая вернула бы ему его земли и взяла бы снова в железные тиски вышедшего из-под барской власти „музыка“. И несколько месяцев спустя мы видим, как навстречу вторжению румынских войск в Бессарабию идут русские помещики, недавние верноподданные русского царя, русские „националисты“, отстаивавшие в государственной думе права самодержца и заковывавшие в кандалы депутатов-большевиков. Когда дошло до земли и хлопнуло по карману — сейчас же была забыта Россия, „родина“, и помещики стали звать румынских офицеров на помочь для „водворения порядка“. Уже в декабре 1917 года стали появляться румынские отряды в бессарабских селах возле реки Прут и по помещичьей указке расправляться с крестьянами и возвращать помещикам землю и „награбленное добро“. Союз земельных собственников Бессарабии во главе

с бывшим членом Государственной Думы — Синадино радовался и ликовал по поводу близкого спасения. А румынские генералы в своих прокламациях к населению лицемерно заявляли, что на права народа не покушаются и на свободу не посягают.

По примеру „Рады“.

Однако, мы несколько забежали вперед. Для того, чтобы помещики могли осмелиться даже мечтать о появлении на земле свободной Бессарабии карательных отрядов румынских генералов — нужна была немалая предварительная работа по провокации и разложению страны. Этую работу и проделали так называемые „молдавские националисты“, т. е. та компания наемных агентов румынской охранки, о которых мы уже говорили выше.

Перед ними был „хороший пример“ украинских националистов, будущих петлюровцев. Те под громкие фразы о „самоопределении народов“ уже в середине лета 1917 г. сумели заложить основы украинской контр-революции и начали, вооружаясь, оружием угрожать революционному Питеру. Украинские националисты всячески обходили советы рабочих депутатов и старались как можно больше ослабить не только органы временного правительства Керенского, но и органы советские. Даже в тогдашних советах они уже чуяли будущую власть. В противовес ей украинские кулаки стали строить на началах национального представительства свою Украинскую Центральную Раду. Эта Рада потом вела вооруженную борьбу против советских войск и всеми силами помогала контр-революции. В начале она под звон громких и якобы революционных фраз только собирала свои силы. Но ее контр-революционная закваска уже тогда хорошо чувствовалась, и „молдавские националисты“ поспешили воспользоваться петлюровским примером.

Они стали толковать о том, что де Россия в целом разваливается, идет к гибели, и спасать ее целиком никак невозможно, а нужно спасать только по частям. Потом, мол, когда отдельные здоровые части страны будут спасены и изживут разруху—может быть начать снова собирать эти оздоровленные части в федеративное целое. А пока — спасайся, кто может. Этакого спасения, по ихнему, требует принцип самоопределения народностей, провозглашенный российской революцией.

А для этого надо, чтобы каждая национальная область организовалась самостоятельно, чтобы в каждой области было создано свое краевое правительство, которое и будет „спасать“. Разумеется, Советы рабочих и солдатских депутатов, по ихнему, для этого не годятся. Они не „демократичны“. И пользуясь эсеровско-меньшевистской словесной шелухой и борьбой временного правительства Керенского против советов — „спасители“ действуют следующим образом.

Исподтишка, — чтобы поменьше народу знало,— они созывают в Кишиневе всероссийский съезд военных молдаван. Съезд этот происходит как раз в те самые дни октября, когда питерский пролетариат при поддержке всей страны сбрасывает правительство Керенского и провозглашает советскую власть. На этом, под шумок событий сфабрикованном съезде, очень мало солдат-молдаван и очень много молдаван-прапорщиков. Здесь, к тому же, еще какие то темные никому неизвестные личности (потом они оказываются чистокровными румынами, даже не уроженцами Бессарабии). Такой съезд, конечно, вовсе не думает о поддержке советской власти, власти рабочих и крестьян. У него другая задача. Он подхватывает мысль, высказанную еще за пару месяцев до того румынско-бессарабским помещиком Херца на одном совещании в Кишиневе,— и заявляет, что необходимо для „спасения Бессарабии“ срочно создать краевую власть. Ждать всероссийского учредительного собрания долго, созывать бесса-

рабское учредительное собрание хлопотно, — это успеется посло. А пока нужно в два счета сделать „Краевой Совет Бессарабии“, построить его на начальных представительства национальностей. Этот совет они назвали „Сфатул-Цэрий“, что по молдавски значит „краевой совет“.

Многие почуяли за этим детищем его настоящего „крестного папашу“, — румынского помещика.

Но главари с'езда поспешили успокоить всех и вся, заявив в печати, что всякие разговоры о каких то тайных намерениях и надеждах на Румынию — выдумка. Председатель с'езда ротмистр Чижевский в газетах за свою подписью заявил, что когда на с'езде кто то попытался заикнуться о Румынии, то поднялась буря негодования, потому что солдат молдаванин не желает отделяться от революционной России. И действительно, сами молдавские солдаты и матросы сейчас же после с'езда выпустили горячее взвание о том, чтобы никто не слушал подлых речей, зовущих под ярмо румынского помещика. Это был крик души молдавского солдата-крестьянина, но для ротмистров и прапорщиков из духовной семинарии это была только игра слов, нужная для того, чтобы как можно дольше прикрывать свою настоящую тайную работу на пользу боярской Румынии.

Сфатул-Цэрий и молдавские полки.

Военно-молдавский с'езд выделил „Организационное Бюро“, которому было поручено созвать „Сфатул-Цэрий“. Сначала были выдуманы всякие липовые молдавские организации и „союзы“, которых никогда не существовало. Их липовые члены должны были потом сами себя избрать депутатами в Сфатул-Цэрий. Затем был определен состав этого „парламента“. Репили, что будет там 150 членов, и из них будет 105 молдаван. В Бессарабии, как мы уже знаем, живет много разных народностей, — молдаване, украинцы, русские, евреи, греки, болгары,

армянє, немцы и т. д. Среди всего населения молдаван имеется меньше половины,—всего 47—48 процентов. Но Организационное Бюро Сфатул-Цэрий заявило, что у него статистика другая, и по его мнению (ни на чем не основанному) молдаван есть 70 %. И на этом основании они заполнили 105 мест депутатами своих липовых „организаций“ и своей „партии“, а всем остальным народностям и партиям они дали только 45 мест, к тому же они заранее приказали каждой организации, какой национальности депутатов она должна послать....

Чтобы понять, какое было в этом издевательство над настоящей волей и даже настоящим национальным составом населения Бессарабии, стоит указать, какие результаты дали выборы в Учредительное Собрание. Выборы в Учредительное Собрание происходили в Бессарабии в те же месяцы, когда создавался Сфатул-Цэрий. Организационное бюро Сфатул-Цэрия и знаменитая „молдавская национальная партия“ могли уже и агитацию вести, и привлекать к себе голоса. Они приняли участие и в этих выборах. Что же получилось?

Населения в Бессарабии около двух с половиною миллионов человек. На выборах в Учредительное Собрание подали свои избирательные записки 600.000 чел. т. е. четверть всего населения. Если исключить детей и стариков, то можно сказать, что около половины населения Бессарабии участвовало в выборах в Учредилку. И вот из этих 600.000 голосов было подано 200 тысяч голосов за список, выдвинутый Исполнительным Комитетом Советов Рабочих Депутатов, 229.000 голосов за список социалистов-революционеров, 60.000 за список еврейских националистов, 40.000 за кадетов, и только 14.000 голосов было подано за список „молдавской национальной партии“. Эта партия, значит, собрала только немного больше двух процентов голосов (2,3%) и не провела ни одного депутата в Учредилку (из 13 членов Учредит. собрания от Бессарабии — 12 прошло по спискам Совета Рабочих

Депутатов и соц.-революционеров, и один—от еврейских националистов). Таким образом, на выборах „молдавская национальная партия“ совершенно провалилась. И вот этот то ублюдок из румынской охранки, собравший такое ничтожное количество голосов, самым жульническим образом состряпал себе подавляющее большинство в Сфатул-Цэрий... Легко понять, какая цена такому „парламенту“. Но при помощи румын, дипломатов Антанты и помещиков с обоих берегов Прута—предатели сумели использовать на почве тогдашней разрухи свой Сфатул-Цэрий. Он отвлек внимание населения от самого главного, и под этим прикрытием бездарные на поле битвы румынские генералы смогли подготовить захват Бессарабии.

От украинской „Рады“ организаторы Сфатул-Цэрий взяли в пример не только липовых депутатов от несуществующих организаций и не только искусственный национальный подбор депутатов. Они от них взяли и идею национального войска. Еще до открытия Сфатул-Цэрий его организационное бюро поставило себе задачей создать из молдаван особые воинские части и подчинить их себе. Они обратились с просьбой к генералу Щербачеву, чтобы он разрешил такие формирования и откомандировал в их ряды всех военных-молдаван. Генерал Щербачев уже тогда, за отсутствием русского царя, пошел в наимы на службу к румынскому королю. Разумеется, он это добродея разрешил, и таким образом дал в распоряжение „молдавской национальной партии“, т. е. отделения румынской охранки, собственную армию. Бряцание оружием по случаю „самоопределения национальностей“ было в ту пору,—опять таки с легкой руки украинской рады,—в моде и почиталось даже революционным. Немало солдат было тогда одурманено этими красивыми словами. И стали стекаться в Кишинев и Бендера молдавские солдаты с фронта в полки Сфатул-Цэрий.

Забегая опять немного вперед, скажем еще о дальнейшей судьбе этих полков. До поры до времени заправилам „молдавской партии“ удавалось дурманить молдавских солдат и матросов. Они поставили над ними в качестве начальника гарнизона русского дезертира и румынского провокатора Катареу. Произвели его по этому случаю даже в полковники. Катареу стал приучать своих солдат к грабежу и пьянству, а сам широко промышлял самочинными „реквизициями“, взятками, кутил и играл целые дни и ночи в карты. Но наступил день отрезвления. Когда под Кишиневом появились в январе 1918 года первые, сорвавшие с себя маску вооруженные отряды румын — солдаты молдавских полков сразу почуяли, что им грозит. Не спросясь своего начальства из Сфатул-Цэрий, они сами бросились отбивать кишиневский вокзал от румын-трансильванцев. На месте боя они были даже раньше, чем подоспели туда русские революционные войска. Тогда же и молдавский полк из Бендер поспешил телеграммой заявить, что готов идти на помощь против румын. Так румынские агенты из Сфатул-Цэрия создали военную силу, силу, которая едва не обратилась против них самих целиком.

Всетаки, провокаторам повезло. Первый налет румын на Кишинев был отбит при участии молдавских частей, но разруха была уже сильна, провокация и предательство опутали всю Бессарабию. Через несколько дней после первых отбитых налетов к Кишиневу подошли большие румынские силы, заканчивавшие широкую операцию по захвату Бессарабии, — отбить их уже не было сил. Русские революционные части ушли, а молдавские остались, сознавая весь ужас произшедшего и свое бессилие что нибудь теперь сделать. Однако, солдаты-молдаване и тогда еще не смирились. Вскоре, когда в их полках стали заводить румынские порядки, они возмутились. Эта попытка восстания была подавлена, около 20 солдат-молдаван и матросов было

публично расстреляно во дворе кишиневской семинарии, десятки других испытали жестокую расправу и только тогда смирились молдавские полки.

Обман и заметание следов.

Вернемся опять назад к тому, что происходило в Бессарабии еще до открытого вторжения румынских войск. 21 ноября 1917 года был торжественно открыт Сфатул-Цэрий. Председателем его избрали бывшего помощника губернского комиссара правительства Керенского — Инкульца. К тому времени он был уже и бывшим эсером. Даже невзыскательные эсеры исключили его из своей партии за неблаговидную политику во время выборов в учредилку. Вскоре после того Инкулец стал министром румынского короля и до сих пор состоит в этом звании, окончательно сбросив революционную личину. Но в этот торжественный день открытия „парламента“ Сфатул-Цэрий, сплошь состоящего из назначенцев, он произнес революционную речь о том, что свободная Бессарабия в тесном союзе с братской революционной Россией будет отстаивать добытые революцией свободы и спасать общую революционную родину, и т. д.

И в этот день, и еще несколько месяцев произносились в Сфатул-Цэрий с трибуны такие революционные речи. А в это самое время те же ораторы тайком делали предательское и контр-революционное дело. Для чего же были нужны эти речи и почему не смели провокаторы говорить о своих настоящих планах? Они помнили пример первых своих агитаторов, убитых в молдавских деревнях крестьянами за то, что посмели намекнуть о соединении с Румынией. Они знали, чего хочет и чего не хочет Бессарабия. Они понимали, что стоит только им на минуту открыть на виду у бессарабцев свое настоящее лицо, как их без остатка сотрут с земли те самые бессарабские крестьяне,—и

молдаване прежде других,—за которых они лицемерно распинались.

И вот, публично говорились показные революционные речи, а под шумок пропускались через границу под разными предлогами румынские отряды. Румыны начали с отдаленных уездов, потом двигались ближе к центру. Занимали отдельные деревни и там усмиряли крестьян. Тоже под шумок „правительство“ Сфатул-Цэрий создало из возвращающихся с фронта крестьян—молдаван особые „когорты“¹), как они их назвали, отряды для поддержания порядка. Руководители Сфатул-Цэрий попробовали было эти „когорты“, под командой своих прапорщиков, послать на защиту помешников и против крестьян, но из этого ничего не вышло, солдаты из „когорт“ не захотели идти против своих братьев, сколько ни старались прапорщики из Сфатул-Цэрий.

Открыл румынам фронт и генерал Щербачев, который стал вместе с румынскими генералами разоружать русских солдат и расстреливать их. Разыграно это было как по нотам. Началось так. Румыны в начале декабря подстроили нападение своих собственных солдат на продовольственный русский склад в бессарабском городе Леово на берегу Прута. Сталкнувшись с ними Щербачев заявил, что напали на склад русские солдаты. Для охраны складов у Щербачева после этого не оказалось „надежных частей“ и он призвал для охраны румын. Румыны заняли и склады, и город Леово, и стали там расстрелами наводить свои порядки. Дальше—больше.

В это время открылся в Одессе фронтовой съезд русских армий румынского фронта. На съезде из сообщений делегатов выяснилось, что румыны начинают занимать русские города Бессарабии. Съезд горячо запротестовал, послал делегацию на румынский фронт для выяснения этих историй и для пре-

¹) Это слово они позаимствовали у древних римлян. У римлян так назывались отряды войск, соответствовавшие, приблизительно, батальону.

кращения разоружений русских частей. На фронте завязалась борьба за право отхода русских полков с оружием. Щербачев и румынские генералы при содействии монархистов-ударников и петлюровских гайдамаков отрезали от революционных полков продовольствие и фураж, создавали невероятные затруднения и добивались разоружения и распыления солдат. Чего называлось борьбой с большевизмом.

В Кишиневе уже становилась все более ясной каждому предательская политика заправил из Сфатул-Цэрий. Их стали обвинять в том, что они помогают вводу румынских войск в Бессарабию. Когда им на заседании исполкомов советских организаций, куда им пришлось притти, поставили ребром вопрос, кем призваны румыны в город Кагул в Припрутском районе, они снова стали откращиваться от „румынской ориентации“ и заявили, что румыны туда пришли по приглашению украинских гайдамаков.

В самом Сфатул-Цэрий небольшая группа социалистов-меньшевиков попыталась разоблачить предательство заправил Сфатул-Цэрий. Но было уже поздно. Когда социалисты потребовали в Сфатул-Цэрий об'яснений от правительства („совета директоров“) по поводу их переговоров с румынами, это правительство нагло ответило, что для обеспечения спокойствия должны быть введены в Бессарабию иностранные войска. Оно потребовало, чтобы в этом вопросе „директорам“ была предоставлена полная свобода действий, в частности относительно того, какой национальности войска будут наводить порядок. Социалисты протестовали, но в конце концов должны были уйти из Сфатул-Цэрия под град враждебных возгласов.

У некоторых из вождей Сфатул-Цэрия хватило при этом наглости, подделываясь под настроения населения, прикинуться даже большевиками или большевистующими. Пользуясь тем, что в Сфатул-Цэрии были представители только соглашательских партий (большевиков не было), „молдавские

социалисты“ из „национальной партии“ стали лицемерно корить их за то, что они поддерживают коалицию с буржуазией. Вольноопределяющийся Буздуган, — был такой депутат в Сфатул-Цэрий, — прикидываясь „большевиком“, кричал социалистам :

— То, что большевики собираются сделать с учредилкой, — хорошо. А мы еще придем погреться в барские особняки, где вы бываете. Мы голые и босые еще найдем, что там реквизировать.

Так кричали, чтобы замазать суть вопроса о протесте против ввода румын, люди, лакомившиеся подачками румынских помещиков и генералов. Так кричал в последние дни декабря вольноопределяющийся Буздуган, который через три месяца, в заседании Сфатул-Цэрий 27 марта 1918 г., читал верноподданнический адрес румынскому королю. Нечего сказать, „голый и босый“ большевик !

Последние дни свободной Бессарабии.

Так вот как вели свою провокацию румынские наемники, и вот в какой наряд они рядились, когда это им было нужно для успеха.

Пока они маскировали настоящее положение вещей хитростью и разговорами, румынские генералы исподволь, шаг за шагом, занимали Бессарабию. Наконец, они решили ударить и на главный город Бессарабии, Кишинев. Опять им помогли предатели-петлюровцы. При несомненном их содействии был отправлен из Киева поезд-эшелон якобы пленных румын трансильванцев (Трансильвания тогда была еще частью Австрии, и значит поезд шел как эшелон австрийских пленных). Но эти пленные были вооружены и при них были румынские офицеры. Станный эшелон пленных все-таки благополучно дошел до Кишинева. Оказавшись здесь на рассвете 6 января (19 января по новому стилю), эти мнимые пленные с оружием под командой офицеров вышли из вагонов и попробовали занять вокзал. Сейчас же об этом узнали в городе, и как мы

уже рассказывали, первыми примчались, чтобы выгнать румын, молдавские части, из которых Сфатул-Цэрий хотел сделать для себя поддержку. Затем подошли и другие части, и после короткого боя румынские солдаты на этот раз уже по настоящему попали в плен.

Первый налет на Кишинев не удался. Но через несколько дней началось новое наступление уже со стороны Румынии, от Ясс, через границу. На пограничный пункт Унгени сначала напали ночью южнорумынские ударники и петлюровские гайдамаки. Дружная была компания... Они разоружили неожидавший нападения гарнизон и расстреляли нескольких членов унгенского совета рабочих и солдатских депутатов. И только после этого возле Унгени появилась большая румынская застава и началось наступление румын.

Двинулись румыны сначала в поездах, потом вышли из поездов и пошли цепями. Но и этот удар не удался. Вышедшие навстречу из Кишинева наши части опрокинули румын при полном содействии местных крестьян-молдаван. Румыны бежали, оставив вагоны и много оружия. Вооружившиеся их винтовками, молдавские крестьяне, защищаясь от помещичьего ига, помогали революционным солдатам гнать румын.

Прошел еще день. И снова,—в третий раз,—двинулись румыны свежими и большими силами на Кишинев. Крестьяне и остатки утомленных и голодных русских частей не в силах уже были удержать наступление. Пришлось уходить из Кишинева и постепенно, сопротивляясь, отойти за Днестр.

12-го (25-го) января 1918 года румынскими войсками был занят Кишинев. И этот день можно считать днем конца свободы Бессарабии.

Ответ Совнаркома: арест Диаманди и румынского золотого запаса.

Разоружения русских частей на фронте и захват румынами Бессарабии вызвали вмешательство со

стороны Совета Народных Комиссаров Советской Республики. Но Питер был далеко и оттуда трудно было воздействовать на события, происходившие на румынском фронте.

Совет Народных Комиссаров послал румынам ультиматум с требованием прекратить враждебные действия против русских воинских частей на фронте и оставить в покое Бессарабию. Зарвавшиеся румыны не обратили внимания на этот ультиматум. Тогда Совет Народных Комиссаров принял более решительные меры. Он арестовал в Питере румынского посланника Диаманди и об'явил неприкосновенным для правительства румынских помещиков румынский золотой запас, хранившийся в кладовых государственного банка в России.

Этот свой золотой запас румыны вывезли в Россию и сдали на хранение русскому царю сейчас же после их вступления в войну. Когда немецкие генералы стали гнать полки бездарных румынских командиров, было даже опасение, что немцы займут всю Румынию. Приходилось спасать золото и даже самого румынского короля. Уже было приготовлено для него гостеприимным русским царем убежище в Херсоне. Это было незадолго до февральской революции 1917 года. Херсонские рабочие, правда, подняли большой шум, не желая пускать к себе такого приятного гостя. Вскоре после февраля меньшевикам из тогдашнего питерского совета рабочих депутатов, во главе с Чхеидзе и Церетелли, пришлось даже... сделать херсонским рабочим выговор за недостаточное гостеприимство, вежливость и радушие. Чхеидзе и Церетелли сердились: это, видите ли, „международный скандал“. Приезд румынского короля был отложен, тем более, что русские войска остановили немецкое наступление и король мог спокойно отсиживаться на своей даче в Яссах. Румынская же казна, золотой запас, так и остались на хранении в Москве.

И вот, когда в благодарность за спасение остатков своей страны и своей армии от разгрома немцами, отдохнувшие в тылу и обнаглевшие румынские офицеры стали разоружать и расстреливать русских солдат и захватывать Бессарабию, — наш Совет Народных Комиссаров, за подписью Ленина, заявил им, что весь золотой их запас переходит в наши руки и будет передан только революционному румынскому народу после того, как он покончит со своими угнетателями.

Такое „неделикатное обращение“ с румынским посланником и с румынским золотом вызвало „бурю негодования“ со стороны представителей демократической Европы. Европейские и американские дипломаты очень спокойно смотрели на то, как румынские лейтенанты морят голодом русские полки, расстреливают или гноят в застенках своих концентрационных лагерей сотни русских солдат, грабят и убивают крестьян бессарабских сел по указаниям „обижённых“ революцией помещиков. Но как дошло дело до Диаманди и до золота — поднялся крик: нарушено международное право, небывалое насилие и т. д. Все посланники так называемых культурных держав, находившиеся в то время в Питере, успели явиться на прием к Ленину с протестом против действий Совета Народных Комиссаров. Были тут и посланники Англии, Франции, Бельгии, Сербии, Америки и т. д., даже Греции, Аргентины, Японии и Сиама...

В ответ на эти протесты Ленин заявил, что арест Диаманди был вызван чрезвычайными обстоятельствами, которые не предусмотрены никакими дипломатическими трактатами и никакими дипломатическими обрядностями. Ленин добавил, что мы не можем считать вообще недопустимыми решительные меры воздействия против представителя страны, формально нам врага не об'явившей и в то же время окружившей целую нашу дивизию, моряцей ее голодом и обезоруживающей, арестовывающей ее

выборных. Беседа кончилась обещанием Ильича доложить Совету Народных Комиссаров, что посланники просят об освобождении Диаманди.

Несколько позже американский посланник сообщил нашему правительству, что немедленно после освобождения Диаманди он сам поедет к нему и от имени Америки заявит протест против нападения румын на русские войска.

После всего этого Совет Народных Комиссаров нашел, что цель ареста Диаманди,—выразить самый резкий протест против румынского правительства,—уже достигнута, и с пользой для дела можно его освободить, потребовав, вместе с тем, чтобы были освобождены арестованные румынами русские солдаты.

После освобождения, Диаманди и все чины румынского посольства были высланы из пределов России. Но золотой фонд Румынии остался в кладовых нашего государственного банка в ожидании того момента, когда на него предъявят свои права сбросивший своих тиранов румынский народ.

Румынские помещики и министры до сих пор никак не могут забыть о своем золоте. При каждом удобном и неудобном случае они напоминают о нем, и предъявляют свой счет, забывая о тех громадных убытках, какие они нам причинили, забывая о захваченных ими на нашем фронте громадных наших складах продовольствия, амуниции, оружия, снарядов, о тысячах ограбленных ими вагонов и паровозов, о десятках барж, наконец, обо всей Бессарабии. Правда, на недавно состоявшейся Венской конференции (о ней было уже рассказано) они выражали готовность отказаться от своих „прав“ на золотой фонд, если наша делегация признает их права на Бессарабию. Конечно, от такой сделки наши представители отказались: мы народами не торгуем, и Бессарабия сама определит свою судьбу.

Наш счет ограбленного.

Вместе с тем, у Советской России нет, конечно, никаких оснований отказываться от предъявления помешичьей Румынии требования о возмещении стоимости того громадного имущества, которое захвачено было румынами, как в Бессарабии, так и на румынском фронте, при отходе русских войск. Только приблизительное понятие об этих несметных ценностях дает, например, нота, посланная по радио румынскому правительству в конце мая 1919 года за подписями т.г. Чичерина и Раковского, бывшего тогда председателем Совнаркома и народным комиссаром иностранных дел Украины.

„С момента упразднения русского фронта в Румынии, — говорится в этой ноте, — румынское правительство наложило руку на громадное военное, железнодорожное и Красного Креста имущество, которое находилось там для обслуживания русской армии. После разбойниччьего захвата Бессарабии румынское правительство поступило так же и с военными и продовольственными базисными складами Бессарабии. Часть имущества, принадлежащего России, была использована самим румынским правительством, часть оно представило в распоряжение белогвардейских банд, сражающихся против Советской власти на юге России и Украины и, наконец, осталось, в особенности предметы первой необходимости, как то: обмундирование, белье, сахар, консервы расхищалось проворовавшимися румынскими чиновниками и офицерами. Они спускали народное добро за бесценок спекулянтам, а потом, чтобы замести следы своих преступлений, поджигали склады и архивы, как поступил полковник Сион в Бендерах. Теперь, когда румынскому правительству стало ясно, что пришел конец его позорного господства над бессарабскими рабочими и крестьянами, оно перед своим

отступлением задалось целью ограбить всю Бессарабию. Агенты румынской власти не только забирают у крестьян последний пуд хлеба и последнюю лошадь, но и вывозят из государственных учреждений всю обстановку вплоть до оконных рам, нагружая все и отправляя в Румынию. Сохраняя за собою право предать своевременно суду революционного трибунала прямых или косвенных виновников выше перечисленных преступлений, как бы высоко они ни стояли, Рабоче-Крестьянские правительства России и Украины снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезенных во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, румынскому национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским помещикам и капиталистам“.

Нота эта была послана в тот период, когда Россия и Украина были накануне войны с Румынией и когда перспектива этой войны действительно ввергла румынскую власть в панику. Спасли румын от опасности друзья румынских помещиков, орудовавшие внутри России и Украины,—измена атамана Григорьева, пошедшего против Советской власти, ряд бандитских выступлений, махновщина, восстания кулаков украинских и немецких на юге Украины, а затем и наступление врангелевцев. Советским силам пришлось на время отойти с Украины. Григорьев, Махно, Врангель продлили на несколько лишних лет владычество румынских помещиков над населением Бессарабии.

Воспроизведенная здесь нота дает только, как мы сказали, приблизительное понятие о том, что заграблено румынским правительством. Дать точный подсчет всего трудно. Но можно привести еще несколько подробностей.

Румынским правительством было захвачено 433 паровоза и 7.146 вагонов, не говоря уже о железнодорожных линиях в Бессарабии, протяжением в 993 версты.

На Пруте и Дунае была захвачена часть тоннажа Русско-Дунайского пароходства,— баржи и прочее. На Днестре специальным декретом румынского короля были национализированы все суда, оказавшиеся на бессарабском берегу реки.

В 1919 году румынское правительство продало Франции прекрасно оборудованные плавучие мастерские, устроенные русскими войсками в румынском порту Галаце на Дунае для ремонта судов и других надобностей во время войны и захваченные румынами при отходе русских войск с фронта. За эти мастерские румынское правительство получило от Франции 56 миллионов франков. Мастерские были отведены в Константинополь и затем в Марсель. Сообщение об этой гнусной покупке краденого, появившееся в свое время в советской печати, никем опровергнуто не было, и можно считать его вполне точным.

Все это — далеко не весь наш счет, который должен быть адресован румынским грабителям. Это только отдельные подробности, отдельные иллюстрации, картинки к счету. Придет время предъявить счет целиком. Если расчеты с Советской Россией ведет Англия, то Румынии уж и подавно придется позаботиться, чтобы с этим счетом дело было приведено в порядок.

Шесть лет.

Бессарабия оккупирована.

Для того, чтобы постепенно занять всю Бессарабию своими войсками, румынским генералам понадобилось больше месяца. В январе 1918 года они этого достигли. Только после этого румынские генералы по настоящему показали волчьи зубы. Началась самая бесчеловечная кровавая расправа для того, чтобы закрепить это доблестное завоевание. Страна населена, как выграждались румыны, „братским народом“, который будто бы горячо призывал румын ради спасения от русского и от большевистского „ига“. Вот этот то народ и пришлось усмирять! Такова правда...

Раньше мы уже рассказали, как жестокими побоями и десятками расстрелов расправились румынские офицеры с солдатами молдавских полков. Нужды нет, что полки эти были организованы тем самым Сфатул-Цэрий, который по заказу румынских министров подготовил захват ими Бессарабии. Дело сделано, и с обманутыми солдатами можно не стесняться. Слушай румынскую команду. И если так расправлялись с вооруженными солдатами, то легко уж представить себе, какая участь постигла безоружное мирное население городов, и особенно сел.

В деревне — бесчисленные реквизиции хлеба, скота, имущества, бесконечные расправы кнутом, нагайкой, розгами, насилия над женщинами, издевательства жандармов, а при малейшем недовольстве

такими порядками — массовые расстрелы. То же самое и в городах, хотя в городах было больше „сдержанности“. Но и тут — разогнаны все рабочие и общественные организации, арестовывается и расстреливается каждый, кто осмеливается сказать или даже подумать неугодное румынам. Жестокая расправа ждет каждого, кто еще до прихода румын говорил, писал или делал что нибудь против них. Тех, кто не успевает бежать, десятками высылаются „за Днестр“, через Бендэрский мост. Высылаемые десятками и сотнями расстреливаются тут же возле моста и трупы бросаются в реку Днестр...

Румынам, однако мало как нибудь привести страну к покорному молчанию залитого кровью кладбища, им необходимо оформить свои права на Бессарабию. Они понимают, что когда нибудь придется же ответ давать и старательно делают все для того, чтобы иметь впоследствии возможность успокоить невзыскательную буржуазно-демократическую совесть тех, кто потом будет эти их „права“ утверждать. Они не хотят думать о том, что в последнем счете судьями в этом деле будут рабочие и крестьяне. А ведь от этого последнего суда никакими поддельными резолюциями и подтасованными „парламентами“ не отвертишься...

Румынские генералы, вступив в Бессарабию, заявляют в своих речах и в печатных обращениях к населению, что они наведут только порядок, не вмешиваясь во внутренние дела, а потом уйдут во-свои. И представители иностранных держав публично подтверждают то же самое. Они не хотят никакого насилия, — это на словах, — а на самом деле убивают тысячи людей только за то, что те не хотят идти под румынское ярмо.

Но они „демократы“ и „цивилизованные люди“, — поэтому им нужно обставить дело так, чтобы вышло, что не они захватили разбойничьим манером Бессарабию, а что сама Бессарабия умоляла их взять ее. Раньше они думали, что довольно будет, если Сфатул-Цэрий их призовет для „порядка“. Но сопротивле-

ние всего населения, всех двух с половиною миллионов бессарабцев, убедило их в том, что этого далеко еще недостаточно. Наконец, и положение Бессарабии было по форме неопределенно. Бессарабия все еще автономная область революционной России, так причем же тут румыны? Нужно проделать сложный фокус. Чтобы впоследствии изъявить свою волю стать румынской, Бессарабия сначала должна получить право такую свою волю выражать. Нужно добиться, чтобы она провозгласила себя не частью российской республики, а самостоятельным государством. Сфагул-Цэрий в руках своих заправил — усердное орудие, и он уже проделал достаточно румынских комедий. Румынские политики подготавливают продолжение этих комедий. Сфагул-Цэрий должен об'явить Бессарабию самостоятельной республикой, а потом уже эта республика „добровольно“ войдет в состав Румынии.

Но тут является помеха. Для фокуса нужно хоть немножко времени. А между тем в эти самые дни, должен собраться в Кишиневе крестьянский губернский с'езд, который изберет своих представителей в Сфагул-Цэрий. Румынские генералы знают, что крестьяне Бессарабии, — и прежде всего те, кого румынские помещики называют „братьями по крови“, то есть молдаване, — решительно против власти румын. Крестьянский с'езд может испортить всю музыку. Нужно этот с'езд взять в железо.

С безоружными румынские генералы не церемонятся. В день открытия крестьянский с'езд окружен румынскими войсками и пулеметами. Румынские солдаты вводятся в зал заседания. Но оказывается не так легко запугать крестьян и заполучить их „симпатии“. Крестьяне упорно стоят на своем, они против румын. Тогда румыны арестуют председателей с'езда Прахницкого и Рудьева. Крестьяне и арестами все еще недостаточно запуганы. На другой день они посыпают другую часть президиума с'езда добиваться освобождения арестованных. Эту делегацию, — Катароса, Чумаченко и Панцыря, —

румыны тоже арестовывают, и весь президиум съезда таким образом бесследно исчезает. Потом выясняется, что все арестованные замучены и расстреляны румынами. В конце концов, крестьянский съезд разгоняют, но он успевает избрать 30 представителей в Сфатул-Цэрий, и приходится признать права этих представителей.

После такой подготовки Сфатул-Цэрий в заседании 24 января старого стиля 1918 года провозглашает Бессарабию — независимой „Молдавской Народной Республикой“. Точь в точь как Петровская украинская Центральная Рада, которая раньше об'явила и Украину „Народной республикой...“

Но залитая кровью Бессарабия все еще судорожно сопротивляется во всех своих уголках, и, прежде чем решиться на следующий акт задуманной комедии, румынским властям и нахлынувшим из за Прута чиновникам приходится еще больше двух месяцев убивать, насиливать, грабить, гноить в застенках, высыпать за Днестр, топить в реке иенокорных, запугивать, обманывать и подкупать податливых, рассыпать во все углы толпы провокаторов и агитаторов. Имена большей части жертв погибших от румынского террора, неизвестны. Лишь некоторые сохранились, кроме упомянутых выше. Это одна депутатка Сфатул-Цэрий соц.-демократка Надежда Гринфельд, журналисты М. Бранов (с.-д.), Н. Кавсан (с.-р.). Десятки железнодорожников в Бендерах и сотни крестьян...

Только после двух с лишним месяцев этого неописуемого насилия и разгула кулака, нагайки и пытка, они решаются. Румыны приказывают Сфатул-Цэрию, горе-„парламенту“ „независимой республики“, об'явить о том, что эта „республика“ проникнута пламенными братскими чувствами к братьям-румынам, живущим по ту сторону Прута, желает „исправить старую историческую несправедливость“ и присоединяется к Румынии, отдавая себя под скелет румынского короля.

Хотя в истории штука редкая, чтобы республики вдруг, здорово живешь, „добровольно“ шли под ярмо чужеземного короля, — но это румын не смущает. Они опасаются другого. Они не уверены в том, что покорный им Сфатул-Церий больше боится их, чем возмущенного, хотя и безоружного и истерзанного населения края. Они не уверены, что даже этот, по их указке подобранный парламент будет голосовать так, как им нужно. И они принимают подготовительные меры. В Кишинев приезжает румынский премьер-министр, консерватор Маргиломан. Он раздает кому надо деньги, а кому и автомобили, он обещает усердивым людям всякие почести, награды, сытную службу. Но и этого мало. 27 марта старого стиля 1918 года, в тот день, когда Сфатул-Цэрий должен провозгласить свое присоединение к Румынии, — здание, где происходит заседание, окружено войсками. Это якобы „почетный караул“, но всякий понимает, что такой караул означает. На всех прилегающих улицах стоят шпалерами войска. Над зданием реют румынские аэропланы. Внутри здания перед перепуганными депутатами предстает сам румынский премьер-министр Маргиломан, окруженный генералами и офицерами...

Но даже в этой страшной обстановке румыны не решаются еще говорить о том, чтобы целиком и без остатка проглотить Бессарабию. Чтобы заставить голосовать за себя, они продолжают обман и хотят оставить депутатам для „успокоения совести“ еще маленькую надежду, маленький просвет. Предлагают декларацию, в которой заявляется, что Бессарабия присоединяется к Румынии, как область с широкой автономией, с широкими правами самоуправления.

Крестьянство всетаки против румын.

И всетаки даже теперь, несмотря на угрозы и обман, румынам и их приспешникам из заправил

Сфатул-Цэрия не удается добиться единогласия в этом загнанном и подтасованном „парламенте“. За декларацию, вдохновленную Маргиломаном, голосует только 82, трое голосуют против, и 38 воздерживается. А более тридцати депутатов вообще отсутствует. (Вспомним, что депутаты-социалисты давно уже ушли из Сфатул-Цэрия, а другие расстреляны или бежали).

Кто голосует за декларацию? Подставные депутаты липовых „партий и организаций“. За этими депутатами нет никого, кроме них самих, если не считать румынских штыков. Кто воздерживается? Вся крестьянская фракция, все депутаты, за два месяца до того избранные крестьянским с'ездом, то есть те депутаты, которые чувствуют ответственность перед пославшими их молдавскими и немолдавскими крестьянами. Они не имеют опытных и мужественных политических руководителей, и они не осмеливаются перед лицом румынских генералов, за которыми стоят штыки и пулеметы, прямо голосовать против них. Но при всей своей робости, они не смеют голосовать и за предательскую декларацию, — они знают, что крестьянство Бессарабии, крестьянство всех национальностей, никогда не простит им, если они приложат руку к закабалению их под власть румынских помещиков. И они заявляют, что воздерживаются от голосования, потому что считают, что Сфатул-Цэрий вообще не имеет права решать подобные вопросы о судьбах Бессарабии. По существу, это голосование бессарабских крестьян в окруженному румынскими войсками помещении Сфатул-Цэрия является бесспорно голосованием против румынской власти.

К заявлению крестьян в этом же заседании присоединяются представитель совета рабочих професиональных союзов и представители почти всех национальных меньшинств: украинцев, болгар, русских, евреев, немцев. И только один представитель национальных меньшинств голосует за декларацию.

Это представитель поляков Дудкевич. Поляков в Бессарабии меньше 12000 человек, они составляют всего около половины процента населения, но Дудкевич голосует даже не от имени этого полпроцента. Он потом разъясняет, что подал свой голос на основании „директив из центра“. Эти директивы (указания) из „центра“ очень показательны. Откуда они исходят? Конечно, они идут от польских белогвардейцев. Таким образом, уже тогда польские белогвардейцы приложили свою кровавую руку к терзаниям Бессарабии. Они действовали по указке Антанты, которая из-за кулис вдохновляла всю эту авантюру. Польские белогвардейцы и впоследствии в угоду „демократической“ Антанте вели ту же политику помощи угнетателям и насильникам румынам, заключив с Румынией оборонительный и наступательный союз против СССР.

Имея против себя такое внушительное меньшинство в Сфагул-Цэрий, за которым стояло все крестьянство Бессарабии, все рабочие и все национальные меньшинства, румынские политики таким образом достигли очень неполного, половинчатого успеха, но они торопились, и удовольствовались пока этим.

Почему торопились румыны?

Почему же торопились румыны с проведением своей декларации?

И в январе 1918 года, и в феврале, и в марте положение румын в Бессарабии было непрочно даже в чисто военном отношении. Правда, русскую армию они частью разоружили, частью отеснили за Днестр, пользуясь ее развалом с одной стороны и предательством высшего командования (Щербачев), белогвардейцев (ударники) и петлюровцев (гайдамаки, вместе с белогвардейцами из-за угла нападавшие на революционные части, арестовывавшие выборные комитеты и т. д.). Но всетаки

даже отошедшая за Днестр революционная армия была для румын угрозой, особенно потому, что в самой Бессарабии не прекращалось партизанское сопротивление населения и демобилизованных солдат. Румыны отлично видели, что должен настать и скоро настанет момент, когда разложение армии в России остановится и начнется ее оздоровление. Они видели, что в возмущенной их злодейским на-бегом и опасающейся дальнейшего продвижения румын Советской России накапливаются силы и возможности для обороны от румынских попыток перемахнуть через Днестр, — а румыны и такие попытки делали, прицеливаясь к Одессе и т. д., надеясь превратить Бессарабию в тыл, и таким образом упрочить там свое положение. Румыны понимали, что согретая энтузиазмом и негодованием обороны даже со стороны ослабленной воинской силы России может превратиться в контр-наступление, которое очень быстро опрокинет румын и выбросит их из Бессарабии. Румынские правители способны властвовать только над безоружными.

Советская Россия совсем не склонна была считать пустой угрозой свои заявления, сделанные еще в январе в нотах Совета Народных Комиссаров: что если Румыния не прекратит враждебных действий против России и Бессарабии, то против нее будут приняты меры. Советские силы готовились к отпору и принимали меры также в тылу.

В Киеве, например, была обнаружена существовавшая еще с царских времен румынская военная миссия во главе с генералом Коанда. Нужно думать, что миссия эта была очень причастна к согласованным общим действиям румын и петлюровцев против Советской России. Не без ее участия, вероятно, был в свое время отправлен и тот эшелон якобы пленных трансильванских румын из Киева, который сделал первую неудачную попытку предательски овладеть столицей Бессарабии. Когда Советская власть получила возможность распоряжаться

в Киеве, шпионская миссия генерала Коанда была задержана.

В это же время были принятые меры и к очистке Одессы от многочисленных румынских шпионов. Еще с тех времен, когда вся официальная Румыния спасалась в гостеприимных русских городах от наступления своих полурагов, полусоюзников немцев, — в Одессе скопилось много десятков румынских сенаторов и депутатов парламента всяких буржуазных и реакционных партий, много чиновников, военные закупочные комиссии и т. д. Приютившиеся под нашим гостеприимным кровом румынские чиновники обнаглели настолько, что учредили в Одессе собственное охранное отделение. Эта охранка усиленно шпионила и даже захватывала и отправляла на расправу в Румынию спасавшихся в Одессе от румынского произвола и пытавшихся здесь организовываться румынских социалистов. Разнообразные демократические власти в Одессе, знаяшие о существовании румынской охранки, иной раз были бессильны с нею бороться, а иной раз и не хотели ей мешать. Но когда во второй половине января 1918 года, после упорных боев с гайдамаками, рабочие овладели Одессой и провозгласили советскую власть, — органы советской власти не стали уже терпеть ни явных, ни тайных румынских охранников, шпионов и их приспешников. Эта преступная часть румынской колонии была в одну прекрасную ночь арестована.

Румынскому правительству становилось не по себе. И, чтобы обезопасить себя, оно при содействии представителей держав Согласия (Антанты) предложило Советской России повести мирные переговоры. С таким предложением представители держав Согласия, эти цивилизованные посланники и консулы обратились к высшему в то время на юге органу революционной власти, Румчороду, находившемуся в Одессе. Так сокращенно назывался Исполнительный Комитет Румынского фронта, Черноморского побережья и Одесской области, из-

бранный на фронтовом съезде, состоявшемся в декабре 1917 года и затем получивший подтверждение полномочий от высших советских органов. Непосредственно начали эти переговоры английский (канадский) полковник Бойль и французский консул полковник Аркье.

Дипломаты капиталистических стран пользовались всяким случаем для того, чтобы улучшить положение румын и отвратить от них опасность. Они не постыдились пойти на обман, уверяя Советскую Россию в миролюбии. Цель для них оправдывала средства. Любой ценой, — нужно было спасать румынских генералов от будущего разгрома Бессарабии и выручать из-под ареста румынских шпионов. Такое душеспасительное занятие всегда по душе человеколюбивым заправилам Антанты, — недаром ведь недавно и Пуанкаре так великодушно заступился за осужденных киевских шпионов из „Центра Действий“, служившего французскому и польскому штабам и их разведочным отделениям.

Советско-Румынский договор 1918 года.

Словом, Румчерод получил от дипломатов держав Согласия предложение мириться с румынами. Советские республики всегда проявляли миролюбие. Незачем проливать кровь наших и иноzemных рабочих и крестьян, если есть хоть малейшая надежда договориться мирным путем. Разумеется, Румчерод согласился на переговоры. Они затем велись при непосредственном участии находившегося в Одессе представителя высшей коллегии по иностранным делам тов. Раковского. Предложения румын и Румчерода передавались из Одессы в Яссы и обратно при посредстве дипломатических представителей иностранных держав, которые таким образом нравственно принимали на себя обязательство обеспечить проведение в жизнь достигнутого соглашения. Переговоры велись в конце февраля и в начале марта.

Когда достигнутое соглашение было подписано тов. Раковским в Одессе и румынским премьер-министром генералом Авереску в Яссах (24 февраля — 9 марта 1918 г.), европейские и американские дипломаты были очень озабочены тем, чтобы подлинник подписанного договора как можно скорее попал в Одессу к Румчероду (последняя подпись Авереску была сделана в Яссах). Нужно было как можно скорее парализовать всякую возможность военных приготовлений Советских сил против любезной сердцу буржуазных дипломатов Румынии. И потому член канадской (американо-английской) военной миссии подполковник Бойль сел в Яссах в аэроплан испешным порядком отвез документ в Одессу, чтобы вручить его Раковскому. Подписью английского представителя скреплены и документы и протоколы переговоров, подписанные в Одессе.

Этот договор, подписанный румынским премьер-министром Авереску в Яссах 24 февраля (9 марта нового стиля) 1918 г., сводился в основном к следующему: румыны отклонили требование Румчерода о немедленной эвакуации Бендер (крепость на берегу Днестра) и Жэбриен (стратегический пункт в Бессарабии у устья Дуная), но, сохраняя за собою право оставаться в Бендерах до последнего момента, обязались в течение двух месяцев после подписания договора очистить всю Бессарабию от войск оккупационного корпуса. После этого срока они имели право оставить в Бессарабии не более 10 тысяч вооруженных солдат для охраны продовольственных складов и дорог. В течение того времени, пока производится эвакуация Бессарабии и русские власти постепенно занимают освобождаемые румынами места, румынские власти обязуются никоим образом не вмешиваться в внутренние дела Бессарабии и не имеют права производить аресты. Для контроля над арестами и разрешения спорных вопросов должны быть образованы смешанные румыно-русские комис-

сии в самой Бессарабии, в Румынии (Яссы и др.) и в России (Одесса и т. д.). Русские пленные, находящиеся в Румынии, должны быть немедленно обменены на задержанных в России чинов военной миссии генерала Коанда, сенаторов и чиновников, задержанных в Одессе, и т. д.

Таким образом, к концу апреля — началу мая 1918 года, румыны обязались очистить Бессарабию от своих оккупационных войск, и державы Согласия своим деятельным действием переговорам подтвердили это обязательство. Но цель этих переговоров и этого соглашения была вовсе не в том, чтобы освободить Бессарабию, а в том, чтобы избавить румын от опасности и парализовать сопротивление Советской России. Цель эта была хитростью и обманом достигнута, и теперь румынам и их покровителям нужно было придумать средство для того, чтобы уклониться от выполнения подписанного ими договора.

Для этого и был подготовлен трюк с декларацией Статул-Цэрий 27 марта. Ведь, в договоре говорилось, что румынские оккупационные войска должны очистить территорию Молдавской республики, Бессарабии. Но если эта республика „добровольно“ входит в состав Румынии, как ее область, то, — рассуждали хитроумные румынские политики, — тогда на нее уже не распространяется заключенный договор, и договор становится никчемной бумажкой, ни к чему не обязывающей румын. Румыны могут оставаться в Бессарабии, ибо державы Согласия, конечно, признают комедию в кишиневском Статул-Цэрий „законным“ и „добровольным“ выражением воли населения и не станут помогать варварам-большевикам проводить в жизнь договор с Румынией.

Конечно, румынские рассуждения не были бы обязательны для нас, к тому же, тут была грубая подтасовка. В договоре румыны обязались не вмешиваться во внутренние дела Бессарабии, а своей

декларацией в Сфатул-Цэрий они добились при помощи самого грубого вмешательства и насилия. И разумеется, в положенный срок мы стали бы со всеми настойчивостью добиваться выполнения договора. Однако, на этот раз румынам, сначала укрепившимся при помощи своих друзей из Антанты, помогли другие их друзья из противоположного лагеря, — союза Центральных держав. В марте советские силы были вытеснены с Украины немецко-австрийскими войсками, в свою очередь оккупировавшими Украину. Таким образом, мы к сроку выполнения договора об эвакуации Бессарабии не имели возможности воздействовать на румын и наказать их за вероломство. Румын прикрывали немцы. Так немецкие империалисты второй раз приложили руку к насилию над Бессарабией.

„Порядок“ и „спокойствие“.

„Акт“ 27 марта — это только остановка на полдороге. Румынам нужно было идти дальше. Боярская Румыния не могла терпеть в своем составе тело политически-инородное, какую то автономную Бессарабию хотя бы с жалкими остатками если не революционных завоеваний, то революционных мечтаний. Нужно было эту Бессарабию проглотить целиком и окончательно и сделать ее такой же бесправной, как все остальные области Румынии.

Для этого, наряду с установлением румынского режима по всей Бессарабии, проводилась дальше и политическая подготовка новой гнусной комедии.

Режим, установленный румынами в Бессарабии, сводился к „спокойствию“ и „порядку“. Порядок заключался в том, что налетевшие тучей саранчи на Бессарабию голодные румынские чиновники должны были быть сыты, одеты, обуты, да еще с носом в табаке. Для этого было выгнано и обречено на голод множество почтово-телеграфных работников, железнодорожников, учителей, работников.

всех учреждений, не пожелавших безропотно подчиниться румынам, говорить на румынском языке и т. д. Были изданы в громадном количестве всякие стеснительные правила, и на каждом шагу требовалось какое нибудь разрешение, а за каждое разрешение нужно было давать румынским чиновникам взятки. Без взятки и дышать стало невозможно в Бессарабии, а за взятки можно было делать все, что угодно.

Все общественные организации были разогнаны, выборные земские органы и городские самоуправления (городские думы и управы) тоже были разогнаны и заменены назначенными румынскими чиновниками. Ликвидировалось все, что только напоминало Россию, вплоть до вывесок, не говоря уже о русских школах и о русском языке. Но эта насильственная „румынизация“ была не только беспочвенна, что даже и до сих пор, через шесть лет с лишним оккупации, румыны принуждены издавать свои газеты в Бессарабии на русском языке, потому что иначе большая часть населения не понимает даже их приказов.

Ликвидирован был и русский суд, и заведена румынская судебная волокита, еще худшая, чем судебные порядки царской России. Бедному человеку уж не добраться до правды. Кроме того, повсюду были введены военные суды, которые творили кровавую расправу, пользуясь военным и осадным положением.

Но все то, что вытворяли румынские оккупанты в городах, — было лишь забавой, пустяками по сравнению с тем порядком, какой они установили в деревне.

Прежде всего румыны безоговорочно и в полном об'еме восстановили власть помещиков. Помещикам были возвращены все земли, скот, все имущество, взятые прежде крестьянами. За „обиду“ помещикам крестьяне были жестоко наказаны. В частности, расстреляны сотни членов земельных комитетов.

По селам Бессарабии было расквартировано свыше 50.000 румынских солдат, кормившихся за счет населения. Кроме того, в каждой деревне было поселено по несколько румынских жандармов, которые обратили всех крестьян в своих слуг, заставляя и кормить себя до отвала и убирать свое жилье. Они занимали лучшие дома в деревне. Мордобой, взяточничество, эксплуатация крестьян, насилия над женщинами,—вот что творилось во всех деревнях и местечках Бессарабии. По первому требованию любого румынского офицера, жандарма или солдата бессарабский крестьянин должен был безропотно отдавать свой скот и птицу, хлеб, сыр, вино, одежду, белье. Все это целыми возами и обозами вывозилось в Румынию. Каждый офицер считал своим долгом чуть не на всю жизнь обеспечить себя после „службы“ в Бессарабии, и каждый подчиненный следовал примеру своего начальства. Словом, установился порядок бесконечного и безмерного грабежа. В последующие годы, когда часть румынской оккупационной армии демобилизовалась, грабеж несколько сократился, и это называлось уже порядком мирного времени. Но и этот мирный порядок совершенно невыносим.

А „спокойствие“, которого добивались румынские захватчики, заключалось в том, что все мучения, грабеж, издевательства бессарабский крестьянин и рабочий должен был переносить безропотно, покорно. Притом еще требовалось, чтобы они на каждом шагу выражали знаки почтения своим „братьям из-за Прута“, которые „освободили их от русского гнета“ и от „ига диких варваров-большевиков“. Бессарабские крестьяне должны были,—и это было точно сказано в приказах румынских властей,—кланяться и снимать шапки перед румынскими офицерами, жандармами и чиновниками. Для того, чтобы научить их этому вежливому обращению, в некоторых местах румынские офицеры додумались даже до того, что фуражку какогонибудь коменданта, надетую на палку, румынский

солдат торжественно носил по деревне или местечку, и все встречные жители должны были вытягиваться в струнку перед этим символом румынской власти и козырять ей. Так было напр. в м. Единцы.

Малейшее возражение влекло за собой мордой, порку, и если крестьяне были недовольны двумя-тремя жандармами, то к ним присыпали целый карательный отряд, который об'едал и обирал всю деревню, избивал и расстреливал мужчин, насиловал женщин, словом, учил население уму-разуму.

Конечно, крестьянство не переставало думать об избавлении от румын, и тут не было никакой разницы между крестьянами - молдаванами и крестьянами - украинцами, русскими, болгарами и другими. Румынские захватчики в своих речах и прокламациях много говорили о братстве и кровном своем родстве с молдаванами, ради освобождения которых от „чужеземного русского ига“ они якобы и решили притти в Бессарабию. — а на самом деле они для всех без исключения жителей Бессарабии установили одинаково нестерпимый строй жизни, — точно такой же, впрочем, как у себя дома, в старой Румынии.

И даже долготерпения молдавского крестьянина не хватало для того, чтобы вынести румынские порядки. То тут, то там крестьяне избивали, а то и убивали румынских жандармов, офицеров, солдат. То тут, то там вспыхивали восстания отдельных деревень. Но все эти выступления были разрознены, и каждое из них порознь жесточайшим образом подавлялось румынами. Если за оскорблением и избиением какого нибудь жандарма или солдата следовала присылка карательного отряда, громадные штрафы и контрибуции деньгами и натурой, поголовная порка жителей, то в отместку за убийства и попытки восстания учился артиллерийский обстрел деревень, сжигались дома и целые улицы, расстреливалось множество крестьян. Когда нельзя было поймать „виновников“ или назвать кого либо виновником, то без всякого суда расстреливались

или вешались каждый десятый или пятый житель, — в зависимости от фантазии румынского офицера.

И вот в этой обстановке румынские оккупанты подготовляли дальнейшие шаги присоединения „дочери-Бессарабии“ к „матери-Румынии“.

Уничтожение призрака автономии.

На летние и осенние месяцы Сфатул-Цэрий был распущен на каникулы. Неизменная игрушка в руках румын для устройства демократической комедии на потеху буржуазной Европы — отдыхала после праведных трудов. Работали только комиссии, которые вырабатывали „основные законы“ автономной Бессарабии, — аграрный закон (закон о земле), конституцию и т. д. А когда все это было сделано, румынские министры приказали своим лакеям из Сфатул-Цэрий поставить на всем этом крест и забыть о какой бы то ни было автономии.

По приказу румын, была созвана на 25 ноября 1918 года экстренная сессия Сфатул-Цэрий. О созыве ее не было опубликовано. Только в вечерних газетах, вышедших в Кишиневе вечером 25 и помеченных 26-м числом, была на задворках помещена заметка о созыве сессии „парламента“. Повестки же об открытии были разосланы только тем членам Сфатул-Цэрий, которые принадлежали к „правительственной партии“, т. е. сознательно и за определенную мзду служили румынским министрам. На заседание смогли притти только отдельные члены оппозиции и крестьянской фракции, случайно узнавшие о созыве Сфатул-Цэрий. К открытию явилось из числившихся в то время 162 депутатов только 48. По „Положению“ (уставу) самого Сфатул-Цэрий, законный кворум — не меньше трети состава всего Сфатул-Цэрий, то есть 54 человека. Кворума же не было, и всетаки собрание было незаконно открыто и избрало свой президиум, кото-

рый потом уже провел заседания всей сессии „как следует“.

На другой день представители оппозиции и крестьян, собравшиеся в несколько большем числе, заявили протест против незаконного открытия сессии и незаконного избрания президиума, но, разумеется, этот президиум не дал никакого хода их протесту. Несколько часов обсуждался затем аграрный законопроект, и депутаты были очень утомлены. Вечернее заседание началось в 8 часов вечера, и до двух с половиною часов ночи тянулось чтение и обсуждение законопроекта. К этому времени многие депутаты за поздним временем уже разошлись. В половине третьего часа ночи председательствующий Халиппа вдруг, не говоря худого слова, оглашает резолюцию... о желании полного присоединения Бессарабии к Румынии без всяких условий, и уничтожения бессарабской автономии.

В это время в зале было всего только 46 депутатов. Часть депутатов аплодирует, заглушая вопросы председателя „кто за“, „кто против“, „кто воздержался“. Таким образом, никакого голосования не производится, и председатель заявляет:

— Принято единогласно.

Часть депутатов-крестьян, которые еще были при этом, пробует заявить протест против незаконного решения, но им заявляют, что решение уже состоялось. Президиум вызывает по телефону генерального румынского комиссара, генерала Войтояну, который в половине шестого утра оглашает заранее заготовленный королевский декрет о закрытии заседания Сфатул-Цэрий.

Так закончилась комедия. На другой день, за подписями многих депутатов, был подан протест против незаконного решения, и под этим протестом подписались даже такие депутаты, которые прежде сами участвовали в призвании румын и были ру-

мынофилами. Но этот протест не помог. Провокаторы делали свое дело. И, чтобы показать потом Европе, что „отказ от автономии“ был доброволен и выражал желания населения, румынские власти присылают в кишиневские газеты для напечатания кучу заранее заготовленных, якобы полученных от населения из разных мест Бессарабии телеграмм, что население требует соединения с Румынией без всякой автономии. Если даже допустить, что эти телеграммы и подписывались кем нибудь на местах, то нетрудно представить себе, каким запугиванием и насилием были добыты эти подписи при том „порядке“ и „спокойствии“ в бессарабской деревне, о которых рассказано выше.

Так совершился этот возмутительный „акт“, примеров которому в мировой истории найдется не много. И на таком „изъявлении воли“, румынские помещики обосновывают свои „права“ на Бессарабию. А Пуанкаре и Макдональд делают вид, что верят им... Поэтому что эта комедия выгодна и французским, и английским капиталистам.

Восстания в Бессарабии.

Но, конечно, гораздо легче успокоить покладистую демократическую совесть Пуанкаре или Макдональда, чем успокоить население порабощенного края. Измученное, насилием население Бессарабии то и дело восстает против мучителей. Об отдельных случаях убийства жандармов и разрозненных возмущениях мы уже рассказывали. Эти вспышки влекли за собою всегда бесчеловечную расправу, но и самая ужасная месть не в силах до сих пор потушить искры сопротивления. Были в истории Бессарабии за эти тяжелые годы и более широкие выступления против румын в целых волостях и уездах. Румынам не раз приходилось восстанавливать свое господство в „братской“ и „добровольно присоединившейся“ стране правильными военными действиями, с участием кавалерии и артиллерии.

Самым крупным восстанием было восстание населения всего Хотинского и части Сорокского уездов.

Хотинский уезд был занят румынами позже других частей Бессарабии. В то время, как была захвачена ими вся Бессарабия, этот уезд занимали еще австрийские войска. Когда же германские и австрийские армии были разбиты на главных фронтах войны, австрийцы стали уходить из Северной Бессарабии. В течение нескольких дней население уезда было предоставлено самому себе, и тогда экстренно собравшееся уездное земское собрание выразило волю населения, постановив, что уезд желает войти в состав Российской республики. Но осуществить это решение и закрепить его какой нибудь силой население не успело. Как только румынские мародеры почуяли, что нет организованной силы, которая смогла бы им противиться, они ринулись в оставленные австрийскими войсками Хотинский уезд и в соседнюю австрийскую Буковину, и заняли их.

В уезде румыны поспешили завести свои обычные порядки. Чтобы дать о них представление, стоит привести один из многочисленных примеров. Жители села Диноуц не угодили чем то румынским властям, и туда был послан карательный отряд. Офицер, командовавший отрядом, по ошибке попал в другое село, с похожим названием, — Данкоуцы. Немедленно по прибытии туда он собрал сход, и не обяснившись даже с селянами, выпорол розгами 85 человек. Только после этого он спросил крестьян, согласны ли они выполнить приказ румынских властей, от выполнения которого будто бы отказались. Тут выяснилось, что никакого приказа в Данкоуцах не получалось и ни от чего крестьяне не отказывались. Румынский офицер поспешил исправить ошибку, поскакал в „пронинившиеся“ Диноуцы и там выпорол уже 285 человек. Так наводился порядок на каждом шагу.

Не видя ни откуда себе помощи, население вскоре восстало против таких расправ и непрерывных грабежей. В первых числах января 1919 г. восстание вспыхнуло в районе станции железной дороги Окница, местечка Атаки, Сорокского уезда и Секурян. Повстанцы с боем прогнали оттуда румын. В ночь с 9 на 10 января партизанский отряд попытался возле Хотина занять мост через Днестр, чтобы переправить в Бессарабию с Подольского берега собранное и купленное у подольских крестьян оружие. Румыны попытались артиллерийским огнем отбить повстанцев.. Орудийная пальба послужила сигналом для всего населения уезда, и оно массами, вооружившись чем попало, кто с ружьем, а кто просто с топором и косой, бросилось драться с румынами. Сопротивлявшиеся румынские солдаты были убиты, а бросившие оружие взяты в плен. На рассвете 10 января Хотин и окружающие его села были в руках повстанцев. Сюда стали затем стекаться представители всех волостей с сообщениями, что и у них началось восстание, что румыны прогнаны, но нужно оружие и нужна организация для того, чтобы закрепить успехи восстания. Приводились целые отряды пленных румын. Население единодушно помогало повстанцам.

Отступающие румыны, по приказу своих офицеров, зверски расправлялись с населением там, где оно, безоружное, не могло оказать им сопротивления.

На одной из дорог Хотинского уезда повстанцы остановили автомобиль, в котором были офицеры в неизвестной повстанцам форме. Офицеры назвали себя представителями английской военной миссии из Бухареста, обезжающими Бессарабию в целях ознакомления с положением края. Повстанческий патруль доставил офицеров в Хотин, где их личность была установлена и тогда англичанам была предоставлена полная свобода передвижения. Вместе с комиссией земства, они отправились, между про-

шим, в село Недобоуцы, и там увидели много сожжённых проходившими через деревню румынами домов и изуродованные румынскими грабителями трупы 53 женщин, стариков и детей, застреленных и зарубленных. С трупов англичанами были, говорят, сняты фотографии, а о насилиях румын составлен официальный акт, подписанный также представителем Англии, лейтенантом британского флота Макляреном. Подлинник этого акта и фотографии, вероятно, и до сих пор хранятся в архивах английского правительства. „Рабочий министр“ Макдональд мог бы их показать английским рабочим при приезде в Лондон румынского короля, во славу которого были заколоты хотинские крестьяне. Но Макдональд не станет портить настроение своему высокому коронованному гостю...

Первые несколько дней повстанцы успешно держались против румын. Но затем к румынам прибыли большие подкрепления, а у повстанцев не было ни достаточно оружия, ни организации, ни опытных руководителей, которые смогли бы организовать их военные силы под румынским огнем. Вскоре поэтому стихийное восстание стало терпеть неудачи. Повстанцам пришлось отступать, силы их стали таять. Правда, они сопротивлялись упорно. Победы над повстанцами дорого стоили румынам. И у них было много убитых, в том числе генерал Поэташ. Но постепенно они одолевали плохо вооруженных, не имевших артиллерии, не имевших единого руководства и плана восставших крестьян. После упорного сопротивления, остаткам повстанцев пришлось оставить Хотин, отступить за Днестр, в Подолию, и 20 января, через 10 дней после занятия Хотина повстанцами и через две недели после начала восстания, центральный город уезда был снова в руках угнетателей.

Вот несколько примеров румынской расправы после восстания. В селе Долинянах, навстречу победившим румынам, напуганные крестьяне вышли

крестным ходом во главе со священником и для из'явления покорности. Румынские солдаты шашками зарубили священника Даниила Крокоса и открыли стрельбу по покорным крестьянам. Около села Шероуц румынский раз'езд обнаружил в лесу укрывшихся в доме лесника 60 женщин и детей,— окружили дом и сожгли его и вместе с ним живьем сожгли всех, бывших в нем. Множество сел разорили и сожгли до тла. В селе Недобоуцы сожгли свыше 500 домов, в селе Рукшине 300 домов, и так далее. Во многих домах живьем сожжены люди. 21 января, после занятия Хотина, румынский комендант созвал жителей на площадь для об'явления какого то приказа. Собралось 500 человек, и они были окружены солдатами и расстреляны из пулеметов. В селе Недобоуцах расстреляно около 200 стариков, в Рукшине тоже 200, и то же самое в ряде других сел. Убитых румыны хоронить не позволяли, заявляя:

— Пусть их едят собаки.

В своих официальных сообщениях еще о военных действиях против повстанцев румынские генералы сообщали, что убито в боях 5.000 повстанцев. Сколько перебито после восстания, сколько было потом расстреляно в одиночку, сколько убито по приговорам военно-полевых судов, сколько замучено в тюрьмах и сколько мучается в них до сих пор,— об этом румыны молчат и этого никто не считал...

Во время Хотинского восстания и после него бежало из Хотинского и Сорокского уездов на подольский берег Днестра, в Украину, не меньше 50.000 крестьян.

И несмотря на эту кошмарную расправу, в том-же Хотинском уезде были через два года снова очень напугавшие румынских генералов попытки восстания. Были попытки восстания потом и в других местах, но нигде не могли принять таких же широких размеров, потому что население обескровлено и обезо-

руженю. Были повстанческие выступления в Хотинском уезде и в начале лета 1924 года.

300.000 беженцев.

Нужно ли ко всему этому добавлять, что по всей Бессарабии, все эти шесть лет румынские жандармы и охранка изо всех сил борются с коммунистами, — ведь за то и покровительствует Румынии Пуанкаре, что она создает барьер против большевизма. Румынские тюремные застенки и „сигуранца“ (так у них называется охранка) заполняются десятками и сотнями арестованных по подозрению в комунизме, большевизме. Бессудные расстрелы, убийства „при попытке к побегу“ — повседневные явления. К этому добавляется насилиственная мобилизация в румынскую армию, в которую бессарабцы идут очень неохотно, несмотря на то, что даже в своих мобилизационных об‘явлениях румыны соблазняют новобранцев веселою жизнью, песнями, хороводами и даже... об‘ятиями румынских девушек.

Кто только может, — бежит из Бессарабии. Но немногим удается бежать через границы, через реки, от бесчисленных шпионов. И всетаки, в пределах СССР в настоящее время насчитывается свыше 200.000 беженцев, крестьян и рабочих (буржуазия не очень бежит, ей всетаки живется не плохо). А еще очень много беженцев из Бессарабии находится в Австрии, в Чехо-Словакии, Юго-Славии и так далее. Можно считать — не меньше 300.000 человек бежало из Бессарабии в эти годы и бегство еще продолжается. Беженцы, значит составляют больше 10% населения. Каждый восьмой житель бежит без оглядки от хорошей жизни...

Все эти беженцы во время венской, русско-румынской конференции открыто заявили о терзаниях, перенесенных населением Бессарабии, и засвидетельствовали его истинную волю, — освободиться от румын и войти в состав союза советских

республик свободной равноправной единицей. Это заявили беженцы, находящиеся и в СССР и в Европейских странах. Они прислали в Вену специальные делегации.

Но не только вне Бессарабии выражалась эта воля. Выражалась она и в самой Бессарабии. Достаточно сказать, что во время конференции в Вене, на седьмом году „мирной оккупации“, румынским властям пришлось прибегать к самым жестоким мерам осадного положения, чтобы поддержать спокойствие в Бессарабии. Вот несколько фактов, — не считая обычных закрытий даже подневольных газет, недопущения собраний и т. д.

Бессарабия в дни Венской конференции.

В первые же дни венской конференции в Бессарабские тюрьмы было вновь брошено около 500 человек по обвинению в „заговоре“ в пользу советской власти. Кроме того, в Хотинском уезде арестовано 400 украинцев по обвинению в намерении присоединиться к Украинской советской республике. Избранные населением в качестве ходоков в румынский парламент, Богачек и Чорбан, которым было поручено просить, — только просить... — о смягчении режима, арестованы и им грозит расстрел за „государственную измену“, что ли... Осадное положение румыны об'явили не только в Бессарабии, но даже в Черновицах (Буковина), Яссах и в самой своей столице Бухаресте. Всюду были закрыты профсоюзы. Румыны изо всех сил старались придать внушительность и „всенародность“ организованному ими 9 апреля в Бессарабии „празднику единения“ в честь „добровольного воссоединения Бессарабии с матерью-Румынией“ —, но ни оппозиция, ни национальные меньшинства в праздновании не участвовали, да и остальное население приходилось силой заставлять „радоваться“.

Правда было и кое что отрадное румынскому помещичьему сердцу. Как раз во время венской

конференции, когда сердца крестьянского и рабочего населения окрылились надеждой на свободу,—бессарабские крупные помещики снова оказались поддержкой румын. Они организовали новое общество землевладельцев, которое поставило себе задачей помогать румынским властям и ассигновало большие деньги для поддержки „сигуранцы“ (охранки), т. е. для борьбы с революционным движением. Это общество помещиков отправило в Бухарест особую делегацию с просьбой к румынскому правительству,—охранять помещичьи земли, и с заверением, что помещики добиваются оставления Бессарабии за Румынией. Ничего неожиданного в этом нет. Те же самые помещики, во главе с членами царской государственной думы, принадлежавшими самым правым патриотическим партиям, звали румын в Бессарабию для спасения своих земель еще в 1917 году, приветствовали их приход в 1918 году. „Спасение“ помещичьих земель и было началом и поводом вторжения румынских войск в Бессарабию. Земли эти в значительной части заложены во французских банках,—значит благополучие французских банков тесно связано с благополучием бессарабских помещиков. Вот еще один „секрет“ того усердия, с каким Пуанкаре и французские капиталисты поддерживали оккупацию Бессарабии румынами. Кто другой обеспечит им аккуратное поступление процентов по ссудам?

Бессарабские помещики выражают свою усердную преданность ссужающим их деньгами французским банкам и бухарестским приказчикам французских банкиров. Но зато в эти же дни венской конференции мы узнаем и о фактах совсем другого порядка. Вот один из них. В местечке Раманацо происходили дополнительные выборы в румынский парламент. На громадном большинстве поданных избирательных бюллетеней не было обозначено имен кандидатов, но было зато написано:

За рабоче-крестьянское правительство.

В прошлом, 1923 году румынскому правительству пришлось разрешить организацию профессиональных союзов в Бессарабии. Но каждая попытка союзов начать организационную работу или повести борьбу за повышение заработка и платы влечет за собою аресты, пытки в „сигуранце“ и судебные процессы. Союзы не имеют права созывать собрания и даже устраивать доклады и лекции. В помещение союза не допускаются сразу более трех человек. За „скопление“ — военный суд.

Тоже самое по всем захваченным областям и в самой старой Румынии. В самое последнее время издан исключительный закон против коммунистов и революционных рабочих организаций. Спасет ли это власть? Наоборот, даже в старой Румынии такие меры все больше отталкивают в ряды революции тех рабочих, которые еще шли за румынскими соглашателями.

И все чаще в старой Румынии крестьянские волнения. В мае нынешнего года близ города Крайова крестьяне захватили имения помещиков. Жандармы подавили восстание, арестовав 15 крестьян. Возле города Компино в селе Бробу в стычке между крестьянами и воинским отрядом убито двое солдат и трое тяжело ранено. В округе Романат крестьяне сами занялись проведением аграрной реформы. Помещичьи земли, которые даже по решениям аграрных комиссий должны уже были отойти к крестьянам, благодаря взяткам все еще оставались в руках помещиков. Тогда крестьяне сами предприняли раздел земли. Помещики вызвали войска, произошло столкновение, много раненых и убитых, в том числе убито три солдата и много солдат ранено. Крестьяне научаются отбиваться от помещиков и их слуг. Вести об этом все чаще идут из Румынии.

И все чаще раздается в Румынии и захваченных ею областях клич:

За рабоче-крестьянское правительство Румынии.

Удержится-ли Румыния в Бессарабии?

В состоянии ли Румыния удержать Бессарабию в своих руках?

Это основной вопрос, в котором нам необходимо разобраться.

Удерживать в своих руках Бессарабию Румыния может двумя путями: либо путем естественным, либо путем насильтвенным. Чтобы удержать ее в своем составе естественно, Румыния необходимо было бы с одной стороны иметь за себя волю населения, с другой — экономически, хозяйственно привязать к себе этот край. Чтобы удержать насильтвенно — Румыния должна опираться на собственную военную силу и на политическое и военное содействие других держав, если собственной силы недостаточно. Рассмотрим по порядку все эти условия, которыми определяются дальнейшие судьбы Бессарабии.

Возможности хозяйственные.

Какова была воля населения перед вторжением румын и в первые годы оккупации — мы уже хорошо знаем. Эта воля была единодушна и была она решительно направлена против румынского владычества. Уже одно то, что на седьмой год своей власти в крае, якобы „добровольно“ присоединившемся, румыны принуждены устрашать население тюрьмами, пулеметами и пушками — ярко свидетельствует о том, что за годы своего управления румынским помешникам нисколько не удалось изме-

нить эту волю населения. Она по прежнему против угнетателей. Единственное исключение—это желания бессарабских помещиков и той кучки продажных негодяев, которая под шум мировой войны предала Бессарабию в руки палачей, соблазнившись румынским золотом, сытной службой, чинами и „почестями“.

У румынской власти была бы еще некоторая надежда с течением времени сломить или перевоспитать эту волю населения, если бы Румыния могла экономически овладеть Бессарабией, спаять ее с собою и хозяйственном ее возродить. Тогда можно было бы рассчитывать на то, что изменение экономических условий жизни Бессарабии постепенно изменит и ее бытовой и культурный уклад, перестроит настроения и направит в иную сторону желания ее населения. Способна ли Румыния на такое хозяйственное перерождение и возрождение Бессарабии? На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ.

В одной из предыдущих глав нашей книги мы уже указывали на крепкую хозяйственную связь Бессарабии с Россией, на экономическое тяготение ее к Украине, на стремление ее к выходу на мировой рынок через черноморские ворота СССР, через одесский порт. За шесть с лишним лет румыны оказались бессильны чем либо заменить, заместить это хозяйственное тяготение Бессарабии к России, к СССР. Нарушение товарообмена и хозяйственных связей Бессарабии с СССР нанесло тягчайшие удары хозяйству края. Это нарушение вызвало экономический застой и затяжной кризис в промышленной, сельско-хозяйственной и торговой жизни. За годы своего владычества, несмотря на отсутствие какой нибудь блокады или враждебного окружения, да еще при поддержке иноземного капитала, Румыния не смогла положить начало хозяйственному возрождению Бессарабии. А ведь это сумели сделать у себя мы в СССР, несмотря на самую тяжелую обстановку внутренней и внешней

войны, блокады, голода, и т. д. Больше того, Румыния не смогла даже удержать хозяйственную жизнь Бессарабии на прежнем уровне, и хозяйство Бессарабии все больше хиреет. Создается такое хозяйственное положение края, выхода из которого Румыния никоим образом найти не может и не сможет.

Бессарабия — в основе до настоящего времени страна земледельческая, со слабо развитой промышленностью. Румыния могла бы экономически этим краем овладеть, если бы сама была страной индустриальной, промышленной. На самом же деле и Румыния до сих пор страна тоже главным образом земледельческая. Правда у нее есть некоторые задатки промышленного развития, у нее есть такое громадное богатство мирового значения, как нефтяные источники. Но и при всех этих данных Румыния до сих пор не в состоянии ни сама сделаться страной промышленной, ни развить промышленность в захваченных ею областях. Это относится не только к Бессарабии, но ко всем другим захваченным областям. Там румынское владычество тоже не улучшает, а ухудшает хозяйственную жизнь

Остановимся несколько подробнее на обрисовке главнейших черт хозяйства Румынии.

Нефть

Промышленность Румынии до ее вступления в войну насчитывала в 1915 г. всего 1.149 предприятий. Сила двигателей (моторов) во всех этих предприятиях вместе достигала лишь 118.700 лошадиных сил. Основной капитал промышленности был 805 миллионов лей (румынская лея приблизительно равна была франку), ценность производимых предметов не превышала 547 миллионов лей. Рабочих, занятых в этой промышленности, числилось около 59.000. Таким образом в промышленном отношении Румыния до войны была величиной незначительной.

Главный козырь Румынии нефть. Нефтяные источники в Румынии находятся в долинах рек Прахова, Домбовица, Бузео и Бакау. До войны Румыния по количеству добываемой нефти занимала четвертое место в мире (первое место принадлежало Соединенным Штатам Северной Америки, второе — Мексике, третье — России). Добыто было нефти в 1913 г. 1.885 тысяч тонн, в 1914 г. 1.784.000 тонн. Как только Румыния ввязалась в войну, весь ее нефтяной район захватили немцы. При отступлении и при дальнейших военных действиях значительная часть сооружений была разрушена. В 1917 г. румыны смогли добыть только 517.000 тонн, в 1918 г. снова повысили добычу до двух третей довоенной, — получили 1.214.000 тонн. Но затем в 1919 г. добыча снова достигает только половины довоенной, — 920.000 тонн. В следующие годы она несколько повышается.

Незначительная румынская промышленность и нищее в массе население Румынии, конечно, были не в состоянии потребить то количество нефти, которое добывалось. Большая часть добываемой нефти поэтому вывозилась за границу, — вывозилось до 55% добычи. Вывоз шел через порты Браилов, Журжево на Дунае и главным образом через Констанцу (на Черном море). Порт в Констанце специально оборудован технически для массового вывоза нефти.

Румынскую нефть покупают главным образом: Англия — 22,4%, Франция — 14,6%, Германия — 12,1%, Египет — 11,7%, Италия 11,4%.

Нефть, сказали мы, козырь Румынии. Но это и ее слабое место. Нефть приманка для всех сильных государств. Нефть — одна из причин мирового раздора между капиталистами. Их хищные руки тянутся и к нашему Баку, и к нефтяным источникам в Персии и Турции (Моссул). Ради нефти сильные государства стремятся подчинить себе и Румынию, иметь ее в качестве игрушки в своих руках. Румыния сама бессильна самостоятельно организовать свое нефтяное хозяйство, занять са-

мостоятельное положение на мировом нефтяном рынке. Для этого у нее нет ни капиталов, ни технического оборудования, ни вообще умения хозяйствовать, она все еще слишком помещичья и чиновничья страна. И поэтому даже основное ее промышленное богатство нефть всегда оказывается в руках иностранного капитала, иностранных акционерных обществ и банков. До мировой войны румынская нефтяная промышленность была в руках главным образом германского капитала. После войны место германского капитала заняли капитал французский, английский и американский.

И сейчас, когда Румыния для упрочения своей позиции в Бессарабском вопросе старается добиться большего благоволения сильных держав, те прежде всего ставят вопрос о своем участии в эксплуатации нефтяных богатств Румынии. Когда Румыния, бессильная справиться с хозяйственным кризисом без крупных внешних займов, просит Францию или Англию ссудить денег, — те снова ставят условием обеспечение долга нефтяными концессиями и участием в разработке нефти. И Румыния как прежде, так и теперь принуждена идти на уступки и чем дальше, тем больше и глубже залезать в нефтяную кабалу к более сильным хищникам.

Попытки крупного румынского торгового и финансового капитала отстоять остатки своей самостоятельности ни к чему не приводят. В конце концов дело сводится к тому, что румынское правительство больше запрашивает с больших государств и ожесточенное торгуется с ними из-за займов, предлагая взамен отказ от неудобных для иностранного капитала ограничений.

Интересы местного крупного капитала представляет национально-либеральная партия в Румынии. В прошлом году эта партия добилась проведения закона о „национализации недр земли“. Экономическая программа либеральной партии, — на словах, — „собственными силами“ обойтись в хо-

зяйстве. В связи с законом о национализации нефти, французские капиталисты отказались в прошлом году предоставить Румынии заем. „Мешаешь нам брать концессии на нефть — сиди без денег“,—говорят они Румынии. Но внешние займы нужны боярской Румынии, как воздух. Она держится только насилием, ей нужно постоянно брать оружием, нужны деньги на армию и на снаряжение, и на содержание тучи чиновничьей саранчи, а денег нет. Отсутствие денег — угроза „величию“ Румынии, и во время Венской конференции усиленно ведутся переговоры о займах, а после Венской конференции румынский король и королева путешествуют по Европе в поисках все тех же займов. Однако денег никто не дает.

А пока, из за нефти, у Румынии возникает новый конфликт — уже с Америкой. Чтобы попугать иностранцев своей якобы неприступностью в нефтяном вопросе, и чтобы таким образом запросить побольше в переговорах, румынское правительство готовит новый законопроект об эксплоатации румынской нефти. Этот законопроект предусматривает обязательное участие румынского капитала во всех иностранных акционерных обществах по добыванию и очистке нефти, включая и „Стандард Ойль“, американскую компанию. Румынский капитал должен иметь в этих предприятиях не менее 60% всех акций. Этот законопроект вызвал протесты со стороны представителей иностранного капитала в Румынии. Американский посол, а за ним и другие, официально заявили протесты румынскому правительству.

В своей ноте американский посол в Бухаресте указывает, что в предприятия по эксплоатации румынской нефти вложен капитал свыше 150 миллионов долларов. Чисто румынские капиталы никак не могут покрыть 60% этой суммы. Таким образом, проведение в жизнь законопроекта сведется, на практике, к конфискации американского капитала. Дело в том, что законопроект запрещает эксплоати-

ровать новые нефтяные источники иностранным компаниям, в которых румынский капитал не участвует в указанных размерах. Следовательно, чтобы продолжать работу, „Стандарт Ойль“ и другим компаниям придется продать румынским промышленникам 60% своего запаса акций по цене, какую тем заблагорассудится предложить.

Кто же победит в нефтяном споре? Можно не сомневаться в том, что победителями окажутся американские, французские, английские капиталисты. Нефтяной законопроект сыграет свою роль в переговорах о займах, но света не увидит. Положение румынских финансов слишком катастрофическое, чтобы Румыния могла долго капризничать. Промышленный и финансовый кризис в Румынии обостряется с каждым днем. Внутренний кризис, с одной стороны, неудачи в переговорах о внешних займах, с другой, повели, например, в конце мая нынешнего года к резкому падению курса румынской леи. За одну неделю курс леи упал на 20 процентов. Доллар поднялся за неделю с 200 до 235 лей, а фунт стерлингов— с 850 до 1.035 лей. Отмечается массовое банкротство промышленников, особенно в Семиградье. Румынская торгово-промышленная газета „Аргус“ с тревогой подчеркивает значительное уменьшение румынской внешней торговли и значительный пассив в румынском бюджете, то есть попросту говоря, убыток. Крупный внешний заем становится при таких обстоятельствах все более насущной жизненной необходимостью для Румынии, в этом ее единственное спасение, вернее—отсрочка гибели и распада. И конечно, румынскому правительству придется пойти на серьезнейшие уступки в важнейшем из экономических вопросов румынской промышленности, в вопросе нефтяном. Окончательная нефтяная кабала для буржуазной Румынии неизбежна, и это, несомненно, вопрос ближайшего будущего.

А нефть, как уже указано, единственный пока промышленный козырь Румынии. Больше ей опираться не на что. Она не имеет даже достаточно значительной самостоятельной военной промышленности, и боевые припасы принуждена получать главным образом от других государств,—Франции, Чехо-Словакии, Австрии и т. д. К тому же, недавно (29 мая) в Румынии произошла катастрофа,—взорвался пороховой завод в Бухаресте, погибли пиротехнические мастерские, уничтожены десятки тысяч привозных снарядов. Много жертв. Но и без этой катастрофы—положение Румынии в смысле военной промышленности незавидное, и она целиком в зависимости от своих сильных союзников¹⁾. То же самое, например, и с оборудованием транспорта. Собственными си-

¹⁾ Вот подробности этого взрыва (см. телеграммы Роста из Вены в московских газетах от 3 июня 1924 г.):

„Взрыв в предместье Бухареста называется бухарестскими газетами величайшим национальным несчастьем. Колossalные ценности уничтожены, большая часть военных припасов погублена, и новое приобретение их, в виду неблагоприятного финансового состояния страны, невозможно.

О взрыве сообщаются следующие подробности: огонь начался в 11^{1/2} час. дня на дворе центрального склада военных припасов, и в течение 1/4 часа перекинулся на близлежащие магазины, где хранились боевые припасы для пехоты. Взрывы следовали беспрерывно, так что пожарные части и войска были бессильны что-либо предпринять. Вскоре огонь охватил также артиллерийские припасы, помещавшиеся в магазинах, вследствие чего взрывы становились все более огромными. Многочисленные снаряды были отброшены взрывом в близлежащие улицы деревень, население которых в панике разбежалось. Более 10 тысяч человек в панике бросились в безопасные части города, при чем во время паники происходили самые трагические сцены. Одновременно были эвакуированы близлежащие казармы и другие военные учреждения.

Катастрофа достигла своего апогея в 4 часа дня, когда пламя перекинулось на склады, наполненные снарядами к гаубицам Скода. Начали раздаваться страшные взрывы, разносившиеся по всему городу и причинившие повреждения даже в центре города. Около 6 час. взрывы стали слышаться реже, но пожар бушевал и распространялся на материальные склады. Приблизительно в 9 часов вечера снова послышались взрывы, которые кончились только к 11 час., пока не взлетели на воздух все военные припасы и взрывчатые вещества, находившиеся во всех складах. Казармы и склады продолжали гореть.

лами Румыния не в состоянии даже ремонтировать сколько нибудь значительную долю своего большого подвижного состава железных дорог.

Другие отрасли промышленности в Румынии развиты в ничтожной степени. В старой Румынии было, например, 11 сахарных заводов, которые давали 30—33 тысячи килограмм сахара в год, т. е. около 2.000 пудов. Было 6 маслобойных заводов в Бухаресте, которые давали до 22 вагонов масла, а по мелким городкам были мелкие масло-

---

Среди городского населения все время наблюдалась страшная паника: вокзалы брались штурмом, а состоятельные лица бежали из города на автомобилях. Об'ем причиненных убытков до сих пор точно не установлен. В складах военных припасов взлетело на воздух 40 миллионов снарядов, 86 тысяч снарядов германского, австрийского и турецкого производства калибра 210, 280, 150, 78 и 75 миллиметров. Кроме того, уничтожено колоссальное количество динамита и красита. Главное монтировочное депо с 14-ю магазинами и главный провиантский магазин румынской армии также совершенно уничтожены. На дворе монтировочного депо сгорело 150 лишь на-днях прибывших из Франции вагонов с военными мундирами. На дворе пиротехнического склада уничтожено три вагона чешских артиллерийских снарядов и 25 вагонов чешских винтовок.

Бухарестские газеты сообщают, что от гибели провиантского депо сильно пострадает снабжение бухарестского и провинциальных гарнизонов. Военное министерство постановило принять немедленные меры по снабжению войск. Казармы стрелков, технического, железнодорожного, а также пограничного полков сгорели. Кадетская школа сильно пострадала. Близлежащая деревня Сатульну выгорела до-тла.

Премьер-министр Братиану, военный министр Мардареску, интендант армии Луческу и руководитель пиротехнического склада полковник Ливезиану докладывали королю о размерах причиненных убытков.

О причинах взрыва циркулируют три версии: первая — что пожар начался от искры проходившего мимо паровоза, вторая — от самовозгорания взрывчатых веществ, и третья, покушение. Особенно последняя версия, которая указывает, разумеется, «на участие в этом деле большевиков», находит веру среди охваченного паникой населения. До сих пор произведено 6 арестов, при чем арестовано трое военных и один иностранец, имя которого замалчивается. Следует отметить также, что нет недостатка в голосах, указывающих на ту возможность, что взрыв вызван известными кругами военного управления, которые, как и ныне при помоцца Туртукайской катастрофы во время войны, стремились скрыть злоупотребления при поставке военных припасов.

бойки крестьянского типа. Кроме того, ряд подобных предприятий.

Захват территорий во время войны дал в руки Румынии ряд новых естественных богатств, но справиться с ними Румыния не в состоянии.

Так, в отнятой у Австрии Трансильвании и в Банате Румыния получила в свои руки довольно сильно развитую металлургическую промышленность и текстильную. Получила она и залежи бурого и каменного угля, и соляные копи в Прикарпатском районе. Но для успешности румынского хозяйстванья характерно, что например

Общественное мнение оппозиционных кругов высказывает резкое возмущение против правительства Братиславы и воинского управления, которые сгруппировали разные военные учреждения в одном месте вблизи Бухареста. Оппозиция требует производства парламентского следствия, установления размеров убытков и наказания виновных. Бухарестские газеты называют катастрофу сильным подрывом оборонительной мощи страны, равным проигранной войне.

Газета „Лупта“ считает, что 40 проц. вооружений румынской армии уничтожено совершенно. „Аурора“ заявляет, что убытки, достигающие несколько миллиардов лей, превышают сумму тех кредитов, которых добивалась Румыния за границей. Склад военных припасов, а также находящиеся близ места взрыва казармы исчезли совершенно с лица земли, и теперь на этом месте зияют колоссальные воронки. Число человеческих жертв до сих пор не установлено. Официальное сообщение дает явно преуменьшенное число лиц, до сих пор погребенных, а именно — 4 убитых. Раненых насчитывается 20 человек. Румынское правительство старается в своем официальном сообщении ослабить страшное впечатление, произведенное катастрофой, заявляя, что уничтоженный склад военных припасов является одним из армейских складов; поэтому потеря его хотя и имеет серьезное значение, но во всяком случае, не может быть названа катастрофой.

Все газеты опубликовывают, кроме того, призывы к населению, предостерегая его от паники и указывая, что главная опасность прошла, и дальнейших взрывов опасаться нечего. Тем не менее опасения продолжаются в том смысле, что огонь может перекинуться на находящийся в полутора километрах подземный главный склад взрывчатых веществ, взрыв которого может быть еще ужаснее. Военные власти опубликовали распоряжение, в силу которого за распространение тревожных слухов виновные будут подвергаться строгой каре.

По сведениям английских газет, убытки достигают четырех миллионов фунтов стерлингов.

в Трансильвании, где в 1918 году, до захвата румынами, было произведено 170.000 тонн металлических изделий — румыны в 1920 году смогли добиться выпуска только 20.000 тонн, т. е. в девять раз меньше.

В старой Румынии, в Трансильвании, в Бессарабии всюду мы видим одну и ту же картину. Совершенно понятно, что при такой способности налаживать свое хозяйство, Румыния не в состоянии дать и не желает давать своим рабочим хотя бы малейшие обеспечивающие человеческие условия существования. Для примера можно указать, что в государственных рудниках в Семиградии рабочие и сейчас еще работают 16 часов в сутки, хотя Румыния и подписала постановление международного Бюро Труда о 8-ми часовой работе. Тяжелое положение рабочих в Румынии, на ряду с их политическим бесправием и полицейскими преследованиями, создает почву для революционного рабочего движения. Революционные рабочие неоднократно ставят своими выступлениями, забастовками, демонстрациями и борьбой с полицией и войсками — в самое тяжелое положение власть румынских помещиков. Ниже мы еще будем говорить о рабочем движении в Румынии.

Транспортная разруха.

В вопросах экономических возможностей любой страны громадную роль играет вопрос о транспорте и путях сообщения, в частности и в особенности вопрос о железных дорогах. В этом вопросе, как и во всех других отраслях хозяйственного строительства, тоже оказывается бессилене помещичье — капиталистической Румынии создать здоровое хозяйство и путем здорового хозяйственного развития естественно привязать к себе захваченные области.

В старой Румынии было проложено железных дорог протяжением в 4.000 километров. На каждые

100 квадратных километров площади страны приходилось 2,8 километра железнодорожной колеи. Захват Бессарабии, Трансильвании и др. довел теперь общее протяжение железных дорог в подчиненных румынскому кулаку землях, вместе со старой Румынией, до 11.500 километров. На каждые 100 квадратных километров площади приходится уже 3,6 километра железной дороги. Казалось бы, положение улучшилось. На самом же деле румыны не в состоянии справиться с этой сетью железных дорог, они не могут как следует обслужить их подвижным составом, и не в состоянии произвести тех перестроек, которые нужны для того, чтобы создать единую железнодорожную сеть.

Захваченные румынами области резко отличаются от старой Румынии во многих отношениях, — и в отношении экономического устройства, и в отношении культурного уровня, и национального состава. Одно из хозяйственных различий — различие в устройстве железных дорог, в характере подвижного состава, даже в ширине колеи. В результате и до сих пор нет единой железнодорожной сети в „Великой Румынии“, как ее именуют помещики, а есть три звена, три отдельных сети, которые между собою с трудом поддерживают связь.

Награбили румыны железнодорожного имущества достаточно. В частности, у нас они ограбили, помимо железнодорожных линий в Бессарабии, 433 паровоза и 7.146 вагонов, захваченных ими в Бессарабии, в прифронтовой полосе.

До войны, в 1914 году, румыны имели на своих дорогах 660 паровозов. Через несколько лет после захвата чужих земель, у них оказывается уже 1.653 паровоза, то есть прибавилось 1.000 паровозов (половина этой прибавки отобрана у нас). Но в 1921 году три четверти этих паровозов разрушены или больны, и при своем техническом оборудовании Румыния не в состоянии у себя ремонтировать их, ей приходится отдавать ремонт

за границу. Так же скверно обстоит дело и с вагонами. Румыния в 1921 г. имеет 39.500 вагонов, из них 25.000, т. е. большинство половины, больных. Дорожная разруха продолжается...

Внешняя торговля Румынии.

Наряду с состоянием производства в каждой стране— ее хозяйственний вес, экономическое значение государства, его роль в хозяйстве всего мира в значительной мере определяются также его внешней торговлей. Положение в внешней торговли Румынии до войны было таково. Она ввозила к себе ткани, металлические и кожаные изделия, стекло,— при этом указанные только что предметы ввоза составляли 70% всего ввоза в Румынию (из них одни только текстильные изделия составляли 40% всего ввоза). Вывозила Румыния хлеб, нефть и соль. При этом хлеб составлял три четверти всего вывоза страны.

До войны товары ввозились в Румынию главным образом из Германии и Австрии (57% ввоза). Ввоз товаров из России составлял всего 3,2% ввоза. В вывозе же Румыния была связана главным образом с Болгарией, куда шло 48% румынского вывоза. Вывоз в Россию составлял всего 1,7% всего румынского вывоза.

После мировой войны Германию и Австрию, прежде владевшие румынским рынком (как мы видели — на 57%) заменили в значительной мере государства Антанты. Но на ряду с этим, после войны обнаружилось падение вывоза из Румынии и увеличение ввоза. Расстроенное в конец войны хозяйство Румынии попадает в усиленную зависимость от других государств.

Но вообще в мировой торговле роль Румынии очень незначительна. Именно, в мировой торговле приходится, в процентах, на долю:

Англии .	. 16,2%
Германии	. 12,6%
Соединенных Штатов .	9,6%
Франции	8,8%
России	3,4%
Румынии	0,6%

Так было до войны. Война изменила соотношения процентов между основными государствами,— ибо война была главным образом войной за долю участия „командующих“ государств в мировом хозяйстве. Англия, Франция, Штаты Америки оторвали значительную долю от Германии и поделили ее между собою,—впрочем, из за этого дележа они и до сих пор еще скалят друг против друга клыки. Но для Румынии положение с ее половиною процента в мировой торговле нисколько не изменилось. Уже одно это говорит о том, что Румыния самостоятельно не может овладеть Бессарабским рынком торговыми путями. Она может быть только посредником, через которого будут налагать на Бессарабию цепи экономического рабства другие, более сильные государства.

Аграрный вопрос.

Приведенные выше факты очень ярко говорят о том, что Румыния не в силах привязать к себе присоединенные области нитями хозяйственного возрождения. При существующем в Румынии политическом и экономическом устройстве она не в состоянии развить экономические силы ни в старой Румынии, ни в захваченных областях, не в состоянии преодолеть железнодорожную разруху, не в состоянии развить добывающую и обрабатывающую промышленность, свои фабрики и заводы. В этом отношении боярская Румыния в тупике. Развязать узел, открыть здоровый путь развитию страны может только экономическая и политическая революция в Румынии.

Но у помещичьей Румынии был бы еще один путь к тому, чтобы упрочить свое положение и прикрепить к себе свои новые земли. Это разрешение аграрного вопроса, вопроса о землевладении и землепользовании. Аграрный вопрос является для Румынии вопросом еще более серьезным, чем все другие экономические вопросы. Потому что Румыния, как уже несколько раз отмечалось, страна по преимуществу земледельческая. Однако, и тут для помещичьей Румынии нет просвета, при привычном для нее подходе к делу. А другой подход, для нее необычный, это опять таки — земельная революция, а значит и революция политическая. Это то, что в конечном счете столь же неизбежно для Румынии, как и для других буржуазных стран. Но это именно выход, несовместный с современной боярской Румынией.

В старой Румынии крестьянство составляет 80% населения, в Трансильвании и Буковине — 75,7%, т. е. почти 76%. Подавляющее большинство составляет крестьянское население и в Бессарабии.

Как смотрят на крестьянство румынский помещик, мы уже знаем. Для него крестьянин — это крепостная даровая рабочая сила, это рабочий скот, который подвергается бесчеловечной эксплуатации и живет в самых ужасных условиях. Всякую попытку изменить положение крестьян хотя бы незначительным образом — румынский помещик считал совершенно недопустимой. Всякой такой попытке он решительно сопротивлялся, не стесняясь в таком случае даже перед дворцовой революцией и свержением с престола неугодившего помещику и чрезмерно либерального коронованного приказчика. Такая аграрно-дворцовая революция произошла в самом начале „самостоятельного“ политического существования Румынии. Историю этой революции стоит в нескольких словах рассказать.

„Зачатие“ Румынии, как мы уже знаем, политически совершилось на парижском мирном конгрессе

в 1856 году, когда французские дипломаты предложили идею создания дунайского румынского государства, чтобы ослабить и своего побежденного врага, — Россию и, опасного союзника, — Турцию, — и обеспечить безраздельное влияние сильнейших европейских держав на устье Дуная и выход к Чёрному морю. Политическое же рождение Румынии относится к 1859 году, когда были обединены княжества Молдавия и Валахия. Новенький самодельный румынский престол занял тогда „господарь“ Иоан Кузя, принявший имя Александра I. Через несколько лет Кузя пришел к мысли, что Румынии необходимы некоторые либеральные реформы. Дело было, разумеется, не в добросердечии Кузы, а в его собственных интересах. Имея в виду ослабить влияние на свой престол со стороны крупных помещиков-бояр, Кузя вознамерился опереться на „среднее сословие“ и на крестьянство, которым нужно было для этого кое-что дать. Прием довольно обычный в истории для „укрепления престола“.

И вот, в 1864 г. Кузя распускает парламент и ставит на референдум (опрос населения) новый избирательный закон о всеобщей подаче голосов и о введении двухпалатной системы. Опрос населения дал подавляющее большинство в пользу проекта Кузы: 713.285 голосов за, 57 против, и 70.000 воздержавшихся. После этого Кузя, не дожидаясь созыва нового парламента, издает закон об аграрной реформе. Реформа сводится к следующему: крестьяне должны быть освобождены от барщины, две трети помещичьей земли отчуждается за выкуп для распределения крестьянам, и 400.000 безземельных или малоземельных крестьян получает землю. Созванная после издания этого и некоторых других декретов палата депутатов утверждает этот закон.

Но такой закон, хотя и довольно скромный не нравится румынским помещикам. Они организуют заговор. В ночь с 22 на 23 февраля 1866 года в спальню румынского князя Кузы вры-

ваются вооруженные помещики, и угрожая ему смертью, заставляют подписать отречение от престола. Аграрная реформа Кузы херится, а румынские бояре приглашают к себе заграничного князя, одного из многочисленных немецких Гогенцоллернов, из ветви Зигмарингена, который под именем Карла I вступает в 1866 г. на румынский престол. Этот Карл царствует долго, получает цозже королевский титул, доживает до глубокой старости и умирает только во время европейской войны. Но во всю свою долгую жизнь он твердо помнит урок аграрной реформы князя Александра Кузы, и ни о каких переменах не помышляет. Оно и понятно, — румынский король самый крупный помещик в своей стране крупных помещиков, и это за его помещичье здравие несколько раз в течение его долгого царствования расстреливаются восстающие крестьяне, — например в 1878 г. и в 1907 году.

До войны земля в старой Румынии распределялась следующим образом:

1.015.302 собственника имели участки земли менее 20 гектаров каждый (10 гектаров равняется 9,15 десятин).

36.310 собственников владели участками от 20 до 50 гектаров.

2.381 собственник владели участками от 50 до 100 гектаров.

4.471 собственник владели участками свыше 100 гектаров.

Таким образом, подавляющее число владельцев земли — мелкие собственники, крестьяне, для которых 18 десятин на семью (а семьи у румынских крестьян большие) является самым большим наделом. К тому же за свое право владеть этим наделом крестьяне платят помещику барщиной и другими повинностями. Вся земля, принадлежащая этим крестьянам, составляет 41,66% площади частно-владельческих земель в Румынии.

На среднее землевладение (от 20 до 100 гектаров на хозяйство) приходится 10,81% частных земель.

Зато крупное землевладение занимает 47,53%, т. е. почти 48% всей земельной площади. А этих крупных помещиков, имеющих свыше 91 десятины каждый (и иногда по много сотен и тысяч десятин) — всего то на всего меньше четырех с половиной тысяч человек. Они составляют всего 4 десятых доли процента общего числа землевладельцев Румынии (считая землевладельцами и крестьян), и эта ничтожная горсточка помещиков имеет в своих руках почти половину земли в стране, — 48%, — а больше миллиона хозяйств крестьянских, то есть несколько миллионов крестьян имеют менее 42% земли, то есть меньше, чем горсточка помещиков. Как резко оказывается здесь различие в положении помещика и крестьянина, глубокое противоречие между интересами одного и интересами другого! Это грабительское распределение земли — основа хозяйственного устройства и политического строя Румынии. Богатый помещик распоряжается судьбами страны, как ему угодно, полуголодный крестьянин бесправен.

Мировая война дала большую встряску. Даже румынский помещик понял, что нужно каким-то mannerom спасать свое пошатнувшееся положение. Чтобы отстранить от себя призрак немедленной революции и раздела земель крестьянами, он поспешил ликвидировать красную Бессарабию и, захватив ее в свои руки, подчинить и ее помещичьему порядку. Но все же помещик понял, что обойтись этим одним не удастся. Нужно для успокоения страны провести какую-нибудь земельную реформу, и если не провести, то по крайней мере об'явить ее и потом обмануть крестьянина. К осуществлению этого плана румынские помещики и приступили.

Помещичье правительство об'явило, что проведет аграрную реформу и распределит землю по новому. По этому проекту помещикам должно быть оставлено только 8% всей площади пахотной земли в Румынии, а остальные 92% должны перейти

к крестьянам. Размер крестьянских наделов определяется от 5 до 50 гектаров, то есть от 4 с половиною до 45 десятин на хозяйство. Казалось бы, чего лучше. Но... вся задача была ведь в том, чтобы создать видимость земельной реформы, этою видимостью обмануть и утихомирить крестьянство, а на самом деле оставить все по прежнему.

Так оно и делается. Земля, — эти 92 процента земли, обещанные крестьянам, — отдается им совсем не даром, а за выкуп. А выкупная цена на землю в старой Румынии доходит до суммы в 7 миллиардов лей. Это, между прочим, в сорок приблизительно раз выше того, что стоила та же самая земля в 1916 году. Такая цена непосильна для нищего и полуголодного румынского крестьянства, и оно не в силах дотянуть не только до наибольшего предела крестьянского участка, — до 50 гектаров, — но и пять гектаров купить не сможет. Да и процедура земельной реформы обставлена таким количеством румынских чиновничьих закорючек и взяточничества, что в самом лучшем случае дело должно затянуться на много лет. Значит, пока все остается по прежнему. Реформа провозглашена, а земля остается все таки у помещика. Если же крестьянин, натужившись, покупает себе клочок земли помещика, то при колossalной ее цене он попадает в такую долголетнюю кабалу платежей и процентов, из которой тоже никак не вылезет. А просрочки, пени и крючкотворство спать отадут под власть помещика политую новыми струями крестьянского пота землю.

В присоединенных областях тоже проводится земельная реформа, — в каждой области „применительно к местным условиям“. Но принцип всюду один и тот же: видимостью реформы пустить пыль в глаза, обмануть крестьянство несбыточными надеждами на миролюбивое и „законное“ получение земли, и — оставить все так, как было.

В Трансильвании, например, каждому помещику должно быть оставлено не меньше 500 десятин.

Но если в семье помещика есть лица со специальным агрономическим (сельско-хозяйственным) образованием, то на каждого такого человека должно быть оставлено еще по 500 десятин. Ясное дело,— все трансильванские помещики, их сыновья и дочки в три счета окажутся агрономами и агрономихами.

Ничего нет удивительного, что с каждым годом крестьянство Румынии все больше теряет терпение. И в начале лета 1924 года происходит уже в старой Румынии ряд вспышек крестьянских волнений, когда крестьяне отдельных сел и округов сами пытаются взять и разделить между собою землю. Но пока в аграрном вопросе побеждают жандармы и карательные отряды.

Аграрная реформа в Бессарабии.

Из первых глав нашей книги читатель уже знает, каково было положение с землей в Бессарабии до революции и что произошло во время революции, задавленной затем румынами. Понятно, что самым сложным делом для румынского правительства оказалось проведение земельной реформы в Бессарабии. Тут ведь земля для крестьянина была уже не журавлем в небе, а хотя бы и синицей, но такой, какую он уже одно время держал в своих руках. Он уже брал во время революции эту заветную землю, ощутил, так сказать, ее запах и вкус, и лишился ее только с приходом румынских войск, потому что румынские войска прежде всего насилиственно восстановили помещичью власть. Тут, в Бессарабии, уже одними словами не отделаешься, нужно дать что-нибудь ощущимое.

Что же дают румыны? Они забирают в государственный земельный фонд прежде всего все земли, которые принадлежали русской казне, уделльному ведомству, земству, крестьянскому банку. Затем они прихватывают сюда землю тех помещиков, которые не пожелали принять румынское поддан-

ство, — таких, впрочем, оказалось очень немного. Помещикам оставляется по 100 гектаров на каждого, то есть по $91\frac{1}{2}$ десятин. Но виноградники, плодовые сады и питомники остаются за помещиками целиком, сколько бы десятин ни занимали. Лазейка тоже не плохая, особенно если принять в расчет, как много в Бессарабии виноградников и фруктовых садов.

В то же время крестьянский надел определяется не больше 7 гектаров, то есть менее $6\frac{1}{2}$ десятин. А если сравнить с тем, что имеет бессарабский крестьянин до „реформы“, то окажется, что в среднем, существовавшие крестьянские наделы в Бессарабии больше той щедрой „нормы“, которую румыны великодушно дают после своих прекрасных слов. А дальше — поставлен предел увеличению крестьянского землевладения путем покупки, наследования, дарения и так далее; как бы ни окружая свою землю крестьянин, он не имеет права довести свой надел больше, чем до 20 гектаров, т. е. 18 десятин. И еще: в первую очередь наделяются землей крестьяне, уже имеющие землю, а безземельные могут получить ее только в самую последнюю очередь. Это значит, что румынский помещик, ограничивая крестьянское землевладение, все-таки хочет, с одной стороны, создать слой более обеспеченных кулаков, на которых он сможет опираться, а с другой — сохранить резервную армию безземельных батраков.

И само собою разумеется, что земля и в Бессарабии берется у помещиков за щедрый выкуп. Четвертую часть выкупной суммы уплачивает помещику казна, а три четверти — получающий землю крестьянин. Но самое интересное — как определяют стоимость помещичьей земли. Тут румынские реформаторы очень щедры, и помещик совсем не в обиде. Оценка очень высокая, и крестьянину никогда не вылезть из кабалы выкупных платежей. К тому же, до уплаты всей суммы крестьянин хотя и „собственник“, но своей землей распоряжаться

не имеет права, а если он два полугодичных срока подряд не внесет очередных платежей, то земля у него отбирается в наказание за неисправность.

Проведение земельной реформы в Бессарабии при румынской повадке, конечно, растягивается на много лет. При этом взяточничество идет во всю. Сколько земли получит крестьянин — это еще там видно будет, но румынские чиновники землеустроители припеваючи живут уже несколько лет и намерены таким манером процветать еще долго. Учреждение, которое проводит аграрную реформу в Бессарабии, называется „Каса Ноастра“. К примеру, до марта 1920 года поступило платежей за землю 8.300.000 лей (румынская денежная единица). На содержание же „Каса Ноастра“ ушло за это же время тоже 8 с лишним миллионов лей. Это — по официальной справке правительственной газеты. А по заявлению буржуазно-генеральской газеты, бывшей в то время в „оппозиции“, ушло не 8, а 15 миллионов. Конечно, и тут — не считая взяток.

Недавно румынское правительство опубликовало цифры, касающиеся проведения земельной реформы в Бессарабии. Оно показывает демократическому миру, как много уже сделано им для „родной Бессарабии“. Но если даже поверить этим цифрам румынского правительства, которые оно публикует для агитации, то все-таки и тогда картина получается совсем не такая блестящая. Именно, румынское правительство в 1924 году сообщает, что в земельный фонд поступило 1.480 экспроприированных имений, площадью в 1.844.953 гектара, то-есть 1.181.713 десятин. В Бессарабии было много казенных, земских, удельных и так называемых монастырских земель, которые прихвачены румынами и вошли в этот фонд. Таким образом, значительная часть земельного фонда получена не потому, что земля отобрана от помещиков, а потому что румыны расправляются в Бессарабии, как в завоеванной стране и на все смотрят, как на военную добычу.

Но дальше, — из этого земельного фонда между 357.116 жителями распределено только 1.098.045 гектаров, то-есть один миллион (1.0'0.827) десятин, что составляет в среднем меньше 3 десятин на каждого жителя, то-есть, вернее, на каждое хозяйство.

Но румынская статистика не указывает, сколько из этой земли досталось крестьянам и сколько под разными соусами отдано ее румынским чиновникам, и сколько дано румынским демобилизованным солдатам. Румынское правительство, прельщая разными льготами, старательно расселяет своих демобилизованных солдат по бессарабским деревням, чтобы помочь их „румынизации“ и создать там слой крестьян, более благожелательный к румынской власти, чем основное, включая и „единокровное“ молдавское население бессарабской деревни. И еще одного не договаривает румынская статистика: сколько земли скуплено в Бессарабии по „особым разрешениям“ (а их за взятку родному человечку получить не трудно) румынскими помещиками из за Прута, которые охотно округляют свои обширные владения и бессарабской землицей. Они возмешают, таким образом, потери от проведения аграрной реформы в старой Румынии.

Но еще большой вопрос, можно ли верить рекламным цифрам румынского отчета. Слишком уж привыкло лгать румынское правительство. В самом деле, теперь, в 1924 году, оно заявляет, что распределило крестьянам 1.000.827 десятин. А еще четыре года назад казенная румынская газета „Бессарабия“ (в № от 4—17 марта 1920 г.) торжественно сообщала, что уже передано крестьянам... 1.384.096 десятин. За четыре года куда то улетучилось без малого 400 тысяч десятин земли. Это — развитие аграрной реформы, что ли? Диковинная штука — румынские цифры. Ничего, кроме лжи.

Румынское правительство очень наивно, если думает, что бессарабский крестьянин не видит и не понимает того аграрного обмана, который творится вокруг него.

Бессарабский крестьянин не может чувствовать и не чувствует себя удовлетворенным. Он видит, что земля как была так и осталась под властью помещика, что земледелец как был, так и остался в кабале, только над ним еще кроме прежнего помещика оказалась туча румынских чиновников и жандармов, которые всячески отстаивают интересы помещика. К тому же бессарабский крестьянин, взглянувши за Днестр, на поля Подолии и Херсонщины, видит, — и этого никак не могут скрыть румынские жандармы, — что на Украине крестьянство до революции имело 19 миллионов десятин, а теперь имеет уже 32 миллиона десятин, т.-е. крестьянское землевладение на Украине почти удвоилось. А в Бессарабии крестьянство у разбитого корыта.

Совершенно понятно, что в Бессарабии аграрные волнения не прекращаются. Лето 1924 года здесь не меньше, чем в старой Румынии, отмечено кровавыми столкновениями крестьян с румынской властью из-за земли. Особенно серьезные столкновения отмечены в Северной Бессарабии, — в Хотинском и Белецком уездах.

Итак, румынские захватчики до сих пор основного для Бессарабии вопроса, аграрного, не разрешили. И пока в Румынии у власти помещики — они и не захотят, и не смогут разрешить этот вопрос так, как нужно двухмиллионному крестьянству Бессарабии. А это значит, что хозяйственno, экономически румынский помещик никогда не сможет привязать к себе бессарабского крестьянина, увязать его интересы с интересами Румынии. Иначе говоря, Румыния хозяйственno привязать к себе Бессарабию не способна, а потому, в конечном счете, неспособна будет и политически удержать ее в своей власти. Крестьянство Бессарабии никогда не станет с надеждой смотреть за Прут, — оттуда, из Бухареста и Ясс, от румынских помещиков ему ждать нечего. Крестьянство будет по прежнему с надеждой смотреть за Днестр, ибо только там, на Украине и в СССР оно

видит пример разрешения земельного вопроса в интересах и в пользу крестьян и всех трудящихся.

Культурное влияние и национальный вопрос.

Итак, экономически Румыния не в состоянии, не способна удержать в своих руках Бессарабию. Не способна она удержать ее и культурно, ибо не может стать притягательным культурным центром для захваченных ею областей вообще. Культурный уровень, например, Трансильвании гораздо выше культурного уровня Румынии. Трансильвания была составной частью Австрии, пользовалась довольно значительными правами, ее население привыкло участвовать в политической жизни, привыкло вообще к культуре большого европейского государства. Отсталая крепостническая Румыния ничего не может дать Трансильвании. Она только тянет ее назад, к средневековью. То же самое и относительно Бессарабии. Даже те немногие искренние румынофилы, которые не по долгу службы в охранке, а искренно стремились к об'единению Бессарабии с Румынией, должны были уже через несколько месяцев после „соединения“ признать, что Бессарабии от Румынии нечему научиться, наоборот, Румыния должна многому поучиться у Бессарабии. Значит, если исключить насилие, — не т места и культурному воздействию Румынии на Бессарабию.

Остается еще момент национальный, и этот момент для Румынии — роковой. Румыния захватывала одну область за другой из чисто шкурных интересов своих и держав Антанты, но откровенно о подоплеке захвата, конечно, не говорила, — такая грубость была бы неприлична в приличном европейском обществе. Все свои разбойничьи операции Румыния проделала под флагом освобождения будто бы угнетенных в других странах румын, под флагом национального освобождения румын. Зарубежные румыны об этом, правда, не просили, а в

сарабии они даже очень упорно сопротивлялись своим непрошеным „спасителям“. Но если даже принять на веру все эти пустые слова о национальном идеале и национальном освобождении румын, то и тогда положение Румынии в результате захватов получается далеко не блестящее.

В старой Румынии население было в массе национально-однородно, оно было в подавляющем большинстве румынское. В Валахии румыны составляли 96% всего населения, в Молдавии — 92%. Если принять в расчет еще Добруджу с ее преимущественно болгарским населением, то в среднем для Румынии в ее довоенных границах получим свыше 89% румынского населения. В стране с таким составом населения не было, таким образом, места для особенно острых осложнений, связанных с национальным вопросом.

Во всех же захваченных румынским правительством областях румынское по национальности население составляет меньшинство в общей массе жителей. В Трансильвании, правда, румыны составляют несколько больше половины населения — 56,5%. Но в Буковине их меньше 35%, точнее 34,27%. В Добрудже — еще меньше, здесь главная масса населения — болгары. В Бессарабии молдаване составляют 47—48% населения. И если даже счесть молдаван настоящими румынами (а в этом можно, все-таки, сомневаться, и сами молдаване на этот счет особого мнения), то и тогда получим, что в новой, разбухшей, Румынии румынское население составляет уже только 70% (точнее 70,6%).

А это значит, что национальный состав Румынии значительно менее однороден, чем прежде, и это для румынской власти, власти помещиков — обстоятельство очень неблагоприятное. 30% населения Румынии принадлежат к национальным меньшинствам. Из 17 миллионов жителей Румынии — 6 миллионов не румын и говорят не на румынском языке. В их числе 2 миллиона венгров (12% населения), полмиллиона немцев и более

одного с четвёртым миллиона национальных меньшинств в Бессарабии. К этому нужно еще добавить свыше миллиона бессарабских молдаван, любовь которых к поместичьей Румынии не сильнее любви национальных меньшинств.

Такая нестабильность национального состава населения не опасна, например, для нашего советского союза, который умеет дать здоровое разрешение национальному вопросу. Советская политика в национальном вопросе умеет обеспечить каждой национальности возможность развивать свою национальную культуру. Советская власть сама приходит на помощь этой национальной культуре наиболее слабых меньшинств, не говоря уже о той работе, которую проводит в этой области коммунистическая партия (например, издается газета на молдавском языке „Плугарул Рош“—„Красный Пахарь“, — для живущих в Херсонской губернии, по Днестровскому побережью, молдавских крестьян). Советский союз умеет наладить братское общение всех населяющих его национальностей, умеет дать каждому народу свободу и равные права всем трудящимся и крепко, любовно привязать к себе всех рабочих и крестьян, на каких бы языках они не говорили.

Совсем другое дело — поместичья Румыния, весь государственный строй которой основан на угнетении и порабощении, и в том числе на угнетении национальном. Здесь и трудящийся господствующей национальности становится под тяжким гнетом помещика, генерала, чиновника. Но во много раз тяжелее гнет, тяготеющий над национальными меньшинствами. Венгры в Трансильвании, украинцы в Буковине и Бессарабии, болгары в Добрудже, русские в Бессарабии, евреи во всех частях страны испытывают на себе тяжелое угнетение, подвергаются преследованиям, живут на положении еще более бесправном, чем бесправнейший румынский крестьянин. Румынская государственность, возведенная на фундаменте классовой эксплуатации и классового и националь-

ного угнетения, неспособна никоим образом дать здоровое разрешение национальному вопросу и привязать к себе нитями естественной привязанности населяющие ее народы. И при таких условиях национальная пестрота населения новой Румынии представляет для нее серьезнейшую опасность.

В Советской России разрешение национального вопроса есть путь сплочения государства в тесный союз трудящихся. Национальная же политика румынской власти — это во много раз ухудшенная политика царской России. Она только еще более жестока и тупа. Никакой другой, кроме той, какую она ведет, эта власть вести не может. Поэтому национальная политика румынской помещичьей власти неизбежно ведет к разобщению в государстве, создает в национальных меньшинствах сильнейшее стремление к отрыву от румынского государства, к борьбе с властью румынских помещиков, которые не могут и не умеют управлять захваченными областями, не опираясь на систему национального гнета. И для помещичьей Румынии пять миллионов венгров, немцев, украинцев, русских, болгар, евреев и так далее являются действительно опасным элементом, — это горючий материал, это пороховой погреб, который когда-нибудь неизбежно взорвется и, во всяком случае, будет питать внутренние силы, ведущие в дальнейшем к отрыву от Румынии целых областей.

А на перемену национальной политики румынской власти расчитывать не приходится. Такая перемена в такой же степени, как перемена политики в рабочем и в земельном (крестьянском) вопросе сама по себе означала бы революцию, означала бы самоубийство классовой помещичьей экономической и политической власти в Румынии. Нет, на перемены расчитывать в нынешней Румынии не приходится. Перемены принесет только Советская Румыния.

Пока же правительенная Румыния пробует спа-
саться политикой национальных погромов. 1924 год
дал, например, новую полосу погромов против евреев.
Но погромы не дадут спасения и даже не ослабят
значения того факта, что к пяти миллионам наци-
онального меньшинства нужно прибавить еще и из-
рядную долю непрошенно приобщенных к наци-
ональному большинству и тоже стремящихся к осво-
бождению от румынского ига,— и это не одни
только бессарабские молдаване¹).

Все это означает, что и национальные по-
зиции правящей Румынии до чрезвычай-
ности шатки, и что с этой стороны, как и со
всех других, помещичья, боярская Румыния не
в состоянии естественным путем, путем естествен-
ной связи, естественного тяготения удержать на-
сильно захваченные ею области, и Бессарабию—
в особенности.

Рабочее движение в Румынии.

Внутренние силы изо дни в день, с неотврати-
мой мощью исторической необходимости, подтачи-
вают власть боярства и капитала в Румынии. Подсчет
этих сил мы дали очень беглый, но и этот подсчет
был бы неполон, если бы мы не упомянули о важней-
шей силе, разрушающей старую крепостную Румынию

¹) Еще два слова о бессарабских молдаванах. В английской га-
зете „Дейли Экспресс“ помещена в последних числах мая нынешнего
года статья специального корреспондента этой газеты из Бессарабии.
Со слов румын, английский корреспондент заявляет, что большая часть
населения Бессарабии—румыны. Но тут же он ссылается на сообщение
румынского министра иностранных дел, что только 15 процентов из
них грамотные. „В виду этого, — говорит он, — чрезвычайно трудно
предвидеть, как выскажется неграмотная часть населения в вопросе
о своей национальной принадлежности“.

Напрасно сомневается английский корреспондент. Румынские
оккупанты седьмой год так усердно занимаются политическим просве-
щением населения Бессарабии и такими ощутительными наглядными
уроками ликвидируют его политнеграмотность, что самый неграмотный
молдавский крестьянин отлично знает, в какую сторону ему глядеть.
Ссылкой на неграмотность крестьянства румынские министры никого
с толку не сбьют.

и подготовляющей строительство будущей свободной Румынии. Эта сила — рабочее движение. Мы уже вскользь упомянули о нем, когда говорили о промышленности в Румынии. Но нужно более подробно рассказать о нем и об истории его развития.

Рабочее движение в Румынии имеет уже 50-летнюю историю. Первые социалистические группы возникли здесь еще в 70-х годах прошлого века. На зарождение социалистического движения имели большое влияние некоторые русские социалисты, принужденные бежать из России от преследований царского правительства и поселившиеся в Румынии. К их числу относятся Доброджану-Герэ (привлекался в России несколько раз к суду, судился по известному „делу 193“), Зубков-Дудреяну, доктор Россель. Но на первых порах и даже первые десятилетия в социалистическом движении рабочие участвовали мало, потому что и рабочих то масс почти не было. Даже в 1915 году промышленные рабочие составляли еще только 1% населения Румынии, а членов профсоюзов там в 1912 г. было менее 10.000, и только в 1920 г., после войны количество их дошло до 90.000 человек.

При отсутствии значительных и сплоченных рабочих масс социалистическое движение в Румынии в течение первых десятилетий не могло получить здорового развития, оно приобрело интеллигентский уклон, ибо социалистические ряды пополнялись либеральничающей буржуазной интеллигентской молодежью. Это привело румынскую социалистическую партию не только к жесточайшим испытаниям и кризису, но и к прямой измене. В Румынии произошло нечто, небывалое даже в истории самых соглашательских социалистических партий других стран. В 1898 году весь тогдашний Центральный комитет социал-демократической партии перешел в полном составе в партию либералов, — в ту самую партию, один из членов которой генерал Авереску через девять лет перебил 15.000 крестьян за попытку восстания против помещиков. Часть рядо-

вых членов партии также перешла к либералам, а некоторые перешли из социал-демократии даже прямо к консерваторам. Впрочем, в Румынии между либералами и консерваторами разница, в сущности, только на словах, а не на деле; разница в лицах, в фамилиях, а не в практической политике и даже не в программах.

В числе изменивших социализму членов ц. к. социал-демократов несколько человек, чьи имена потом не раз встречаются в политической истории Румынии на постах министров, сенаторов, дипломатов. Изменники — как нельзя более подходящие люди для проведения румынской политики, построенной на предательстве, подкупе, измене, насилии. В числе этих господ — некий профессор Стере, уроженец Бессарабии, в молодости участвовавший в революционном движении в России и затем эмигрировавший в Румынию. Он также приложил свою руку и свой авторитет к захвату Бессарабии румынами и к порабощению населения Бессарабии. Он был почета ради заочно избран агентами румынской охранки в состав Сфатул-Цэрия, затем некоторое время, после „акта“ 27 марта о присоединении Бессарабии к Румынии на началах автономии, был председателем Сфатул-Цэрия и усиленно подбивал его к дальнейшим предательским шагам и к отказу от автономии.

Удар, нанесенный социал-демократическому движению в Румынии изменой Стере и компаний в 1898 году, был очень силен. Фактически рабочая партия, — или вернее ее зачатки, — была этой изменой убита, движение заглохло на целое пятилетие. Только в 1903 году начинает оно возрождаться, заново создается социал-демократическая партия, которой оказывает большую помощь оставшийся до конца верным революции, ныне уже покойный один из основателей социализма в Румынии, Доброджану-Гере. Одним из вождей партии становится доктор Раковский. Румынское правительство неоднократно старается избавиться от Раковского, его

арестовывают и высылают из Румынии, как якобы уроженца Болгарии. Но рабочее движение растет и без Раковского, и выступления рабочих причиняют властям и помещикам все большее хлопот. В 1913 году румыны захватывают Добруджу, принадлежавшую Болгарии, и в числе своих новых подданных приобретают опять уроженца Добруджи Раковского. Раковский опять становится во главе рабочего движения, возглавляет его революционное крыло. Румынские рабочие выступают против участия Румынии в войне, они устраивают ряд демонстраций и забастовок, подвергаясь растрелам со стороны войск и полиции.

Несмотря на сопротивление рабочих, которые в стране не представляли внушительной физической силы, Румыния вступает в войну. И это дает тем больше поводов к разгрому рабочих организаций, чем меньше в них оборончества и социал-патриотизма. Румынские рабочие и их руководители тесно связаны с теми революционными группами в различных странах, которые сохранили ясность сознания, не поддались патриотическому угару, не стали лить воду на мельницу капитализма и боролись с войной в международном масштабе. И румынские жандармы Антанты не щадят рабочих. Под шумок осадного положения были разбиты и ликвидированы легальные рабочие организации в Румынии, и в числе их руководителей арестован тов. Раковский. Впрочем довольно скоро после этого, в 1917 году т. Раковского освободили революционные русские солдаты во время первомайской демонстрации в Яссах (об этом более подробно рассказано в одной из предыдущих глав). С тех пор Раковский вне Румынии, но революционное крыло в румынском рабочем движении, конечно, осталось.

С одной стороны, в румынском рабочем движении стал замечаться соглашательский социал-демократический уклон. С другой — народились и зачатки коммунистической партии. Когда коммунистические элементы окрепли уже настолько, чтобы офор-

миться, но не настолько еще, чтобы увлечь за собою всех рабочих, в тогдашней социал-демократической партии произошел раскол. На сторону коммунистов перешла значительная часть. При расколе парламентской фракции 12 депутатов осталось за с.-д., а 8 об'явили себя коммунистами. Все депутаты коммунисты были арестованы, но это не остановило коммунистического движения, как не остановили его десятки судебных процессов и осуждение десятков и сотен коммунистов к долголетнему, вплоть до пожизненного, заключению, как не остановили его и бесследные расстрелы пленников якобы „при попытке к побегу“. Коммунизм в Румынии растет и крепнет, крепнет и революционное профессиональное движение, влияние Профинтерна на профессиональные союзы.

Какова же позиция румынских рабочих в бессарабском вопросе? Мы не говорим здесь об отношении рабочих в Бессарабии, с ними мы уже знакомы. В старой же Румынии в период захвата Бессарабии рабочие были бессильны чем либо противодействовать захватной политике правительства. Позже несколько оправившаяся от военного разгрома социал-демократическая партия, в состав которой тогда входили рядом с соглашательскими также и революционные элементы, не раз выявляла свое отрицательное отношение к захвату чужой земли и к кровавым насилиям, при помощи которых правительство Румынии удерживало Бессарабию в своих руках. Впрочем, с.-д. в тот период не рисковали ставить вопрос об оккупации в полном об'еме и ограничивались главным образом протестами против кровавых насилий в Бессарабии и несколькими запросами по поводу террористического режима, которые они вносили в парламент.

После того, как партия разделилась на рабочее коммунистическое крыло с одной стороны, и мелкое буржуазное интеллигентско-чиновничье социал-

демократическое,—позиция обеих партий в бессарабском вопросе стала совершенно разной. Очевидно, в прежние времена, до раскола, революционное отношение партии к бессарабскому вопросу поддерживалось в ней теми элементами, которые потом образовали коммунистическую партию. Сдерживали же их элементы соглашательские, ушедшие затем вправо, поближе к передней министров. Коммунистическая партия теперь является внутри Румынии, на ее политическом горизонте единственной искренней, стойкой и последовательной защитницей Бессарабии, ее прав, ее интересов, интересов ее рабочих и крестьян. Социал-демократы же в своем полицейском усердии докатились уже до того, что часть их в дни венской конференции придерживалась излюбленного румынского нейтралитета, а часть даже решилась одобрить позицию румынской помещичьей делегации в Вене, отклонившой предложение о плебисците. Политическое падение, приличествующее только духовному потомству изменников 1898 года. Однако, сколько бы ни старались румынские социал-демократы угодить министрам—об'ективные силы истории поддерживают линию коммунистов, и рабочие идут за ними.

•

В ПОГОНЕ ЗА СОЮЗНИКАМИ.

Какие же средства остаются в распоряжении Румынии для того, чтобы все-таки удержать в своих руках Бессарабию?

Единственное такое средство, каким располагают румыны, это голое, ничем не прикрытое насилие.

Но и для такого насилия у румынских помещиков, в конечном счете, нет достаточной собственной силы. Румынская армия? Ее состоянии в настоящее время дает точное понятие приложенный к нашей книжке небольшой очерк. Он показывает, что румынская армия в ее настоящем виде это скорее театральная декорация, чем действительно серьезная боевая сила. Единственно реальное, что за ней стоит, это французские инструкторы. Боевые традиции румынской армии? В ее истории самая блестящая страница — это участие ее в операциях русской армии под Плевной во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г. В день кровавого штурма осажденной Плевны, в которой отбивался турецкий гарнизон под командой Осман-паша, 30 августа 1877 года, бездарные русские генералы уложили десятки тысяч русских солдат. Главно-командующий, великий князь Николай Николаевич, видите ли, торопился непременно взять крепость в этот именно день, чтобы порадовать своего брата, русского царя, в день его именин. Об этом поется в песне:

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату...

Так вот во время этого неудачного кровавого штурма, когда все силы осажденных турецких корпусов были сосредоточены на отражении безумных атак русской армии,— участвующему в осаде румынскому отряду удается одержать единственный за этот кровавый день успех,— занять Гривицкий редут. Чтобы смягчить впечатление плевненской неудачи, пришлось и русскому командованию раздувать этот успех „союзников“, тем более, что名义ально всем осаждающим Плевну отрядом командовал румынский король Карл, а фактически конечно распоряжался русский генерал (Зотов). Таким образом взятие Гривицкого редута румынами вошло в официальную историю как „блестящее дело“. Что взят он был, быть может, не столько по доблести румын или искусству их инженеров и сапер, а по тому именно, что в это самое время полки Скобелева, например, теряли в бою до 70% своего состава,— отвлекая удар на себя,— это уж особь статья.

О боеспособности румынской армии во время мировой войны мы уже в своем месте упоминали. Итог этой боеспособности — занятие немецкими войсками двух третей территории Румынии.

После войны румыны участвуют в совместных с Антантою операциях „против большевиков“. В начале 1919 г. румыны попытались возле Тирасполя вступить в бой с повстанческим партизанским отрядом, но в результате пришлось вызывать на выручку румынам греческие и добровольческие деникинские войска из Одессы, за 120 верст, хотя от Бендера, где был румынский штаб, до места боя было верст восемь... Чтобы иметь потом основание участвовать в разделе добычи, румыны после этого вместе с французами занимают Тирасполь и станцию Раздельную, выделяя для этого три полка, в составе 3.700 человек. Этим войскам ни разу не приходится столкнуться с красной Армией,— даже и с партизанами,— но тем не менее румынская главная квартира рассыпает хвастливые сооб-

щения о подвигах своих частей. А через год бессарабский партизанский отряд в какую нибудь сотню человек, переправившись через Днестр, занимает Бендера, выгоняет оттуда румынский гарнизон, берет и переправляет на другой берег Днестра несколько сот пленных, полковой денежный ящик и другую добычу, держится в Бендерах целый день и потеряв трех убитыми уходит обратно только потому, что румынам удается подвести артиллерию, которой партизаны конечно не имеют и с которой не могут бороться.

Такова доблестная румынская армия.

И вот, отлично понимая, что с такой армией рассчитывать на прочное владение Бессарабией не приходится, и к тому же не имея даже собственной военной промышленности для снабжения своей армии, румынские министры принуждены изо всех сил и всеми средствами искать себе сильных союзников. Самым сильным их союзником является Франция, но это в сущности не союзник, а хозяин, который снабжает своего приказчика на Дунае, Румынию, снаряжением, оружием, пушками, инструкторами, и заставляет Румынию делать все, что угодно французской бирже. Конечно, пушки, аэропланы и прочее даром не даются, — взамен Румыния влезает во все большие долги, долги становятся неоплатными, и их приходится обезпечивать концессиями на важнейшие естественные богатства Румынии, на нефть и так далее. Словом, за военную поддержку Румыния платит „великим державам“, и главным образом, в настоящее время, Франции, военным и экономическим рабством. Хозяином Румынии является французский генеральный штаб и парижская биржа.

По воле Франции и для укрепления своих позиций и „обороны“ своих границ, а фактически для подготовки к нападению на Советскую Россию, Румыния уже давно заключила союз с панской белогвардейской Польшей.

Боярская Румыния и паньская Польша, разбухшие во время войны и до поры до времени живущие милостями Антанты и хищнической эксплоатацией (проще — грабежом) своих злополучных подданных — это действительно „пара-пятак“, и их союз издавна скреплен общим участием в самых вопиющих преступлениях. Это сила, издавна направленная против Советской России и против Бессарабии. Вспомним, что еще в 1918 году, когда румынские помещики террором „самоопределяли“ Бессарабию и когда даже в ими же созданном Сфатул-Цэрий все молдавские крестьяне отказывались голосовать за присоединение к Румынии, когда вместе с крестьянами отказывались голосовать за румын также рабочие и все представители национальных меньшинств, — только один представитель незначительного польского населения Бессарабии голосовал за присоединение Бессарабии к Румынии, — и сделал это, как сам признался, „по директивам из центра“. Вспомним затем, что в последующие годы румыны, как и поляки, оказывали приют бандам Махно, Петлюры, Тютюнича, Пшоника и всяческих „ата-манов“, которые на антантовские деньги готовили нападения на советскую территорию и под прикрытием румынских пограничных постов не раз переврашивались через Днестр. Вспомним все это, — и у нас не останется места сомнениям на счет истинной сущности и значения румыно-польского союза.

Польша белогвардейская — важнейший возле наших границ союзник Румынии, — и не только важнейший, но, если разобраться, единственный союзник, ибо только у Румынии и Польши совпадают интересы и нет особенно вопиющих противоречий. Румыния связана (частью под давлением все той же Антанты) договорами и даже союзами и с другими соседними небольшими государствами, но у каждого из них достаточно счетов с Румынией, у каждого из них Румыния отхватила достаточно жирный кусок, чтобы в критический момент Румыния могла особенно полагаться на них. И вряд ли

в такой момент даже страх маленьких государств перед Францией способен будет достаточно обеспечить содействие Румынии с их стороны.

Да и с самой Францией дело не всегда вполне благополучно. Румынский государственный долг превышает 40 миллиардов франков,—сумма даже для „великой Румынии“ слишком почтенная. Из этого долга много сотен миллионов франков золотом приходится на Францию, которая дает обмундирование, снаряжение для армии, машины и т. д. Хозяйственный кризис в Румынии благодаря этому снабжению однако не прекращается, продолжается кризис производства, транспорт разваливается все дальше, и Румынии приходится за отсутствием собственного капитала или за неумением найти и собрать его в своей собственной стране искать „вспомоществования“ со стороны богатого покровителя. В прошлом году, когда румыны обратились в Париж за очередным займом, французские капиталисты предъявили очень большие требования насчет концессий на эксплуатацию нефтеносных земель в Румынии. Румыны не хотели уступить, не сторговались и дело расстроилось. После этого в румынских политических и финансовых кругах наблюдалось одно время охлаждение к Франции, и взоры их с надеждой на подачку обратились в сторону Англии. Даже начали вести переговоры о займе с английской финансовой группой „Армстронг—Виккерс“.

Но не договорились и с Англией. Между тем, подошло время русско-румынской конференции в Вене. Для укрепления своей шаткой позиции Румыния заметалась во все стороны в поисках союзников.

Правительство Пуанкаре во Франции спровоцировало румынских дипломатов. Пуанкаре перед самой конференцией в Вене созвал экстренную сессию парламента и добился утверждения протокола совета послов Антанты о присоединении Бессарбии к Румынии. Этот протокол, составленный еще

в 1920 году, был потом формально подтвержден Англией при правительстве известного ненавистника Советской России лорда Керзона. Франция же оттягивала утверждение протокола, стараясь как можно больше выторговать у Румынии в уплату за утверждение. Утвердив же протокол накануне венской конференции, империалистская Франция тем самым дала Румынии директиву ни в чем не уступать России. Румынские дипломаты эту директиву исполнили свято. На плебисцит не согласились, конференцию сорвали. Они получили за это 400 новых аэропланов и обещания займа. Но когда румынский король после срыва венской конференции поехал путешествовать по столицам Европы и маклеровать займы и союзы, то французский президент Мильеран принял его очень вежливо и выражил свою радость по поводу того, что Бессарабия сама себя подарила Румынии, но румынским министрам французские капиталисты и банкиры, да и правительство, в займе все таки отказали. Пуанкарэ таким образом снревоцировал и обманул румын, которые остались при сорванной конференции, обостренном положении и без денег.

А между тем на произведенных в это же время выборах в парламент во Франции националистический блок реакционных партий, во главе которого стоял Пуанкарэ, потерпел поражение (при чем в парламент прошло между прочим 29 коммунистов). Большинство в парламенте получил радикальный блок во главе с Эррио, который считает, что деловая Франция заинтересована в возобновлении сношений с Россией. Правительству Пуанкарэ пришлось уйти в отставку. А для румынских помещиков это сильнейший удар.

Во время венской конференции, чтобы закрепить союз с Польшей, начальник оперативного отделения румынского генерального штаба Флореску поехал в Варшаву „для ознакомления с постановкой военного дела в Польше“. Флореску с польскими генералами посетил Краков, Познань

и Вильну. А в это самое время военный министр Польши генерал Сикорский совершил инспекционную поездку на польско-советскую границу. Эти поездки имели целью приугнуть русскую советскую делегацию в Вене, но делегация, конечно этого не испугалась. А денег — того, что Румыния всего нужнее, — эти поездки в Польшу, разумеется не дали, потому что и Польша сама живет французскими подаечками.

Перед открытием венской конференции и во время конференции румыны страшали нас еще и тем, что вот—вот знаменитый „протокол 1920 года“ утверждит не только Франция, но и Италия и... Япония. Шли разговоры о предстоящем заключении японо-румынского союза, и по этому случаю румынские министры с чрезвычайными почестями приняли у себя в Бухаресте дорогого гостя, японского принца. Однако, союза с Японией не было заключено и через пять месяцев после Вены.

С Италией вышло еще хуже. Италия под руководством фашиста Мусолини постаралась воспользоваться затруднительным положением Румынии и ее острою нуждой в союзниках и в признании за нею Бессарабии, и запросила за свои услуги слишком высокую цену. Дело в том, что со временем мировой войны остались между Италией и Румынией незаконченные денежные счеты. И вот эти то счеты Италия захотела покончить с очень большой лихвой для своих банков. Кроме того, Италия имела в виду еще добиться „обеспечения интересов“ своих на Дунае, очевидно для конкуренции со своим давним политическим и экономическим врагом Австрией. Расстроилось у румын дело и с Италией, и притом расстроилось настолько, что румынский король принужден был отказаться от предполагавшейся поездки в Рим, во избежание нежелательного приема.

В Лондоне английский король принял румынского короля очень мило и любезно. За завтраком были произнесены очень хорошие речи, и англий-

ский король по примеру французского президента Мильерана выразил свою королевскую радость по случаю того, что Румыния за последние годы окружила свои земельные владения. Но дальше королевских любезностей дело не пошло. А румынам нужны не столько любезности, сколько деньги. На беду румын, однако, именно в это время в Лондоне заседала англо-советская конференция. И как ни мало заботится „рабочий“ министр Макдональд об интересах рабочих и революции, но и он понял, что поблажки румынским помещикам повредят переговорам с Россией, а в хорошем исходе этих переговоров заинтересованы и английские рабочие, и значительная часть английской буржуазии. Поэтому Макдональд дал понять румынам, что с них хватит того признания бессарабского протокола, которое сделал в свое время Керзон, а нового признания и тем более союза с Англией им ждать нечего. Он, говорят, обещал им только не допускать, чтобы на англо-советской конференции был поставлен вопрос о Бессарабии. Но денег не дал.

Отчитываясь во всех этих финансовых неудачах перед парламентской комиссией, румынский министр финансов Братиану в мае нынешнего 1924 г. обяснил эту неудачу тем, что „вся Европа испытывает финансовые затруднения“. К этому Братиану добавил, что можно надеяться на получение крупного займа только в Соединенных Штатах, „но американские финансовые круги не хотят распылять свои капиталы в настоящее время, когда вся Европа стремится получить кредит в Америке“. Кроме того, — добавил Братиану, — „так как американские финансовые круги соглашаются давать кредит на условиях, равносильных финансовой колонизации, то Румыния предпочла совершенно отказалось от кредита“. Это, иначе говоря, значит, что и Америка условием займа поставила — передачу ей румынской нефти. Румыния за остатки своей нефти еще держится. Последний козырь. Вряд ли однако

долго еще удается ей сохранять этот гордый вид,— придется отдать более сильному капиталу и эту нефть или распроцататься с мечтой о насилии сколоченной великой Румынии и вернуться к старому корыту.

Пробовал Братиану проехаться в Турцию чтобы в ее лице приобрести союзника против России,—не вышло и из этого ничего. Наоборот, отношения с Турцией ухудшились. Весь план создания об'единения ряда государств против советской России ради сохранения за Румынией Бессарабии—пока развалился. Брошенный советской делегацией в Вене лозунг самоопределения народностей всколыхнул Балканы и в ряде балканских стран вызвал течения в пользу поддержки советской точки зрения в Бессарабском вопросе. Там хорошо понимают, что это вопрос принципиальный, и действительное самоопределение народов, путем плебисцита, помогло бы многим народам избавиться от ненавистного ига и от капиталистической эксплуатации.

Болгария предпочла в бессарабском вопросе стать на точку зрения России: румынские помещики ведь и болгар ограбили (Добруджа). Буржуазные румынские газеты принуждены были вскоре заявить, что и на Юго-Славию Румынии рассчитывать не приходится. То же самое получилось и с Чехо-Словакией, а тут еще с Чехо-Словакией произошло даже новое осложнение из за очередной выходки румынской жадности. В середине мая нынешнего года выяснилось, что румыны захватили пограничную карпато-русскую общину Тяшево и отняли недвижимость у крестьян. Обнищавшее население требует дипломатического вмешательства. Чехо-Словакий министр иностранных дел обратился по этому поводу с протестом в Бухарест.

Греческое правительство в течение того же неудачного для румын мая обратилось к Румынии с заявлением, что оно против военных приготовлений румын, направленных против России...

Румыния надеялась упрочить свое положение на созванной в июле 1924 г. в Праге конференции „малой Антанты“ (Румыния, Юго-Славия, Чехо-Словакия). Но и тут она не добилась от этих союзников обещания поддержать ее в бессарабском вопросе.

В результате лихорадочной погони Румыния за союзниками и за деньгами—все ее дипломатические карты в настоящую минуту биты, Румыния изолирована, помещичьей Румынии не на кого рассчитывать, она в одиночестве. С нею только Польша, за нею только Франция. Не следует закрывать глаза на то, что и это сила порядочная, но — и в Польше, и во Франции кроме генеральных штабов и банкиров есть еще кое что. И в польской, и во французской жизни происходят кое-какие перемены. Последние парламентские выборы во Франции может быть ничего особенно прочного и не дадут. Конечно радикалы, которые стали у власти, не далеко ушли от Пуанкаре,—но все-таки тот факт, что даже так долго державшийся Пуанкаре принужден уйти, не может пройти бесследно ни для Польши, ни для Румынии.

И если Румыния бряцает оружием, если она готовится к войне, собирает войска в Бессарабии поближе к границам, мобилизует несколько возрастов запасных, берет на службу в свою армию бывших австрийских офицеров, проживающих в присоединенных к Румынии областях Австрии, при чем дает им те чины, какие они имели в австрийской армии,—если Румыния размахивает кулаком и угрожает нам,—то в конечном счете тем хуже для нее. Запугать нас она не запугает, спровоцировать нас на выступление ей тоже не удастся. Но если она решится сама на нас напасть—то пусть тогда на нас уж не пеняет. В исходе такого столкновения мы несколько не сомневаемся. Каяться придется румынским помещикам, генералам, банкирам, министрам, но никак не нам.

Итоги и выводы.

Подведем теперь итоги.

Захват Румынией Бессарабии и оккупация ее в течение шести с лишним лет—это воинственный акт социальной и экономической контрреволюции. Румыния сама по себе никогда не была и не является теперь государством самостоятельным, несмотря даже на чрезвычайное расширение своей территории разбойничими захватами. Бессильная в экономическом, политическом и военном отношениях, Румыния только колония европейских крупных капиталистических стран. Она находится в политической, экономической и военной зависимости от них и действует по их указке. Наибольшее влияние на политику Румыний имеет за последние годы Франция. До сих пор румынские политики вели лишь политику, угодную вдохновителям захватнических планов французской военщины во главе с „национальным блоком“ и Пуанкаре. Таким образом, ответственность за порабощение Бессарабии и терзания двух с половиною миллионов ее жителей несут перед трудящимися всего мира не только разбойники помещичьей Румынии, но и правящие классы больших капиталистических стран Европы.

Непосредственная экономическая причина передачи Бессарабии державами в руки румынских помещиков заключается в давнишнем стремлении оттеснить Россию от берегов Дуная и, руками под-

властной капиталу Румынии, овладеть устьями этого чрезвычайно важного для капиталистической Европы пути на восток.

Основной политический и социальный, классовый мотив покровительства Румынии со стороны капиталистических держав—это стремление создать в виде так называемой „великой Румынии“ оплот против революции, барьер против большевизма, отгораживающий государства европейского капиталистического мира от мятежной восточной Европы. Стремление безрезультатное, ибо революция в Европе зреет не извне, а внутри.

Поводом к насильственному захвату Бессарабии, — в котором, кстати, заинтересованы были французские банки, — явились так называемые национальные интересы румынского национального меньшинства в соседних с Румынией странах. Румыны при этом старались, не имея никаких оснований к этому, убедить мир, что в захваченных областях „румыны“ составляют будто бы большинство населения, что совершенно неверно и противоречит действительности. Присоединение областей более культурных и более свободных к рабской помещичьей Румынии не отвечало ни интересам, ни желаниям населения этих областей, и все попытки румынских помещиков изобразить события как будто бы добровольное присоединение к ней захваченных областей — не находят себе никакого оправдания в том, что было на самом деле.

Это от начала до конца ложь, обман, подлог. Всюду население сопротивлялось румынским захватчикам и всеми силами старалось и старается до сих пор избавиться от румынского рабства и от господства помещиков. Особенно ярко выражено сопротивление населения румынским захватчикам в Бессарабии. Все так называемые акты добровольного присоединения Бессарабии к Румынии — наглый обман и подлог, созданный путем кровавого террора, провокации и подкупов отдельных предателей. До сих пор, на седьмой

год этого якобы добровольного присоединения, Румыния приходится управлять Бессарабией как завоеванной, но непокоренной страной в военное время, усмиряя ее непрерывным жесточайшим террором.

Венская конференция 1924 года воочию показала трудящимся всего мира, что за захватом Бессарабии Румынией не кроется решительно ничего, кроме неприкрытого насилия. Отказ румынской делегации от плебисцита есть отказ в возможности народам Бессарабии самим определить свою волю и вместе с тем признание румынского правительства в том, что население Бессарабии не желает его власти и что в Бессарабии румынские помещики и их войска до сих пор опираются только на насилие. Трудящимся всего мира Венская конференция раскрыла глаза на истинное положение вещей и на сущность Бессарабского вопроса,

В оправдание своего владычества в Бессарабии Румыния не имеет таким образом решительно никаких данных. Никакой цены не имеют даже обычные буржуазно-империалистические ссылки на „исторические права“, потому что Бессарабия ни фактически, ни юридически никогда не принадлежала Румынии. Бессарабия с 1812 года принадлежала России, и свыше ста лет владычества России, при всех своих отрицательных сторонах, все же стали эпохой экономического расцвета края. Между тем Румыния возникла как самостоятельное государство только в 1859 году и затем лишь в течение почти двадцати лет владела частью Бессарабии, прилегающей к Дунаю, которую европейские державы отняли от России для того, чтобы самим распоряжаться на Дунае.

Бессарабия стремится освободиться от румынского ига и рабства, бессарабское крестьянство хочет получить землю, Бессарабия знает, что ее трудящиеся будут свободны только тогда,

когда войдут в состав Союза Советских Республик. Со своей, стороны, СССР справедливо считает и свои экономические и политические интересы нарушенными захватом Бессарабии. Он считает, что интересы свободы трудящихся СССР требуют освобождения Бессарабии. Вместе с тем однако твердое убеждение СССР — что никто извне невправе решать судьбы Бессарабии. СССР никогда не признавал и не признает „прав“ Румынии на Бессарабию, он считает Бессарабию по прежнему частью революционного Союза Социалистических Советских Республик и отказался бы от этого взгляда только в том случае, если бы этого захотело само население Бессарабии, заявив это путем действительно свободного выражения своей воли. Но и СССР не намерен навязывать своей воли Бессарабии. Свою волю трудящиеся Бессарабии определят и выразят сами. Наше требование — заявленное нами на конференции в Вене: свобода самоопределения всего населения Бессарабии. Пусть общим голосованием (плебисцитом) после вывода румынских войск бессарабцы решат, хотят ли оставаться под Румынией, образовать отдельную молдавскую советскую Республику или вернуться в состав нашего Союза.

СССР отнюдь не собирается вооруженной рукой освобождать Бессарабию, не собирается воевать из за Бессарабии с Румынией. СССР добивается и будет добиваться освобождения Бессарабии путем международного революционного воздействия рабочих и крестьян всех стран на решение этого вопроса. В этом решении скажут свое слово рабочие и крестьяне самих Бессарабии и Румынии. И сколько бы ни бряцали орудием румынские генералы, сколько бы ни провоцировали они войну — Советская Россия воевать из за Бессарабии не желает и не станет. Она не станет проливать кровь рабочих и крестьян ради спора с империалистами, который может быть разрешен иными путями. Тем меньше стали бы мы воевать из-за обладания гирлами Дуная.

Воевать из за Бессарабии мы не хотим, воевать из за нее нам нет смысла, ни надобности. Ибо и без войны — Бессарабия будет свободна. Она будет свободна потому, что боярская Румыния не в силах, не способна удержать ее в своих руках. Она неспособна привязать к себе Бессарабию экономически и заменить своим хозяйственным влиянием естественное хозяйственное тяготение Бессарабии к России и Украине. Она неспособна сама у себя наладить свое хозяйство и восстановить разрушенный транспорт. Она неспособна разрешить важнейший и в Бессарабии и в самой Румынии аграрный вопрос и увязать интересы крестьянства с интересами своего помещичьего государства. Она неспособна разрешить и вопрос национальный, и врагами румынской помещичьей государственности остаются все национальные меньшинства, составляющие треть населения Румынии вместе с захваченными областями. И вместе с тем врагами помещичье - чиновничьей и генеральско - жандармской власти являются миллионы трудящихся румынской национальности.

Нам незачем воевать за освобождение Бессарабии, потому что в самой Румынии достаточно внутренних сил, развитие которых само поведет к освобождению Бессарабии и Румынии. Эти силы — гораздо более мощные союзники освобождения Бессарабии, чем те союзники, которых румынское правительство ищет в кабинетах министров, в банкирских конторах и в генеральных штабах других капиталистических стран. Тем более, что противоречия внутренней экономической и политической борьбы между крупнейшими странами капиталистической Европы не дают боярской Румынии прочной почвы и в этих союзах, и порою ставят ее в такое же изолированное положение, в такое же политическое и дипломатическое одиночество, в каком она находится в настоящий момент.

Нам нет расчета и нет надобности воевать за Бессарабию, потому что история и в бессарабском вопросе, как во всех других, работает за нас.

Значит-ли это, однако, что мы не будем воевать с Румынией и что нам не придется вооруженной рукой выгнать румынских жандармов и генералов из Бессарабии? Значит ли это, что мы не должны быть готовы к войне?

Нет, к войне мы должны быть готовы. Потому что румынские помещики готовятся к войне, угрожают нам войной в союзе с панской Польшей. Сейчас Румыния в дипломатическом одиночестве, но мы не знаем, на что толкнет ее завтра приказ из какого нибудь министерства какой нибудь великой державы или из главного правления какого нибудь союза банков. Мы не знаем, какою ценой она завтра купит себе новые займы, и мы не можем быть уверены в том, что ослепленная безумием она не бросится очертя голову в борьбу с нами, в тщетной надежде найти в этом выход из своего безнадежного положения.

Мы не можем быть уверены в том, что боярская Румыния не нападет на нас, и мы должны быть готовы во всякую минуту отбиваться от этого нападения. В исходе такого столкновения, если ему суждено быть, нам сомневаться не приходится. У нас слишком много союзников внутри самой „Великой Румынии“, в лице тех об‘ективных экономических и социальных сил, которые подтасывают власть румынских помощников, чиновников и генералов. И вступив с нами в войну, боярская Румыния сама толкнет себя в пропасть, приблизив тот час, когда и Бессарабия, и Румыния станут советскими. Их не спасет тогда ни союз с панской Польшей, ни поддержка империалистов капиталистической Европы.

На бумаге и...

в действительности¹⁾.

(Несколько данных о румынской армии).

1. Очередное бряцание.

Возможные последствия срыва венской конференции вызывают в европейской печати и, надо полагать, в дипломатических канцеляриях самые разнообразные настроения. Одни совершенно искренно опасаются возможности военного конфликта; другие — дорого дали бы за то, чтобы втянуть ненавистный СССР в войну и поставить его перед новыми испытаниями. Само румынское правительство продолжает в Бессарабии инсценировку демонстраций в пользу присоединения к Румынии и, якобы, еще до начала конференции отдало распоряжение бессарабским корпусам быть по первому же приказу готовыми к мобилизации. Кроме того, есть сообщения о концентрации румынских войск в Бессарабии. Попутно мы наблюдаем демонстрацию солидарности румынского и польского генеральных штабов. Начальник оперативного отдела румынского генерального штаба Флореску, по приглашению польского генштаба, знакомится теперь с „состоянием польской армии“ и сопровождает польского военмин‘а Сикорского в его инспекционных поездках. В общем, французские вассалы снова бряцают оружием в нашу сторону. Хотя к этому очередному весеннему номеру мы порядком привыкли, все же нам далеко ненадолго освежить наши пред-

¹⁾ Перепечатываем эту статью из „Красной Звезды“, № 95 за 1924 г.

ставления о той силе, на которую смог бы опираться наш недавний контрагент в Вене в случае вооруженного конфликта.

2. Реорганизация армии.

В начале 1924-го года румынский парламент принял ряд военных законов, касающихся реорганизации армии. Реформа в целом носит яркие следы французского влияния и еще раз подтверждает, что ни о какой смене ориентации Румыния пока не думает.

Одним из принятых законов Румыния учреждает у себя Совет Национальной Обороны. По своему составу этот орган — в сущности тот же совет министров, с добавлением принца-наследника и высшего совета армии — только с совещательным голосом; по предназначенной ему роли — это орган, согласующий все мероприятия по организации обороны.

Далее, в виду сложности и многообразия подготовительных работ по мобилизации предоставлена большая самостоятельность территориальным окружным командованиям, подчиненным теперь по всем вопросам мобилизации, вместо командиров армейских корпусов, непосредственно большому генеральному штабу.

Самым же существенным моментом реформы является переход дивизий из 4-х полкового в 3-х полковой состав, упразднение, в связи с этим, пехотных и артиллерийских бригад и учреждение, взамен их, должностей начальников пехоты и артиллерии дивизии. Помимо этого необходимо отметить: расформирование 2-х отдельных стрелковых дивизий, 28-ми резервных пехотных полков, 7-ми „каларашских“ полков (дивизионная конница) и сформирование 4-х тяжелых артполков (теперь их 7 — по одному на корпус), 2-й горно-стрелковой дивизии и воздушной боевой флотилии из истребительной и бомбометной групп.

3. О какой армии они мечтают.

После произведенной реорганизации, румынская армия представляется в следующем виде.

Армию составляют: 7 армейских корпусов 3-х дивизионного состава каждый, 1 корпус горных стрелков (3 дивизии), 1 отдельная стрелковая бригада, 2 отдельных кавалерийских дивизии (стратегическая конница), полк танков, полк связи, 2 жел.-дор. полка, полк pontонеров, авто-батальон, зенитный артилл., воздушная боевая флотилия (истреб. и бомбом. группы), 3 разведыват. авиогруппы, 1 гидропланная, 1 аэростатная и 1 эксплоатационная группы и 2 роты велосипедистов. Всего: 72 пех. и стрелк. полков, 20 кавалерийских полков, 42 полка лег. полевой артилл., 7 тяжел. арт. полков, 2 полка и 6 отд. дивизионов горной артилл., 2 дивизиона конной, 1 полк зенитной, 8 авиогрупп, 7 инженерных полков и плюс технические части, перечисленные выше.

Морской флот — весьма незначителен и состоит из 2-х дивизий: морской и речной. Первую составляют: 2 современных эскадренных и 11 устаревших миноносцев разных типов, 4 мореходных канонерских лодки и 4 канлодки береговой обороны; 1 минный заградитель, 1 тральщик, 6 моторных катеров и 2 учебных судна. Речная дивизия состоит из 7 мониторов, 29 вооруженных катеров и 1 яхты.

Высшим войсковым соединением в мирное время является армейский корпус в составе: 3 пехотных дивизий, 1 кавал., 1 саперного и 1 тяжелого артиллерийского полков, адмбатальона, санитарной роты и обозного дивизиона.

Пехотная дивизия имеет: 3 пехотных полка, 1 полк легкой и 1 полк гаубичной артиллерии.

Что касается полков, то как в пехоте, так и в артиллерии, существуют полки двух типов: усиленного и нормального состава. Организационной разницы между ними нет и они имеют только

разную численность. Усиленные полки расположены, главным образом, на границах.

Пехотный полк состоит из 3 батальонов по 3 стрелковых и 1 пулеметной роты (4 тяжелых пулемета) каждый и плюс незначительный кадр для 4-го батальона. Усиленный полк имеет 1.150 чел., а нормальный — до 700 чел.

4. Внушительные цифры.

Численность так организованной румынской армии — около 143.000 чел.; из них — 118.000 рядового состава, 12.000 офицеров и 13.000 сверхсрочных унтер-офицеров. По родам войск и служб численность следующая: пехоты — около 75.000, кавалерии — до 12.000, артиллерии — до 21.000, технических войск — 7.000, воздухофлота — свыше 3.000, в морском флоте — до 2.000 и свыше 20.000 падает на центральные управления, вспомогательные части, учреждения и заведения военного ведомства.

5. А в действительности . . .

На первый взгляд эти цифры производят впечатление довольно стройно организованной и внушительной силы. Но так обстоит дело только на бумаге. Действительно же положение армии далеко от совершенства.

Начнем хотя бы с вооружения.

Как пехота, так и артиллерия, вооружены самыми разнообразными системами, образцами и калибрами. Все попытки установить однообразное вооружение, по крайней мере, в пределах полка, особого успеха не дали. Это, конечно, помимо тормоза в обучении, еще крайне затрудняет вопрос снабжения огнеприпасами, особенно в военное время.

Ахиллесова пята румынской армии — снабжение. Крайне обостренным является даже вопрос продовольствия. Земледельческая страна, с часто богатым урожаем, не может накормить, как следует, своих солдат, и держит их, главным образом, на

мамалыге, вынужденная экспорттировать значительную часть сельско-хозяйственных продуктов в уплату за заграничные военные поставки.

В весьма плачевном состоянии и вопрос с обмундированием и снаряжением. В провинции части ходят в форменных отрепьях, что неоднократно отмечалось оппозиционной румынской же прессой. По донесениям некоторых командиров частей, они при мобилизации не в состоянии будут снаряжать ни одного солдата, а это обстоятельство, во всяком случае, не говорит о наличии мобилизационных запасов в частях.

Особенно сильно дает себя чувствовать отсутствие собственной военной промышленности и необходимость добывать всю материальную часть, особенно артиллерию и самолеты и подавляющее количество огнеприпасов — за границей.

Не в лучшем положении и вопрос обучения и подготовки армии. Вследствие тяжелого материального положения офицеров, желающих поступать в военные училища, находится очень мало, о чем бьет тревогу почти вся румынская пресса. Уже сейчас на ротах встречаются фельдфебеля. За недостатком же инструкторов и ввиду многочисленных командировок и нарядов рядовых, при сокращенном составе частей — обучение весьма затруднено, ведется с перерывами, и солдат, в сущности, обучается в течение малого срока. Если же принять во внимание, что части при мобилизации должны будут пополниться на 60—75% людьми запаса, которые за время состояния в армии категории пройдут всего лишь 2—3 месячных лагерных сбора, то удельный вес боеспособности такой армии надо признать весьма небольшим.

Рано еще, в общем, Румыния бряцать оружием, и вряд ли осмелится она двинуться за Днестр, даже при поддержке Парижа и совместно с другим нашим „добрый“ соседом — Польшей, страдающей теми же недугами.

Деникиневич.

Отдельные факты и цифры.

І.

В газетах и журналах в СССР и за рубежом последнее время появляется много сообщений и материалов, касающихся Румынии и Бессарабии. Это свидетельствует о большом интересе к бессарабскому вопросу. Среди этих сообщений — не мало показательного и яркого, подтверждающего наглядными примерами все то, что рассказано в нашей книге. Приводим здесь некоторые из этих отдельных фактов и цифр, появившихся в газетах и журналах уже в то время, когда наша книга находилась в наборе и печати.

Сколько в Бессарабии румынских солдат и жандармов? Количество румынских солдат и жандармов, расквартированных в Бессарабии постоянно, — не менее 100.000 человек. Это составляет 4% населения. К этому нужно еще добавить великое множество румынских чиновников, охранников и проч., чтобы составить себе представление о численности того „оккупационного корпуса“, который необходим Румынии, чтобы удерживать Бессарабию в своем боярском кулаке.

Усиление румынского флота. В газетах от 13 июня с. г. появилась телеграмма из Рима о том, что румынское правительство заказало крупнейшим итальянским судостроительным обществам 4 миноносца для своего флота. Как мы знаем, и морской, и речной флот Румынии очень слабы и состоят главным образом из устаревших судов. В морской флоти-

лии Румынии, напр., крупных боевых единиц нет совсем, а миноносцев имеется: два современного типа и 11 устарелых. Таким образом, новые 4 миноносца значительно усиливают румынский военный флот. Все же даже усиленный румынский флот сам по себе не будет составлять серьезной угрозы для нашего красного Черноморского флота.

Румынские министры и русские монархисты. В начале июня 1924 г. в берлинской русской сменовеховской газете „Накануне“ появилось сообщение ее парижского корреспондента о том, что „блеститель престола российского“ Кирилл любезно уступил Бессарабию Румынии. Взамен он получил от румынского министра иностранных дел Дука обещание поддержать его кандидатуру на „российский престол“, и наличными некоторую сумму денег. Вот поистине дело, в котором обе стороны в дураках. „Признание“ со стороны Кирилла также точно может укрепить права румынских бояр на Бессарабию, как „поддержка“ румын в состоянии возвести Кирилла или какого нибудь другого прохвоста на „российский престол“. Самое любопытное тут то, однако, что Румыния, которая так гордо твердит о добровольном якобы присоединении Бессарабии к своей „матери“, все таки „покупает“ права на украденную землю у пропившихся бывших князьков. Если „добровольно“, — так к чему еще покупать, хотя бы и за дешево?

Что получили безземельные? Телеграмма Роста из Вены от 11 июня сообщает: В румынской палате депутатов представитель крестьянской партии Якобеску резко критиковал способ распределения земельных участков в Бессарабии, указав, что только 20% бессарабских безземельных крестьян получили земельные наделы. Это конечно, совершенно естественно, если мы вспомним то, что рассказано в главе нашей книги о земельной реформе в Бессарабии: безземельные, по этому румынскому закону, получают землю в самую

последнюю очередь, только после того, как дополнительно наделены кулаки.

Еще справка: в Бессарабии считается малоземельных крестьян около 280.000 семейств, а совсем безземельных крестьян—около 93.000 семейств. Таким образом, по справке румынского депутата парламента Якобеску нужно считать, что землю в Бессарабии получило едва 19.000 семейств безземельных. А так как, к тому же, живого и мертвого инвентаря у них нет, то, естественно, они милостью румынских помещиков и чиновников долго на этой земле и не продержатся. Этого, собственно, и нужно румынским чиновникам и помещикам. Шум есть: земельную реформу делают. А земля вернется к помещику. Так рассчитывают румынские бояре. Не просчитаются ли? Последний то счет не они поведут...

Еще о нефтяной промышленности Румынии. Румынская нефтепромышленность в настоящее время состоит из 135 нефтяных обществ с капиталом в 5.833.176.000 румынских лей, 10.579.000 фунтов стерлингов, 9.246.666 голландских гульденов, 32.750.000 французских франков, 7.500.000 бельгийских франков и 120.000 итальянских лир. Из них 54 общества снабжены чисто-румынским капиталом, всего 2.050.000.000 лей. Другие 25 обществ, обладая капиталом в 1.800 миллионов лей, имеют смешанный капитал, а остальные общества принадлежат всецело иностранному капиталу („Правда“, 11 июня 1924 г.)

Румынский бензин не находит сбыта. Экономическая газета „Аргус“ пишет в № от 18 мая 1924 г.: „Румынский бензин, несмотря на то, что его экспортная цена понизилась от 14 лей за литр до 9 лей, все еще не находит себе покупателя, потому что мировой рынок занят американско-голландским трестом“.

Общий кризис хозяйства в Румынии. В том же номере „Аргус“ пишет: В Румынии „торговля переживает кризис сбыта и недостаток денег.

Покупательная способность ослаблена. Помещики не могут продавать своего хлеба. Некоторые фабрики совершенно закрылись, а другие уволили часть рабочих. Строительная промышленность совершенно застахла. Государственные служащие с трудом могут пропитаться. Государственные доходы медленно сокращаются. Иностранные валюты становятся с каждым днем дороже. Сельское хозяйство в настоящее время на 20% уменьшилось по сравнению с довоенным временем. Кроме того, румынский хлеб имеет конкурента в лице Аргентины" („Правда“, 11 июня 1924 года.)

Государственный долг Румынии громаден. Дружественная Румынии газета „Пражская Пресса“ принуждена признать крайне тяжелое состояние государственной задолженности Румынии иностранным государствам. В № от 15 апреля 1924 г. эта газета пишет следующее: „До войны государственные долги Румынии равнялись 1.730 миллионам лей. На 1 января 1924 года государственный долг уже равняется 31.500 миллионам лей бумагами и 1.227 миллионам лей золотом. Кроме того, за государством числится еще длинный ряд других финансовых обязательств, которыми оно связало себя само или же договорами с заграницей“.

Начальник пограничной стражи — убийца. Положение румынского правительства на международной арене пошатнулось, и теперь ему приходится принимать всяческие меры, чтобы показать европейской общественности, будто оно и само борется с насилиями, чинимыми в Бессарабии. Ради этого румынское правительство решило сделать вид, будто оно приносит в жертву одного из самых усердных проводников его бессарабской политики, обер-лейтенанта Морареску. Этот Морареску — доверенный человек бывшего коменданта (а по просту и диктатора) Бессарабии генерала Поповича. Он был начальником погранич-

ной стражи в местечке Аттаки на Днестре (это местечко расположено на Бессарабском берегу как раз напротив города Могилева-Подольского, находящегося на украинском берегу реки). Теперь Морареску обвиняется в совершении массовых убийств. Так, он собственноручно убил 20 украинских беженцев из голодающих областей. Общее число убитых этим румынским офицером достигает 50. Среди них — старики, женщины, дети. В июне нынешнего года ясская военная прокуратура арестовала Морареску, и против него возбуждается дело. Конечно, румынскому правительству нужна только шумиха о том, будто оно на страже гуманности и всего прочего. В конечном счете Морареску верно не пострадает. Но и по части шума румынское правительство осторожно, и данные следствия по этому делу не публикуются. Конечно, то, что невыгодно румынскому правительству, так и не будет публиковаться. Публиковать все как следует — значило бы показать, что Морареску делал только то, что ему приказывали делать люди, стоящие выше, т. е. только то, что позволяло ему делать румынское правительство. Это оно должно быть на скамье подсудимых вместе с Морареску, а не один только Морареску. Может быть пока правительство от суда и увильнет, спрятавшись за спиной убийцы-пограничника, но морально оно и из этого дела выйдет оплеванным. Между прочим, депутаты оппозиции в румынском парламенте в связи с делом Морареску готовятся опубликовать разоблачения, компрометирующие правительство.

Бессарабский вопрос в английском парламенте. По сообщению Роста из Лондона от 16 июня 1924 г. в палате общин член рабочей партии Мильс спросил Макдональда, является ли вопрос о так называемой румынской Бессарабии урегулированным против воли страны, связанной союзом с Великобританией во время войны. Деликатно сказано, — в Англии даже члены рабочей

партии, и даже тогда, когда устраивают неприятность Макдональду, выражаются деликатно. Однако, каждому понятно, в чем тут дело. Результат пока получился только такой: запрос Мильса был встречен возгласами „к порядку“, а со стороны правительства ответа не последовало.

Но когданибудь и английскому правительству придется поинтересоваться Бессарабией. Вопрос о ней всплывает при всяком случае. Так, например, в конце июня в Англии и во всей Европе большой шум вызвали сообщения печати (потом опровергнутые), будто бы при свидании с новым главой французского правительства, радикалом Эррио, английский премьер и лидер рабочей партии Макдональд письменно обязался действовать совместно с Францией в случае нападения со стороны Германии. Влиятельный член английского парламента Кенвортி в беседе по этому поводу коснулся вообще вопроса о договорах и о заключении их помимо парламента и Лиги Наций. Между прочим, Кенвортி сказал: „В частности, мы безусловно, высказываемся против гарантирования восточных границ Польши и Румынии, ибо мы полагаем, что эти границы противоречат принципам национального самоопределения“.

Румынская оппозиция делает правительству неприятности. Последнее время оживилась деятельность так называемых оппозиционных партий в Румынии, направленная против нынешнего правительства Братиану. Лидер так называемой крестьянской партии в румынском парламенте, депутат Лупу, критикуя иностранную политику румынского правительства, заявил в одном из июня заседаний парламента, что Румыния не навистна не только всем соседним странам, но также и западным государствам. Политика правительства обанкротилась, и отсюда получилось и одиночество Румынии (ее, как выражаются, изоляция), и падение курса леи, и нераз-

решенный вопрос о Бессарабии. Лупу жаловался, что и признание „прав“ Румынии на Бессарабию со стороны Италии румынский министр иностранных дел Дука прозевал из за финансовых вопросов, и на Японию теперь рассчитывать нечего. Из за своего конфликта с Америкой, Япония теперь не захочет ухудшать своих отношений с СССР.

Далее Лупу сказал, что нынешняя румынская политика ведет к войне с Советским Союзом, которая совершенно не по плечу Румынии, изолированной даже от Малой Антанты. Особенно же нужно принять во внимание, — говорил Лупу, — мощную советскую армию. Бессарабский вопрос мирным путем может быть разрешен только демократическим правительством. Правительство Братиану, поддерживающее террор в Бессарабии, должно поэтому уйти в отставку.

Однако, предложение Лупу о выражении недоверия правительству Братиану было отклонено 136 голосами против 35. Жалеть об этом, впрочем, не приходится. Ибо румынская буржуазная оппозиция в сущности ничего не стоит. Она добивается отставки Братиану не для того, чтобы освободить и Бессарабию, и весь румынский народ, а только для того, чтобы самой сесть на шею Румынии и Бессарабии. Недаром ведь лидер оппозиции Лупу в той же „громовой“ речи упрекал правительство Братиану в том, что оно отправило в Вену на конференцию неспособных делегатов, что ухудшило возможности соглашения. Если бы были, значит, способные делегаты, которым удалось бы об'егорить советскую делегацию, то Лупу был бы доволен. А ведь это руководитель „крестьянской“ партии... Недалеко он ушел от Братиану и братии.

Что такое „крестьянская“ партия. „Крестьянская“ партия в Румынии — простая фальсификация, предназначенная для того, чтобы обманывать крестьян. Ничего крестьянского в ней нет. Достаточно сказать, что в июне нынешнего года

она постановила сливаться с румынской национальной партией, под названием национально-крестьянской партии. В программе этой новой партии значится: сохранение территориальной целости Румынии (то есть оставление Бессарабии в румынских руках), борьба трудящихся классов и крестьянства против гнета либералов (не против капитала и помещиков, а против либералов, — вот оно как сильно), устранение правительства Братиану (в этом весь секрет, — чтобы самим сесть на это место), пересмотр распределения земли (а как это делается — мы уже знаем по румынской и бессарабской земельной реформе, которая заключается в том, чтобы пускать пыль в глаза). И еще ряд других таких же пунктов, цель которых — обмануть крестьян и повести их за собою. А лидером этой „крестьянской“ партии оказывается „временно“ лидер партии национальной, бывший румынский премьер-министр Маниу...

Такова румынская „оппозиция“, такова ее политическая ценность. Но может случиться, что опыт сближением не пройдет даром и многим крестьянам в Румынии встаки раскроет глаза. Сближение вызвало раскольническое движение в обеих слившихся партиях. Несколько реакционнейших националистов вышли из партии, не вынося соседства даже с поддельными крестьянами. Зато и левое крыло крестьянской партии недовольно, тем более что и наиболее радикальный вождь крестьянской партии Швере не избран во временный президентум обединенной партии. Особое недовольство выражают бессарабские организации крестьянской партии. В Кишиневе съезд партии прошел очень бурно, и значительная группа делегатов клеймила реакционно-клерикальный и шовинистический уклон партии. Ожидается уход из этой партии многих до сих пор одураченных крестьян, бывших ее членами.

Крестьяне Бессарабии и Румынии все больше и все очевиднее убеждаются, что только одна

из всех существующих в Румынии партий может отстоять их интересы. И эта единственная партия—коммунистическая. Только она, борясь за пролетариат и против всякого гнета, защитит и угнетаемых крестьян.

Румынские меньшевики не лучше так называемой „крестьянской“ партии, слившейся с реакционными националистами. Как сообщает Роста из Вены 14 июня нынешнего года, — румынская социал-демократическая партия отклонила предложение румынской коммунистической партии об образовании единого фронта. Румынские социал-демократы меньшевики предпочитают играть в оппозицию против правительства Братиану и вместе с националистами и „крестьянами“ в ковычках воевать против... либералов, завоевывая теплые местечки для националистов. Это для них более подходящее занятие, чем вместе с коммунистами единым фронтом бороться с капиталом, с гнетом, за интересы, права и свободу рабочих и крестьян. Впрочем, из нашей книжки мы между прочим знаем уже и о предательской позиции румынских меньшевиков в бессарабском вопросе,— вплоть до поддержки позиции румынской делегации на венской конференции. Где уж от таких господ ждать единого революционного фронта?! ...

У бессарабских рабочих и крестьян, у румынских рабочих и крестьян,— один только путь к спасению. И этот путь — не с меньшевиками и не с либералами, не с консерваторами, и не с „оппозицией“ из крестьянско-националистской партии. Этот путь — с коммунистами.

II.

Вопрос о Румынии и Бессарабии на V конгрессе Коминтерна, — возникал несколько раз.

В докладе своем о национальном вопросе, т. Мануильский вопроса о Бессарабии не касается, но он все же не был обойден в прениях. Его коснулся румынский делегат конгресса тов. Георгеску. Вот его речь в заседании Конгресса 1 июля 1924 г. (приводим по отчетам „Правды“ и „Известий ЦИК“).

„Румыния действительно является классической страной, в которой национальный вопрос может быть в исключительно большой степени использован коммунистической партией для блага революции. Румынская компартия долгие годы относилась к национальному вопросу недостаточно внимательно. Лишь в прошлом году, на конференции балканской конфедерации компартий партия получила вполне ясную программу по национальному вопросу. Программа эта признает лозунг самоопределения всех народов вплоть до полного отделения их. И партия наша действительно пользовалась этим лозунгом.

Для того, чтобы дать вам наглядную картину исключительного значения национального вопроса для Румынии, я укажу вам процент румынского населения в отдельных частях государства. В Добрудже румынское население составляет лишь $2\frac{1}{2}$ проц. всего населения этой области, в то время

как болгары составляют там свыше 40 проц. В Буковине имеется лишь 34 проц румын. В Трансильвании, принадлежавшей до войны Венгрии, румыны составляют 64 проц. населения.

Из этих цифр вытекает, что национальный вопрос стоит перед румынской компартией весьма остро. Во время венской конференции между СССР и Румынией компартия боролась за самоопределение Бессарабии вплоть до отделения ее от Румынии. Поведение партии в этом вопросе было действительно коммунистическим. Доказательством этому служит тот террор, которому партия подвергается с тех пор. Вся партийная пресса подавлена, Партия загнана в подполье. Румынская буржуазия делает безуспешные попытки совершенно раздавить ее.

Тов. Мануильский не упоминал в своем докладе о бессарабском вопросе. Между тем, этот вопрос становится с каждым днем острее. Когда лидера румынской крестьянской партии, Лулу, английский журналист спросил в Лондоне, отчего румынское правительство не соглашается на плебисцит, раз по его утверждениям, большинство населения Бессарабии румыны, то Лулу вынужден был ответить лишь, что плебисцит вообще дело хорошее. Он не посмел признать того факта, что румынское правительство не согласно на плебисцит ввиду того, что даже румыны будут голосовать за отделение Бессарабии от Румынии.

Тов. Мануильский обвинял нашу партию в недостаточно ясной позиции по венгерскому национальному вопросу. Обвинение это неправильное. Наша партия заняла в этом вопросе совершенно ясную точку зрения.

Мы убеждены, что наша компартия и в будущем сумеет использовать национальное движение для пролетарской революции. (Аплодисменты).

В одном из следующих заседаний, в прениях по докладу тов. Коларова об аграрном во-

Присоединенный конгресс ознакомился с положением румынских крестьян. Его осветил делегат Румынии тов. Попеску в своей речи в заседании Конгресса 3-го июля 1924 года.

Тов. Попеску указывает, что в Румынии крестьяне не являются ни мелкими собственниками, ни свободными рабочими, ни фермерами, потому что ту землю, которая была им дана после трех восстаний, они получили без права отчуждения по самой дорогой цене. В силу закона, изданного в 1864 г. так называемого закона защиты труда, крестьянин не может уйти из своей деревни, если деревня нуждается в его рабочих руках.

„В Румынии крестьянин является полурабом.

Положение характеризуется еще тем, что отношения между крестьянином и помещиком у нас натуральные.

Земельная реформа в Румынии дала землю небольшому слою главным образом кулакам, офицерам, чиновникам. Большая часть этих сельских кулаков и интеллигентии, которые прямо заинтересованы в эксплоатации крестьянства, организовали после войны царанистскую (крестьянскую) партию. Олигархия сумела поставить во главе этой партии своих людей, чтобы сломить раннее рабочее движение в городах, а затем крестьянское движение. Теперь эволюция в этой партии закончена. „Крестьянская“ партия теперь является партией кулаков, а интеллигентия городская и деревенская стремится теперь к власти не только для того, чтобы спасти свое теперешнее положение, но и для того, чтобы в случае, если эти крестьяне, которые, находятся сейчас в полурабском положении, и городские рабочие начнут бороться за изменение режима в Румынии, эта партия во имя „спасения отечества“ могла сломить это движение.

Коммунистическая партия собиралась издать свой печатный орган для крестьянства, но это ей не уда-

лось, так как в Румынии свирепствует неслыханный террор. Сейчас, например, газеты принесли весть о том, что наших товарищей арестовывают без всякого повода, убивают, а прессы наша поставлена вне закона.

— Я уверен, что коммунистическая партия Румынии сделает все возможное, чтобы поднять крестьянство Румынии. И мы надеемся, что с помощью Крестьянского Интернационала нам это удастся“.

Протест против зверств румынских бояр. Наконец, в заседании 4 июля Конгресс принял единогласно следующую резолюцию:

„Телеграмма из Румынии сообщает, что тов. Илеш, секретарь кронштадтской организации коммунистической партии Румынии (Трансильвания) был зверски убит в полицейских застенках агентами охранки. Это дикое убийство является продолжением традиционной системы преследования боевых представителей рабочего класса Румынии со стороны румынской буржуазии. В тюрьмах Бухареста, Кишинева, Сибиу, Дофтано и крепости Жилава десятки наших товарищей умирают от голодовок, на которые их вынуждает буржуазия, избирающая этот вероломный способ, чтобы освободиться от них. Узнав об этих преступлениях, которые тяжело поражают компартию и рабочее движение Румынии, конгресс от имени Коммунистического Интернационала заявляет о своем протесте против олигархии румынских бояр и капиталистов. Устрашенные подъемом революционной волны на окраинах и в центре страны, они думают спастись от революции, поддерживая и усиливая белый террор.“

Конгресс шлет приветствие и выражение своей братской солидарности коммунистической партии и рабочему классу Румынии и выражает надежду, что румынский пролетариат и его классовая партия будут, как и раньше итти по пути революции“.

Несколько новых фактов о положении в Бессарабии рассказала коммунистка тов. Е. Арборе-Ралли в своей статье в „Правде“ от 5 июля 1924 г. Тов. Арборе Ралли, уроженка Румынии, легально имея нужные визы, приехала из России в Румынию, но вскоре была задержана в Бухаресте румынскими властями, затем арестована и насилием выслана. Вот что она рассказывает:

„Конечно, отголосок русско-румынских переговоров проявился прежде всего в бессарабской коммунистической организации, которая выпустила на 1 мая возвзвание с лозунгом требования права самоопределения, плебисцита и вхождения Бессарабии в Союз Советских Социалистических Республик.

Надо заметить, что благодаря двуличной, лицемерной политике Братину, день 1 мая в Румынии был обявлен ~~официальным~~ праздником; в Бессарабии новым военным комендантом, полковником Рудяну, сменившим недавно знаменитого полковника Ноповича, начальника бессарабского населения, было ~~дано~~ дано профсоюзам право открытых собраний в день 1 мая, в то время как в Бухаресте они были запрещены. На митинге в Кишиневе собравшимися рабочими и коммунистической молодежью был произнесен в числе других и лозунг требования права плебисцита, что и вызвало немедленное вмешательство представителя румынской власти. На его требование о немедленном закрытии собрания, собиравшаяся молодежь ответила заявлением, что она не признает законными румынские власти, так как Бессарабия была насилием присоединена к Румынии. Последствием этого отважного ответа был, конечно разгон собрания вооруженной силой, многочисленные аресты и жестокие избиения арестованных в сигуранде (охранке). Несмотря на это, 10 мая в Бессарабии были расклеены в городах новые революционные возвзвания, и брожение среди рабочих не прекратилось, а усилилось.

Еще более характерно для переживаемого момента — отношение крестьянства Бессарабии, в большинстве своем молдавского, т.-е. румынской национальности,—к вопросу о плебисците.

Известно, что ответом румынского правительства на требование советского правительства, во время венских переговоров, права самоопределения Бессарабии — было, между прочим, и устройство правительенного митинга и банкета в Кишиневе в годовщину насильтственного присоединения Бессарабии к Румынии с участием представителей от всех партий. Парламентская оппозиция, т.-е. крестьянская и национальная партии, отказалась присутствовать на этом банкете.

По этому случаю один из представителей бессарабской сельскохозяйственной кооперации передавал при мне следующий факт, очевидцем которого он был: встретив крестьян, явившихся в Кишинев, по приказу местных властей, на его вопрос — почему они явились участвовать на правительственном торжестве, он получил следующий ответ: крестьянам было сказано, что в Кишинев приехал английский генерал, который будет их опрашивать, скем они желают быть — с Советской Россией или с Румынией. Крестьяне явились для голосования за переход Бессарабии к Советской России. И велико было их возмущение, когда оказалось, что это сообщение было простой уловкой со стороны властей, чтобы собрать крестьян в Кишинев.

Аллегорическое шествие, организованное правительством, которое должно было означать закованную в цепи и освобождаемую Румынией Бессарабию, было понято бессарабским населением совершенно в противном смысле, а именно — в смысле порабощения румынской армией Бессарабии.

Второй случай не менее характерен для настроений бессарабского крестьянства. Этот случай был мне рассказал тоже очевидцем, одним из главнейших вождей крестьянской партии. На митинге,

созванном этой партией в Оргееве, после речей бессарабских депутатов попросил слова старый крестьянин-молдаванин — 70 лет. Получив его, он произнес на крестьянском молдаванском наречии аллегорическую речь, в которой рассказал следующее: были у него некогда, как у всех отец и мать. Отец был крайне строг, даже часто жесток с сыновьями. Заставлял много работать и часто наказывал, мать была всегда ласкова, сладко говорила и утешала надеждами на будущее. Сыновья больше любили мать, чем отца. Умер отец, наконец, и тогда сыновья, освободившись от долголетнего гнета, стали надеяться зажить счастливой жизнью. Но... велико было их разочарование. Мать, казавшаяся прежде столь доброй и ласковой при жизни отца, вдруг оказалась во сто крат хуже... Сыновья попали в полную кабалу, стали подвергаться жесточайшей эксплоатации со стороны, так называемой матери-родины (Румынии), которая показала себя ни более ни менее как настоящей... плохой!..

Эффект речи старика крестьянина, конечно был потрясающим. После нее другие крестьяне потребовали, чтобы слова „деда Мишу“ были бы так же точно записаны, (т. - е. стенографированы), как и речи других ораторов-депутатов, и были бы напечатаны в газетах, не только на румынском, но и на русском языке...

Вопрос о плебисците в Бессарабии глубоко всколыхнул широкие массы бессарабского крестьянства. Этого факта никто в Румынии не отрицает.

Бессарабское мещанство, средняя и мелкая буржуазия и часть интеллигентии в вопросе о плебисците, как всегда сидят между двух стульев. Один из типичнейших представителей еврейского среднего купечества на вопрос о их решении в случае плебисцита, ответил, что оно уже имело совещание, на котором решили воздержаться от голосования в чью-нибудь пользу, чтобы не подвергаться репрессиям в том или ином случае.

В общем, по мнению не только партийных кругов, но и представителей крестьянской бессарабской партии, мелкобуржуазной по своему существу, Бессарабия находится накануне неминуемого народного восстания; причины тому—шестигодний белый террор со стороны румынского правительства, непрерывные притеснения национальных меньшинств, запрещение издавать газеты и журналы на других языках, кроме румынского и, наконец, вспыхивающие злоупотребления при введении земельной реформы".

Перемены в бессарабской администрации. По сообщению „Роста“ из Вены, 1 июля, Совет министров Румынии заслушав доклад вернувшихся из инспекционной поездки в Бессарабию министра по делам национальных меньшинств Татареску и товарища министра Чипаяну постановил, в виду недовольства бессарабского населения лихомством и злоупотреблениями местных властей, приступить к реорганизации бессарабской администрации. В Бессарабию командированы 3 правительственные комиссара для контроля над действиями бессарабских местных властей и удаления непригодных префектов.

Антиправительственная румынская печать отмечает что правительство вынуждено к этому шагу „успешной агитацией, которую ведет советское правительство среди бессарабского населения, недовольного румынским режимом“. По сведениям капиталистического органа „Адеверуль“, результаты следствия о лихомстве бессарабской администрации приведут к отставке министра по делам Бессарабии Инкульца, брат которого сильно скомпрометирован раскрытыми в Кишиневе злоупотреблениями сказки!..

Закрытие школ национальных меньшинств. Во время обсуждения школьного законопроекта в румынском парламенте социалистический депутат Пистинер указал на угнетение школ национальных меньшинств в Бессарабии. Вице-председатель румынского сената Александри, отвечая

бессарабским делегатам, которые протестовали против угнетения школ национальных меньшинств, заявил, что правительство поступает так, как ему угодно. Фактически в Бессарабии почти все школы национальных меньшинств закрыты. В Буковине уничтожены все школы не только в смешанных, но и в чисто украинских областях. Даже некоторые румынизованные школы существуют только на бумаге.

Насильственная румынизация украинских школ. Румынский парламент принял законопроект об обязательности преподавания в национальной школе румынского языка. Родной язык в средних школах меньшинств считается предметом необязательным. Министру народного просвещения разрешается закрывать школы национальных меньшинств без указания причин. В виду отборания от украинских школ учебных пособий, большинство из них пришлось закрыть. Остальные школы содержатся на частные средства. Из 3000 учеников национальных школ, более 2000 были провалены на экзаменах за недостаточное знание государственного языка.

Обострение экономического кризиса в Румынии. Вследствие кризиса производства и сокращения экспорта, недоверие заграничных финансистов за последнее время снова усилилось, чему значительно способствовало еще принятие румынским парламентом законопроектов, наносящих ущерб интересам, иностранного капитала. Курс лея на цюрихской бирже, недавно несколько улучшившийся, теперь снова резко понизился.

Министр финансов Братиану, пытаясь улучшить положение, обратился к английским финансовым кругам с телеграммой, разъясняющей, что принятый парламентом закон об охране горной промышленности, не наносит ущерба интересам английских капиталистов и позволяет предоставлять новые концессии английским нефтяным фирмам. В то же время румынское правительство предписало своим

торговым агентам в Лондоне и Брюсселе противодействовать кампании, ведущейся заграничной прессой против экономической политики Братиану. Министру торговли Константинеску поручено выработать меморандум, в целях опровержения обвинений против новых румынских экономических законов и привлечения иностранных капиталистов к участию в румынской промышленности.

Лея — копейка. Оратор кулацкой „крестьянской“ партии Мадьеару заявил в парламенте, что за время власти кабинета Братиану курс румынской леи упал больше чем на 50%. По другим подсчетам дело обстоит еще печальнее — реальная стоимость леи в переводе на русские деньги достигает только одной копейки.

Неурожай в Бессарабии. Сильная засуха нынешнего лета погубила урожай пшеницы и ржи в Бессарабии. В Румынии тоже неурожай.

Падение вывоза. За прошлый урожайный год, из Румынии вместе с Бессарабией было вывезено хлеба меньше, чем вывозила до войны одна только старая Румыния. В нынешний неурожайный год — вывоз будет еще меньше. А между тем от вывоза хлеба зависит благополучие румынских финансов.

Новый способ добиться подачки. Румынский премьер Братиану в беседе с американскими корреспондентами счел необходимым опровергнуть распространившиеся в Америке слухи „о русском вторжении в Бессарабию“. Из желания обеспечить свою валюту от дальнейших неприятностей, Братиану стал подробно распространяться о безопасности Бессарабии и невозможности „советского нападения“ на Европу. Далее Братиану через посредство американской прессы пытается внушить европейской дипломатии страх перед возможностью распространения большевизма через румынскую отдушину. Он сказал, что если Европа допустит разгром Румынии, то большевистская пропаганда распространится в невежественных балканских странах и поставит под угрозу всю Европу. Беседа

Британу полна плохо скрываемых стремлений путем запугивания добиться американских денег.

Франция вооружает Румынию. Английская газета „Дэйли Геральд“ напечатала разоблачения военного специалиста относительно производства средств вооружения в Чехо-Словакии и Австрии. Главным центром производства являются заводы Шкода в Чехо-Словакии и государственные австрийские заводы. И те и другие работают под французским контролем и на французские деньги. Эти заводы снабжают оружием Юго-Славию, Польшу и Румынию. Румыния заказала на австрийских заводах громадное количество артиллерийских снарядов, винтовок, минометов. В течение 1923 года Румыния закупила одних лишь полевых артиллерийских орудий на 79 миллионов франков и на 20 миллионов франков она купила в течение того же года аэропланов.

Румыния и конференция малой Антанты. В середине июля в Праге (столица Чехо-Словакии) открылась конференция так называемой Малой Антанты. Это союз государств, в состав которого входят Юго-Славия, Чехо-Словакия и Румыния, фактически действующие по указке большой Антанты и главным образом Франции. Этой пражской конференции предшествовало много толков в европейской печати. Важнейший вопрос, стоявший перед конференцией—это о признании СССР входящими в состав „Малой Антанты“ государствами. Румыния пыталась связать это признание с признанием со стороны СССР ее „прав“ на Бессарабию. Однако другие государства не хотят поддерживать Румынию в бессарабском вопросе и не ставят свое признание в зависимость от бессарабского вопроса. Таким образом, Румыния и здесь потерпела неудачу. Она в одиночестве, никто не рискует поддержать ее разбойничьи притязания на Бессарабию.

С. С. СИДОРЧУК

Института Е. П. Морозова

ЛИТЕРАТУРА

по вопросам о Румынии и Бессарабии.

Л. Троцкий и Х. Раковский. Очерки политической Румынии. Государственное Издательство. Москва, 1922 г.

Г. Устинов и К. Бесядовский. Современная Румыния. Высший военный Редакционный Совет. Государственное Издательство. Москва, 1923 г.

Х. Раковский. Боярская Румыния. Высший военный Редакционный Совет. Москва, 1922 г.

Красные Книги. Советские Россия — Украина и Румыния. Народный Комиссариат по иностранным делам УССР. Всеукраинское Государственное Издательство. Харьков, 1921 г. (Сборник дипломатических документов и исторических материалов).

В. Дембо. Никогда не забыть. Кровавая летопись Бессарабии. По официальным документам. Издательство „Красная Новь“, Главполитпросвет. Москва, 1924 г.

Проф. М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Москва, 1924 г. Изд. „Красная Новь“. Отдельные главы, затрагивающие историю взаимоотношений с Румынией.

Ф. Н. Васильев. Румынский фронт. Со вступительной статьей С. Казакова „Румыния в мировой войне“. — Госуд. Военное Издательство. — ВВРС. — Москва 1924 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Что такое Бессарабский вопрос	3 — 11
Венская конференция и ее значение	5
Сила Румынии и судьбы Бессарабии	9
Бессарабия	12 — 29
Прошлое Бессарабии	12
Кое что об „исторических правах“	18
Население	20
Города и границы Бессарабии	21
Хозяйство	24
Румыния	30 — 45
Румынские крестьяне под гнетом бояр	30
Захват чужих земель	35
Румыния до войны и после войны	36
За что награждают Румынию	42
Дунай	46 — 54
Географическое положение Дуная	46
Дунай, торговля и войны в XIX веке	47
Дунай, мировая война и Бессарабский вопрос .	51
Как захвачена Бессарабия	55 — 80
Румынская агентура	55
Освобождение Раковского и паника в Яссах .	58
Помещики спасают свою власть	60
По примеру „Рады“	64
Сфатул-Цэрий и молдавские полки	66
Обман и заметание следов	70
Последние дни свободной Бессарабии	73
Ответ Совнаркома: арест Диаманди и румын- ского золотого запаса	74
Наш счет ограбленного	78
Шесть лет	81 — 107
Бессарабия оккупирована	81
Крестьянство всетаки против румын	85

Почему торопились Румыны	87
Советско-Румынский договор 1918 г.	90
„Порядок“ и „спокойствие“	93
Уничтожение призрака автономии	97
Восстания в Бессарабии	99
300.000 беженцев	104
Бессарабия в дни Венской конференции	105
Удержанится ли Румыния в Бессарабии?	108 — 141
Возможности хозяйствственные	108
Нефть	110
Транспортная разруха	118
Внешняя торговля Румынии	120
Аграрный вопрос	121
Аграрная реформа в Бессарабии	127
Культурное влияние и национальный вопрос	132
Рабочее движение в Румынии	136
В погоне за союзниками	142 — 151
Итоги и выводы	152 — 157
Приложение I. На бумаге и в действительности. Дан- ные о румынской армии. Статья Демяшке- вича	158
Приложение II	153
Отдельные факты и цифры	153
Литература	172
Карта Бессарабии.	
